

**В ПОМОЩЬ ПАРТАКТИВУ И
ПРОПАГАНДИСТАМ**

БУДЕМ ЗОРКИ И БДИТЕЛЬНЫ

***СБОРНИК СТАТЕЙ И
МАТЕРИАЛОВ***

**Автор: Д. Мануильский, А. Вышинский, С.
Уранов, Ал. Хамадан, О. Виндт,
Л. М. Заковский**

**ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО**

1937

**Эта электронная книга является публикацией
SPC —STC — DD(CP).
Февраль 2026.**

150
D 339
H 730

В ПОМОЩЬ
ПАРТАКТИВУ
И ПРОПАГАНДИСТАМ

БУДЕМ ЗОРКИ И БДИТЕЛЬНЫ

*Сборник статей
и материалов*

1937

ВОРОНЕЖСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Источник: В ПОМОЩЬ ПАРТАКТИВУ И ПРОПАГАНДИСТАМ, БУДЕМ ЗОРКИ И БДИТЕЛЬНЫ, *СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ*.

Автор: Д. Мануильский, А. Вышинский, С. Уранов, Ал. Хамадан, О. Виндт, Л. М. Заковский

Издательство: Воронежское областное книгоиздательство

Язык: Русский

Год выпуска: 1937

Произведено путем транскрипции, ручного редактирования и подготовлено в виде электронной книги.

Эта электронная книга является публикацией

SPC — STC — DD(CP).

Февраль 2026.

***The Socialist Truth in Cyprus
(London Bureaux)***

***Социалистическая правда
на Кипре (бюро в Лондоне)***

***Direct Democracy
(Communist Party)***

***Прямая демократия
(Коммунистическая
партия)***

<http://www.st-cyprus.co.uk>

www.directdemocracy4u.uk

Kıbrıs Sosyalist Partisi
The Socialist Party of Cyprus
Το Σοσιαλιστικό Κόμμα Κύπρου
<https://st-cyprus.co.uk/kibris-sosyalist-partisi>

СОДЕРЖАНИЕ

Д. МАНУИЛЬСКИЙ, О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ СССР	7
А. ВЫШИНСКИЙ, МЕТОДЫ ВРЕДИТЕЛЬСКО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ ТРОЦКИСТСКО-ФАШИСТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ.....	29
С. УРАНОВ, О НЕКОТОРЫХ КОВАРНЫХ ПРИЕМАХ ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК.....	60
РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА	86
Зловещий фронт	86
Мировая война и разведка	96
Развитие современной системы разведки	111
Разведчик и его деятельность	127
Связь—самая опасная часть работы разведчика.....	141
Контрразведка—организованное наблюдение за разведчиками	161
Достижения контрразведчиков в период мировой войны.....	167
Цензура, как средство контрразведки	181
Тайная полиция	190
Пропаганда, как средство секретной службы	193
АЛ. ХАМАДАН. ЯПОНСКИЙ ШПИОНАЖ	200
Японский шпионаж в Британской империи и Соединенных штатах Америки	208
Китай в сетях японской разведки	215
Секретный доклад японского разведчика	218
Генерал Доихара—„дальневосточный Лоуренс“	224
Некоторые факты японского шпионажа в СССР	227
Троцкистская агентура японского генерального штаба	231
ОТТО ВИНДТ. ГЕРМАНСКАЯ ТАЙНАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА	243
РЕЧЬ ТОВ. Л. М. ЗАКОВСКОГО НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	254
ЗАЩИТНИКИ ТРОЦКИСТСКО-ЯПОНО-ГЕРМАНСКИХ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ	261
КРИЗИС ИНОСТРАННОЙ БУРЖУАЗНОЙ РАЗВЕДКИ	267

ЗА ШПИОНАЖ И ИЗМЕНУ РОДИНЕ—РАССТРЕЛ!.....	272
МОЩЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НЕСОКРУШИМА!.....	278

„Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение,—будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов”.

И. СТАЛИН.

Д. МАНУИЛЬСКИЙ, О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ СССР

I

Товарищ Сталин на последнем Пленуме ЦК ВКП(б) предостерег нашу партию против беспечного отношения к капиталистическому окружению нашей страны. Он особенно настойчиво призывал нас всех не забывать того, что социализм пока победил лишь в одной шестой части земного шара, что на остальных пяти шестых господствуют капиталистические порядки, властвует буржуазия, которая хочет либо уничтожить социализм и восстановить капитализм в СССР либо, по крайней мере, задержать развитие социалистических порядков у нас.

Борьба мира капиталистического против мира социалистического не прекращалась и не прекратится, пока существуют обе эти системы. История нас учит тому, что ни один класс не уходил добровольно. Ни один социально-политический уклад не уступал свое место другому без того, чтобы защитники старого уклада не вели самой ожесточенной борьбы против рождающегося нового строя. Тем более это верно в отношении социализма, который меняет в основе все экономические и социально-политические отношения людей. Эксплуататорские классы борются против социализма не только пропагандистскими методами, мобилизуя для этой цели своих ученых, свою печать, свою церковь; они пускают в ход насилие, душат рабочее движение, громят его организации, действуют при помощи

подкупа и террора, рассчитывая таким путем удержать народные массы своих стран от борьбы за социализм.

В то же время капиталистические государства лихорадочно вооружаются на суше, на море и в воздухе не только для борьбы друг с другом за осуществление своих империалистических притязаний, но и для войны за свержение ненавистного им социалистического строя в СССР и закабаление народов Советской страны. Но тогда как одни из этих государств, которые выиграли мировую войну 1914—1918 годов, в которых сохранился еще буржуазно-парламентский строй, которые боятся своих беспокойных фашистских соседей, проявляют известную готовность к мирному сотрудничеству со страной Советов, другие государства—фашистского типа—охвачены агрессивным рвением, не всегда отвечающим, однако, их возможностям в деле осуществления агрессии. И если фашистские государства сегодня не ведут открытой войны против страны социализма, то отнюдь не потому, что они примирились с победой социализма на одной шестой части земли, а потому, что они к такой войне еще не готовы, что дикая агрессивность фашистских государств вызывает тревогу у соседних капиталистических стран, а главное потому, что выросла обороноспособность СССР и что они боятся своих собственных народов.

В прошлом капиталистический мир уже пробовал прощупать нашу страну штыком. Можем ли мы забыть о вооруженной интервенции капиталистических государств в годы гражданской войны, интервенции, которая ее инициаторам

победы не принесла, но затянула гражданскую войну, увеличила страдания наших народных масс и затруднила более быстрый размах нашего социалистического строительства? Можем ли мы забыть, как эти государства снабжали оружием контрреволюционных генералов: Деникина, Колчака, Врангеля,—как они посылали в нашу страну экспедиционные корпуса, как они занимали части советской земли? Можем ли мы забыть, как на Дальнем Востоке хозяйничали японские интервенты, на Украине—немецкие оккупанты, как наступали чужеземные войска и с севера, и юга, и на Волге, и в Сибири? И если эта интервенция провалилась, то провалилась потому, что солдаты, которых посылали капиталистические государства, не хотели воевать против рабочих и крестьян нашей страны, народы этих государств были измучены войной и были против интервенция, а рабочие и крестьяне нашей страны проявляли чудеса героизма в борьбе против иноземных захватчиков.

Можем ли мы также забыть о той войне, которую организовали и буржуазные правительства, подтолкнув польскую шляхту к нападению на страну Советов в 1920 году? Успеха нашим противникам и эта война также не привела, но усилила порожденную империалистической и гражданской войнами и интервенцией хозяйственную разруху, удлинила период военного коммунизма и создала ряд дополнительных трудностей в деле перехода восстановительному периоду нашего социалистического строительства.

Окончание интервенции и советско-польской войны изменило международное положение СССР, но значило ли это, что капиталистический мир

оставил Советский Союз в покое? Буржуазные правительства вынуждены были временно отказаться от планов уничтожения СССР путем прямой военной агрессии, но они продолжали свою борьбу другими средствами. Капиталистические государства одно за другим признавали СССР, но это не мешало им плести все эти годы сложную сеть дипломатических интриг, направленных к тому, чтобы изолировать Советский Союз и создать ему побольше новых внешних и внутренних затруднений. Дипломатическим козням сочувствовали подвохи подпольные. Война открытая сменилась войной скрытой.

Капиталистические государства перебрасывали на советскую территорию **вооруженные банды**, налетавшие на местные исполкомы, убивавшие партийных и советских работников, взрывавшие железнодорожные пути, перерезывавшие телеграфные и телефонные провода, поджигавшие военные склады, разорявшие совхозы, уничтожавшие народное имущество, грабившие население. Приводимые в движение английскими полковниками басмачи в Средней Азии, вскормленные польской дефензивой петлюровцы на Украине, посылаемые японским штабами хунхузы из Манчжурии, белокаранды из Финляндии продолжали в условиях «мира» орудовать так, как если бы наша страна была в состоянии войны с пославшими эти банды капиталистическими государствами. Можем ли мы забыть эту кровавую цепь преступлений капиталистического окружения Советской страны?

Может ли наша страна забыть и другую форму скрытой войны капиталистического мира против нас

—вредительство? Подлые агенты иностранного капитала затопляли шахты, устраивали аварии, выводили из строя электрические станции, портили дорогостоящее заграничное оборудование, устраивали взрывы с человеческими жертвами, составляли либо заведомо нереальные, преувеличенные, либо заведомо заниженные планы, и все это в то время, когда трудящиеся, охваченные пафосом социалистического строительства, творили чудеса, побивая мировые производственные рекорды. Не ясно ли, что наши успехи на фронте социалистического строительства были бы еще больше, если бы не эта подрывная деятельность капиталистических государств, вербовавших свою агентуру среди разбитых революцией, озверевших отпрысков дворян, купцов, кулаков, попов?

Мы не имели права забыть о капиталистическом окружении тем более, что как раз за последние годы в капиталистических странах росло фашистское движение. Если первая волна фашизма в Европе последовала вслед за окончанием мировой империалистической войны и привела к победе фашизма в Италии, то вторая волна связана с приходом германских фашистов к власти в 1933 году. Вслед за фашистами Германии пришли к власти фашисты хеймверовского типа в Австрии, вышло на улицу 6 февраля 1934 года фашистское движение во Франции, выросло движение Хенлейна в Чехословакии, движение Дегреля в Бельгии, Мосли в Англии, стала буйствовать «железная гвардия» в Румынии, зашевелились фашисты в скандинавских странах.

А что означал собою рост фашизма—этого самого свирепого врага и мирового рабочего движения и страны Советов? Он означал, что противоречия между миром капитализма и миром социализма крайне обостряются, что среди господствующих классов получают перевес самые оголтелые мракобесы—сторонники войны против СССР, что инициатива в деле агрессии против страны Советов переходит в руки фашистских государств, что опасность нападения капиталистического мира на СССР увеличивается. Это значило, что перед лицом растущего фашистского движения мы меньше всего имели оснований поддаваться успокоенности, мы больше всего должны были проявить настороженной бдительности в отношении капиталистического окружения.

Как же случилось, что как раз за последнее время мы стали забывать о капиталистическом окружении?

Причина этого кроется в том, что под влиянием больших успехов нашего социалистического строительства мы стали преуменьшать силы капиталистического окружения и недооценивали его возможностей пакостить и вредить нам.

Быстрыми темпами росла социалистическая промышленность, страна одевалась в железо и гранит, крепили колхозы, «жить стало лучше, жить стало веселее», стирались грани между промышленным рабочим и колхозником, народы СССР превращались в единую семью строителей социалистического общества, росло социалистическое сознание масс, крепла обороноспособность нашей страны. Уверенность в

своих силах ширилась вместе с огромным ростом любви к своей родине советских людей. Ширилась любовь к отечеству всех трудящихся среди эксплуатируемых и угнетенных всего мира. Но отсюда выростало у советских людей настроение, что со всеми трудностями уже покончено, что все подводные рифы и мели пройдены, что все опасности остались позади, что все угрозы капиталистического окружения—плевое дело.

Нельзя упустить из виду также того, что все наши наиболее крупные успехи совпали с развитием мирового экономического кризиса, потрясшего капиталистический мир до основания, что в то время когда наша социалистическая страна шла бурно вперед, капиталистические страны шли назад. С 1929 года вплоть до 1932 года, самой низшей точки экономического кризиса, дела капитализма шли все хуже и хуже. Но даже тогда, когда самая низшая точка капиталистическим миром была пройдена, лишь развернулись в полной мере тяжелые социально-политические последствия кризиса. А отсюда возникали настроения, что капитализм уже повалился на обе лопатки, что он уже мертвая собака, что срезать капиталистическую оболочку общественных отношений—не такое уже трудное дело.

В тактике коммунистических партий капиталистических стран эти настроения привели в недооценке фашистской опасности, выявились в том, что некоторые германские коммунисты, когда фашисты уже шли к власти, об являли, что развитию фашизма уже положен предел, что фашизм уже бит. Эта недооценка сил и возможностей капитализма была также вредна, как

и переоценка этих возможностей, нашедшая свое выражение в насквозь фальшивой, капитулянтской теории «организованного капитализма». Но эта недооценка» неисчерпанных возможностей капитализма вела не только к ослаблению бдительности в отношении фашизма, но и к недооценке военной опасности. Куда там капитализму ввязываться в войны, когда он дышит на ладан! Куда там капиталистическим государствам воевать, когда дела у них так запутаны! Капиталистический строй гниет на корню, и трудящиеся капиталистических стран возьмут его голыми руками.

Но это же неверно, неверно, во-первых, потому, что хотя капитализм—исторически обреченный режим, что хотя общая линия его развития действительно ведет капитализм к ухудшению положения и неизбежной гибели, тем не менее в положении капитализма бывали, бывают и будут временные улучшения. Достаточно хотя бы сослаться на нынешнее значительное улучшение экономической конъюнктуры в капиталистических странах. В некоторых из них производство достигло не только докризисного уровня, т. е. уровня 1929 года, но и перевалило через него. Это не исключает, а, наоборот, предполагает нарастание нового экономического кризиса, но сегодня это экономическое оживление—бесспорный факт.

Это неверно, во-вторых, потому, что чем запутаннее будет становиться положение капитализма, тем сильнее капиталистические государства будут искать выхода из своего запутанного положения в войнах. А так как самое запутанное положение в фашистских государствах,

то как раз эти государства проявляют наибольшую склонность к военному авантюризму. Ведь хотел же отсрочить царизм свою гибель русско-японской войной. Ведь ищет Япония выхода из своих внутренних противоречий в войне против Китая. Ведь искал спасения итальянский фашизм от своих внутренних трудностей, в войне против Абиссинии. Ведь стремится разжечь факел войны над миром германский фашизм, чтобы избежать своего полного банкротства.

Успокаивающе действовали на советских людей также успехи нашей мирной политики. Политика мира советского государства—самая последовательная политика мира, ибо она проводится страной социализма, т. е. такого строя, где уничтожена эксплуатация одного класса другим, угнетение одной нации другой, где не может быть места ни для территориальных захватов, ни для империалистических притязаний. Мирная политика Советской страны имела успех потому, что эту политику поддерживала в той или иной мере даже часть капиталистических государств. Одни—большие государства—поддерживали эту политику потому, что они не были заинтересованы в новом переделе мира, другие—малые государства—потому, что не хотели в новой войне потерять свою независимость, третьи потому, что боялись в итоге войны революционных потрясений.

Но успех советской политики мира был обеспечен прежде всего тем, что она отвечала чаяниям народов всех стран. Наша политика мира принципиально иная, чем у тех буржуазно-демократических деятелей и партий, которые хотя и не хотят новых войн, но стоят на почве

капитализма. Поэтому политика мира Советской страны находит широчайшую поддержку у народных масс капиталистических стран, масс, видящих с полным основанием в СССР самый верный оплот мира среди народов.

Только опираясь на эту поддержку народных масс во всем мире, на глубокую любовь к Советской стране народов СССР, на растущую непрерывно мощь нашего социалистического уклада, на нашу славную Красную армию, советское, правительство могло помешать капиталистическим государствам, и в первую очередь фашистским агрессорам, развязать новую чудовищную войну.

Но раз за прошедшие годы дело мира, казалось, висело на волоске. Не раз японская военщина и германские фашисты провоцировала такие конфликты, которые могли привести к войне, если бы не твердая преданность делу мира и выдержка советского правительства, а, главное, военная мощь, созданная страной Советов для обороны отечества трудящихся. Отсюда наши люди делали вывод: если мы сумели дать по рукам и обуздать фашистских агрессоров один раз, то почему не удастся этого сделать и во второй и третий раз; раз удалось благодаря мудрости советского правительства сохранить мир сегодня, значит, удастся и завтра. Острота сознания военной опасности чуть ослабевала, люди как будто переставали замечать, что дело войны и мира зависит не только от нас, а и от тех правительств, к которым мы обращаемся с нашим мирными предложениями. А эти правительства воли к миру не проявляли. Разве бредовые, истерические речи Гитлера, Геббельса на нюрнбергском съезде не

показывают, с какого рода контрагентами в вопросах войны и мира приходится иметь дело Советскому Союзу? Разве советское правительство не предлагало Японии подписать пакт о ненападении, но японское правительство отвергло это предложение? Разве советское правительство не выступило в Лиге наций с предложением всеобщего разоружения, но капиталистические государства отвергли этот почин Советской страны?

Возьмите, например, Испанию. Весь мир знает, что испанское правительство сделало все, что было в человеческих силах, чтобы не дать никакого повода германским и итальянским интервентам напасть на испанский народ. И тем не менее фашистские правительства Германии и Италии вторглись в Испанию без какого бы то ни было внешнего повода, без всякого об явления войны.

Но говорят, что героическая борьба испанского народа против фашизма подействовала отрезвляюще на фашистские правительства, что Гвадалахара несколько умерила воинственный пыл германских и итальянских интервентов, что эти интервенты, столкнувшись с вооруженным испанским народом, стали убеждаться и в своей недостаточной подготовленности к серьезной войне и во внутренней слабости фашистского режима. Говорят, что военные неудачи интервентов создают недовольство в тылу в их собственных странах. Говорят, что недовольство масс растет не только в Германии и Италии, что большим брожением охвачены народные массы в Польше, что влияние пилсудчиков быстро тает, что Польшу начинает лихорадить. Говорят, что беспокойно и в Японии, где офицеры убивают министров, где воинские

части устраивают путчи, где даже представители консервативных партий, отражая глубокое недовольство в стране, непрерывно атакуют правительство. А отсюда делают вывод, что с такими неустойчивыми тылами фашистские правительства не могут ни начать войны, ни воевать.

Это неверно: неустойчивость тыла фашистских правительств пока еще не такова, чтобы они не могли начать войны. С такими тылами **войны начинают**, с такими тылами войны ведут, но с такими тылами никогда не **побеждают**, с такими тылами войну **кончают народы**, кончая попутно и со своими правительствами.

Говорят, далее, что за последние месяцы фашистское движение во в с е х капиталистических странах идет на убыль, что победа испанского народа нанесет тяжкий удар престижу фашизма, будет способствовать более мощному росту антифашистского движения.

Это правильно. Но отсюда неправильно было бы делать вывод, что военная опасность от этого уменьшается. Война для эксплуататорских классов е с т ь средство усилить реакцию и дать новый толчок развитию фашистского движения.

II

Вся нынешняя международная обстановка проходит под знаком усиленной подготовки новой войны. Об этом говорит и рост вооружений капиталистических стран и прежде всего рост вооружений фашистских государств. Об этом

говорит техническое перевооружение капиталистических армий, милитаризация гражданского населения, проводимая в фашистских государствах, политика хозяйственной автаркии, об этом говорит усиление шпионской работы фашистских разведок. Об этом говорит также и вскрытая за последнее время шпионско-диверсионная, вредительская деятельность троцкистов.

Политическое сотрудничество троцкистов с фашистами существовало уже ряд лет. Этот блок был негласный. Его можно было уловить зорким политическим взглядом при сличении основных политических установок в отношении СССР, вопросов войны и мира, единства рабочего движения, единого рабочего фронта, антифашистского движения и движения народного фронта. Последний судебный процесс Пятакова и др. показал, что за этим политическим сотрудничеством троцкизма с фашизмом скрывается нечто большее, а именно прямая, непосредственная сговоренность Троцкого с фашистскими руководителями о проведении кадрами троцкистской контрреволюционной организации разрушительной работы; против страны Советов. Процесс показал, что **троцкизм стал шпионско-диверсионной агентурой фашизма.**

История знает немало примеров головокружительного ренегатства и омерзительных предательств. Муссолини, раньше чем стать фашистским вождем, стоял на левом фланге социалистической партии Италии. Пилсудский был лидером ППС, французский фашист Эрве был «ярым» антимилитаристом и на Штутгартском

конгрессе II интернационала в 1907 году требовал, чтобы рабочие партии ответили на об явление войны революцией. И тем не менее троцкистское предательство выделяется из этой серии предательств своей чудовищностью.

Только в эпоху загнивания монополистического капитализма, крайнего озверения буржуазии против рабочего движения, против страны строящегося социализма, и бешеного разгула фашистской реакции, могло вырваться такого типа предательство. Уже известный троцкистский «тезис Клемансо» показывал, в какую сторону развивается троцкизм. Программа реставрации капитализма роднила троцкизм с фашизмом. И поскольку троцкизм не мог рассчитывать к а поддержку внутри страны, он искал опоры извне. Отсюда союз Троцкого и троцкистов с японской воещиной и с германским фашизмом. Но союз с фашистскими государствами мог быть куплен территориальными уступками. Отсюда директива Троцкого своим агентам о расчленении Советской страны. Троцкий и его соучастники видели, что им не поколебать советской власти, которую безоговорочно поддерживают народные массы СССР. Отсюда ставка н а войну. Отсюда и курс на поражение страны Советов и на победу фашистских государств. Отсюда террор, вредительство, шпионаж и диверсия по заданиям «союзника», который требует не обещаний и слов, а грязных и подлых дел. Охваченный звериной злобой к социализму, троцкизм скатился в помойную яму контрреволюционного бандитизма.

Русские белогвардейцы в эмиграции уже раньше вступили на такой путь: они поставляют сейчас

кадры для всех разведок капиталистического мира. Нет такого грязного дела, за которое бы не взялись потерявшие человеческий облик продажные белогвардейские прохвосты: они служат японскими шпионами в Шанхае, они пытаются коммунистов в румынской сигуранце, они фабрикуют фальшивые «коминтерновские» документы в Германии, они шпионят за рабочими в Англии, они организуют террористические покушения вплоть до убийства президента республики во Франции, они воруют секретные документы оборонного значения в Америке. Они всюду, где пахнет человеческой кровью.

Троцкизм пошел той же проторенной дорогой. На руках троцкистов-зиновьевцев кровь любимца нашей партии, выдающегося трибуна рабочего класса С. М. Кирова, кровь красноармейцев, загубленных по заданиям иноземной разведки, кровь рабочих, становившихся жертвой вредительских взрывов. В его послужном списке— передача секретных сведений о химической промышленности, о пропускной способности сибирской железнодорожной магистрали фашистским разведкам. Троцкизм возвел в систему двурушничество, обман, лицемерие и фарисейство. И вполне понятно, что резервы для этой предательской работы он мог найти только среди контрреволюционных отбросов ликвидированных эксплуататорских классов.

Но каковы резервы троцкизма в капиталистических странах?

В странах капитализма эти резервы также невелики с точки зрения их численности. Это отдельные группы, группки и группочки, не

имеющие корни в массах. Масс они не видали как своих ушей, ибо те, которые могли бы быть восприимчивы к контрреволюционной агитации троцкистов против СССР, против компартии, подобраны уже фашизмом. Но «вождей» и «течений» в этих группках—перепроизводство. Сюда устремляются авантюристические, элементы, мечтающие о быстрой политической карьере, которым не по себе в рабочих организациях с наличием известной партийной дисциплины. Все, что выкинуто из коммунистического движения за пакости, за неблаговидные поступки, за связь с полицией, за провокацию, тянется к троцкизму. Политические шулеры, агенты Гестапо чередуются здесь с субъектами без идейного рода и племени, но фашистской хватки.

Но суть дела не в этих группах, а в том, кто стоит за ними. В нашей стране пролетарской диктатуры троцкизму не на что опереться. Иное дело в капиталистических странах: за спиной троцкизма стоят самые реакционные, самые шовинистические, самые империалистические элементы финансового капитала. На помочах у этих элементов троцкизм ходит в капиталистических странах. Троцкого рекламирует вся фашистская печать. Известный фашистский газетный концерн Херста в Америке открывает Троцкому столбцы своих газетных изданий. Подлые, клеветнические книги Троцкого усиленно распространяются самыми реакционными издательствами. Троцкий питается силой Гитлера, которому Троцкий нужен для борьбы с большевизмом.

Какой-нибудь троцкист, вроде Суварина во Франции, светит отраженным светом фашиста

Дорио и полковника де ля Рока. А за Сувариним, Дорио и Троцким, как и за де ля Роком и Гитлером, одинаково стоит финансовый капитал. Поэтому троцкизм и представляет в капиталистических странах для рабочего движения большую опасность чем в нашей стране, где уничтожен капитализм.

Опасность троцкизма для рабочих организаций в странах капитализма усугубляется еще и тем, что здесь троцкизм играет левой фразой, могущей ввести в заблуждение некоторые радикально настроенные элементы.

Известно, что на борьбе против СССР и его грандиозных успехов социалистического строительства троцкизму не удастся уловить рабочих капиталистических стран. Это—самое слабое место троцкизма, где его фашистские уши выпирают совершенно отчетливо. Но жульнической критикой «слева» движения единого и народного фронта троцкизм легче может наберечь сторонников. Здесь нужна большая разъяснительная работа провокаторской деятельности троцкистов, помогающих фашизму в попытках разгрома рабочего движения.

Возьмите Францию. Здесь рабочий класс мощным стачечным движением летом прошлого года добился серьезных успехов в деле улучшения своего материального положения. Он вырвал у буржуазии, в условиях еще продолжавшегося во Франции экономического кризиса, повышение заработной платы до 30%, сорокачасовую рабочую неделю, двухнедельные, оплачиваемые предпринимателями отпуска, коллективные договора, институт выборных уполномоченных на предприятиях, не говоря о более мелких

достижениях. Взбешенная французская буржуазия с тех пор не успокаивается. Она пытается хоть частично взять назад эти завоевания рабочего класса, прибегая к прямой провокации. Она стремится спровоцировать отдельные группы рабочих на новые выступления с занятием ими предприятий, чтобы разгромить рабочих по частям и под предлогом «анархии» локаутom принудить рабочих к прежним условиям труда.

Кто помогает в осуществлении этих злодейских планов французской буржуазии? Троцкисты. Это они вкуче с платными агентами предпринимателей стараются толкнуть рабочих на распыленные, неорганизованные выступления, чтобы позволить заводчикам нарушить подписанное ими соглашение.

Или другой пример с так называемой французской социальной партией, являющейся вторым изданием распущенных французским правительством вооруженных фашистских отрядов. Сейчас рабочие массы бурно требуют ареста Дорио и де ля Рока и разгона их фашистской партии, приспособившейся к условиям «легальности». Французская буржуазия хочет во что бы то ни стало отстоять фашистские организации и добиться роспуска коммунистической партии. Вся французская реакция выбивается из сил, чтобы спровоцировать кровавые столкновения с коммунистами. Эти столкновения ей нужны для того, чтобы сорвать единство народного фронта, изолировать коммунистическую партию, натравить на нее колеблющиеся слои мелкой буржуазии и крестьянства. И здесь троцкисты выступают «единым фронтом» с фашистами. Это они, по директиве Дорио и де ля Рока, вместе с

фашистскими провокаторами подстрекают рабочих к вооруженным столкновениям. Эти они вместо с фашистами и французской полицией спровоцировали недавние события в предместье Парижа—Клиши, где было убито и ранена много рабочих.

Кто сейчас выступает против франко-советского пакта? Гитлер, Дорио и с ними самые черные силы французской реакции. Франко советскому пакту, помогающему делу упрочения мира, реакционные силы противопоставляют соглашение французской реакции с Гитлером, служащее делу войны.

И тут троцкисты на стороне реакции, против сил мира.

Ту же роль пособников и агентов фашизма троцкисты выполняют и в Испании. Известно, что важнейшее условие победы испанского народа над силами мятежных генералов и германских и итальянских интервентов—это сохранение единства народного фронта. Агенты Франко работают без устали над тем, чтобы дискредитировать народный фронт Испании в глазах масс, взорвать его изнутри, деморализовать и политически обезоружить борющийся испанский парод. Сегодня они натравливают анархистов на компартию, завтра осторожно прощупывают, нельзя ли оторвать от народного фронта баскских националистов, потом разжигают конфликты внутри социалистической партии, пускают слухи, лгут, клеветают без конца. И тут не обходится дело без троцкистов, старающихся помочь Франко подорвать единство народного фронта своими беззастенчивыми нападка на народный фронт и своими провокаторскими действиями.

Все партии и организации народного фронта борются за единую народную армию, за ликвидацию отдельных партийных отрядов, мешающих единству боевых операций. Но генералу Франко нужна дезорганизующая партизанщина в республиканской армии, отсутствие дисциплины, хаос и беспорядок. Троцкисты рука об руку с агентами «пятой колонны» своей разлагающей работой в армии и в тылу содействуют подлым планам генерала Франко.

Германские и итальянские интервенты, чтобы оправдать свою войну против испанского народа, кричат о том, что в Испании происходит «коммунистическая революция», что интернациональные бригады, борющиеся на стороне испанского народа, готовят «закабаление» Испании Коминтерном. Троцкистские агенты Гитлера в Испании ведут ту же самую агитацию. Фашистские газеты Бургоса и Саламанки сочувственно перепечатывают троцкистские статьи, которые по стилю и содержанию не отличаются от статей генерала Франко.

В Китае, где вопреки сопротивлению наиболее реакционных лидеров гоминдана складывается с величайшим трудом общенациональный фронт борьбы против японских захватчиков, троцкисты выступают в качестве лютых врагов общенационального китайского фронта, помогая японской военщине, заинтересованной в раздроблении национальных сил Китая, совершать дальнейшие захваты и бесчинствовать на китайской территории.

Борьба с троцкизмом требует от рабочих организаций капиталистических стран тем большей

бдительности, что троцкизм выполняет у фашизма особые задания, которые сам фашизм выполнить не в состоянии. Троцкизм перехватывает настроения левеющих социал-демократических рабочих, стараясь направить их на контрреволюционному, антисоветскому руслу. Троцкисты в последнее ее время усиленно стремятся проникнуть в анархические группы, в «левые» группировки социал-демократических партий и создать себе в них известную опору. Во Франции—это группа полуанар-хиствующего Марсо Пивер, в Испании—анархистские элементы в Национальной конфедерации труда, в Англии—независимая рабочая партия, в Бельгии—молодая социалистическая гвардия, в Америке—это то, что осталось от американской социалистической партии, и т. д. Необходимо отметить, что во всех тех группах и организациях, куда удастся пробраться троцкизму, неизбежно начинается разложение этих организаций на «фракции», враждующие между собой «течения», вырождение этих организаций в оторванные от масс секты, ярким примером чего могут служить так называемая английская независимая рабочая партия и особенно социалистическая партия Америки, уменьшившая свой численный состав за последние несколько месяцев с 16 тысяч до 7 тысяч членов.

Совершенно очевидно, что эта вредительская роль троцкизма не ускользает от внимания рабочих. Они начинают понимать, что борьба против троцкизма не есть только дело коммунистов, но и всех рабочих организаций, заинтересованных в том, чтобы охранить себя от подрывной работы троцкистской агентуры фашизма.

Рабочие массы не могут не видеть, что в то время когда они самоотверженно борются против фашизма, этого злейшего врага человечества, Троцкий и его приспешники борются в союзе с фашизмом против СССР, против социализма, против рабочего движения. Рабочие видят, что тогда как народные массы во всех странах выступают против войны, за дело мира, Троцкий и троцкисты действуют как поджигатели войны в тесном единении с самыми агрессивными фашистскими государствами. Рабочие массы добиваются объединения своих сил, установления единого фронта для борьбы с общим классовым врагом; троцкисты в интересах буржуазии борются против образования единого фронта, стараясь всемерно распылить и ослабить пролетариат и добиться его поражения.

А отсюда нарастающая ненависть рабочих против троцкизма, отсюда растущее понимание и того непреложного факта, что нельзя успешно бороться против фашизма, не ведя упорной борьбы против его троцкистской агентуры, что борьба против троцкизма есть неотъемлемая составная часть борьбы трудящихся против фашизма и войны, за объединение всех антифашистских сил.

“Большевик” № 9, 1937 г.

А. ВЫШИНСКИЙ, МЕТОДЫ ВРЕДИТЕЛЬСКО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ ТРОЦКИСТСКО-ФАШИСТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» дал блестящий анализ этих недостатков и указал практические меры к их устранению.

Товарищ Сталин в своем докладе заострил внимание на вопросе о капиталистическом окружении и на вопросе о современном троцкизме, превратившемся «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Товарищ Сталин беспощадно вскрыл ошибки тех наших товарищей, которые неправильно представляют себе эти вопросы. Такие товарищи привыкли болтать о капиталистическом окружении, но они не поймают его подлинной природы, его существа, не понимают связи, которая существует между капиталистическим окружением и такими фактами, как шпионаж, диверсия, вредительство и террор, и не умеют сделать отсюда соответствующих выводов.

Эти товарищи забыли, говорил товарищ Сталин, о законе взаимоотношений между буржуазными государствами, в силу которого каждое из этих государств систематически засылает своих

разведчиков, шпионов и диверсантов в тылы соседних государств.

Наиболее подходящими для фашизма агентами в осуществлении этих преступных замыслов в настоящее время являются троцкисты, представляющие собой беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц из иностранных разведок.

До самого недавнего времени далеко не все товарищи ясно представляли себе подлинную сущность современного троцкизма и его роль в борьбе капиталистических интервентов против СССР.

Троцкисты оказались для фашистов наиболее подходящей агентурой в осуществлении таких безмерно подлых преступлений против социализма и Советской страны, как шпионаж, вредительство, диверсии, террор, измена родине, ставших за последние годы обычными и излюбленными их методами борьбы против социалистического государства рабочих и крестьян.

Организация на территории СССР настоящих шаек уголовных преступников и авантюристов вроде Арнольда, Турока, Ратайчака и т. п. головорезов, подготовка террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, прямой грабеж государственных средств для более успешной реализации своих преступных замыслов, вредительство, диверсия, шпионаж в пользу японской и германской разведок и развертывание под руководством этих разведок целой системы подлейших преступлений—вот что характеризует нынешних троцкистов и современный троцкизм.

«Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих на найму у разведывательных органов иностранных государств».

Так товарищ Сталин характеризовал в своем докладе 3 марта 1937 года на Пленуме ЦК ВКП(б) современный троцкизм, подчеркивая его подлинную сущность и т у эволюцию, которую троцкизм проделал за последние годы.

Недавние судебные процессы: дело так называемого объединённого троцкистско-зиновьевского центра, кемеровское дело (Западная Сибирь), дело антисоветского троцкистского центра —воочию показали разбойничье лицо троцкистско-фашистских бандитов. Стоит только напомнить о таких фактах, как систематические убийства рабочих при помощи взрывов и загазования шахт, систематические крушения поездов с человеческими жертвами, как убийства честных людей, мешающих выполнению преступных замыслов (например убийство инженера Бояршинова), как ограбления банков и т. п., чтобы не осталось никакого сомнения в том, как глубоко моральное падение этих господ, превратившихся в настоящих палачей рабочих и крестьян нашей страны.

Не случайно, разумеется, в рядах троцкистов оказались такие люди, как Арнольд, этот международный бродяга, побывавший чуть не во всех странах мира и всюду оставлявший следы

своих грязных, мошеннических проделок, или такой проходимец, как Ратайчак.

На судебном процессе антисоветского троцкистского центра выяснилось, что враг народа Л. Троцкий еще в 1929 году подготавливал грабежи советских торгпредств за границей.

Не ясно ли, что все эти люди независимо от своего ранга и положения в шпионско-диверсионном и террористическом подполье давно уже превратились «в разбойников с большой дороги», как их охарактеризовал товарищ Сталин в своем докладе на Пленуме ЦК БКП(б). Окончательно морально и политически разложившиеся, потерявшие всякий человеческий облик, они пакостят и вредят советскому государству и делу социализма как только могут, не брезгая никакими средствами.

А сродства эти чрезвычайно разнообразны. Здесь, в арсенале наших врагов, имеются всевозможные «методы» борьбы, начиная от таких старых средств, как контрреволюционная клевета, саботаж, вредительство, и кончая диверсией, шпионажем, террором, изменой родине.

Все эти контрреволюционные преступления врагов народа переплелись в троцкистско-фашистском подполье с прямыми уголовными преступлениями: кражами, грабежами, поджогами, подлогами и убийствами.

Потерявшие всякий стыд и совесть, не имеющие никакой опоры в массах, обреченные на полную изоляцию, покрытые позором и всенародным презрением, эти наймиты иностранных разведок не брезгают никакими методами и способами борьбы.

Вот почему среди «методов» борьбы этих фашистских негодяе одно из виднейших мест занимает испытанное в руках врагов социалистического государства и советской власти средство—вредительство.

Троцкистские бандиты изощряются в маскировке своей преступной, вредительской деятельности. Это нередко им удается, особенно там, где царит «атмосфера парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений». В такой атмосфере, говорил на Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, «люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п.».

Вредительство как метод борьбы против социализма и советской власти имеет свою историю. Об этом стоит напомнить теперь.

Шахтинские вредители, как и вредители из «Промпартии», были членами организаций, созданных бывшими капиталистами-эмигрантами при активной поддержке иностранных разведок.

Сами «шахтинцы» говорили о себе, что они «обер-офицеры капитала», что они унаследовали от капитализма жгучую ненависть к советскому строю и стремление к капиталистической реставрации. Наши враги были уверены в недолговечности советской власти, в неизбежности возврата капиталистических порядков, хотя бы с помощью штыков иностранных интервентов.

«Большевики пришли, большевики уйдут». Эта «идея» определяла собой и методы преступной деятельности шахтинских и «промпартийских» вредителей.

Сначала «пассивный саботаж»: вредители скрывают ценные пласты угольных месторождений, стараются не допускать обесценения недр путем их выработки, стараются эксплуатировать наихудшие пласты, приберегая лучшие пласты для старых, «настоящих хозяев», которые вот-вот должны возвратиться в свои разоренные Великой социалистической революцией гнезда.

Этот «пассивный саботаж» сочетался со шпионско-разведывательной работой, рассчитанной на подготовку интервенции и срыв обороноспособности СССР. Так шло дело два—три года. Но надежды на скорое падение советской власти все больше потухали, и «пассивный саботаж» сменился скрытым вредительством, прямо направленным против народного хозяйства и против советской власти.

Этот период в деятельности вредителей характеризуется такими преступлениями, как умышленная порча механизмов, турбин, лебедок, затопление шахт и т. п. Преступления эти не смогли, разумеется, остановить развития советского народного хозяйства, но смогли поколебать устойчивости и прочности советского государства.

Однако вредители не успокаивались, да и не могли успокоиться, поскольку вредительство явилось одной из форм борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистического строительства. Именно это обстоятельство определяло и все значение шахтинского дела, вскрывая роль шахтинцев как одного из отрядов буржуазной контрреволюции, наиболее приспособленного в то время для борьбы за интересы этой буржуазной контрреволюции.

Не случайно подлинными вдохновителями и организаторами шахтинского вредительства явились некоторые круги международной буржуазии. Не случайно вредительская организация Донбасс оказалась в чрезвычайно интимной близости с капиталистическими организациями некоторых иностранных государств и некоторыми иностранными разведками. Заговор шахтинских вредителей вскрыл крупнейшие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление большевистской бдительности и революционного чутья в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы во вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов ряда наших профессиональных и партийных организаций от масс и явную слабость партийного руководства хозяйственным строительством.

* * *

Шахтинское дело сигнализировало о необходимости коронной перестройки всей работы наших хозяйственных организаций и методов работы наших партийных органов.

Наша партия под руководством своего Центрального комитета бесстрашно и мужественно вскрыла недостатки, ошибки и извращения в работе хозяйственных органов и, в частности, в системе хозяйственного управления и указала средства и способы устранения этих недостатков. Наша партия в короткий срок сумела ликвидировать последствия шахтинского вредительства, залечить нанесенные

вредителями раны. Из шахтинского дела были извлечены все необходимые уроки и главный урок, о котором товарищ Сталин в свое время сказал:

«Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»¹.

Наша техническая отсталость в то время была одним из самых слабых мест социалистического строительства. «Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятка и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров»,—говорил на Пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1937 года товарищ Сталин.

Но этот успех нам дался не сразу. Враг не прекращал своей борьбы и после разгрома шахтинских вредителей, вредительство попрежнему оставалось в руках врага отравленным оружием, средством сопротивления делу социализма. Это отчетливо доказал судебный процесс «Промпартии» (1930 год), продолжавшей преступную деятельность «шахтинцев».

«Промышленная партия» («Промпартия») состояла из верхушки старой инженерно-технической интеллигенции, из крупных специалистов и профессоров, занимавших при капиталистическом строе привилегированное

¹ Доклад товарища Сталина на собрании актива Ленинградской парторганизации 13 июля 1928 года. «Правда» от 15 июля 1928 г.

положение и являвшихся в известной своей части участниками капиталистических предприятий.

Провал шахтинцев кое-чему научил этих господ. Они поняли, что вредить социалистическому строительству такими способами, какими пробовали подорвать наше хозяйство шахтинцы, очень трудно, а главное—крайне рискованно. Преступления шахтинцев, выразившиеся в уничтожении государственного имущества, в затоплении шахт, в устройстве завалов, в сокрытии от разработки ценных угольных пластов и т. п., и т. д., нередко именно благодаря слишком большой топорности и грубости вредительской работы бросались в глаза и проваливались. Вот почему вредители из «Промпартии» перенесли центр своей вредительской работы в плановые учреждения, стараясь путем вредительского составления планов народного хозяйства добиться своих преступных целей, сорвать социалистическую индустриализацию, задержать, замедлить успехи социалистического строительства.

Вредительство этого периода можно охарактеризовать как вредительство преимущественно в области планирования, «плановое вредительство». Шахтинцы портили имущество, прямо и непосредственно разрушали материальные ценности, принадлежащие советскому государству. «Промпартийцы» составляли вредительские планы, омертвляя вкладываемые в народное хозяйство капиталы, всевозможными преступными средствами подготавливая, как они тогда говорили, «всеобщий кризис» нашего народного хозяйства, о котором не переставали мечтать наши враги как внутри СССР,

так и за его пределами. Вредители из «Промпартии» старались разрушить наше топливное хозяйство, добиться уменьшения добычи металла, нефти, выработать меньше электричества, сорвать электрификацию, создавая различные «больные узлы», ставившие нашу промышленность в ряде случаев в чрезвычайно затруднительное положение.

Вредители старались всемерно задержать развитие оборонной промышленности, добиваясь снижения темпов работ, сокращения производственных возможностей, снижения планов и невыполнения даже этих сниженных планов. Они шли на откровенное жульничество, выпуская, например, один и тот же кирпич под разными марками, поставляя худший кирпич на более ответственные участки строительства и, наоборот, лучший кирпич—на менее ответственные участки.

На транспорте «промпартийцы» сдавали в лом хорошие, вполне пригодные для работы паровозы, всемерно задерживали постройку новых паровозов и вагонов, сознательно ухудшали качество топлива. Ведя подготовку к интервенции, вредители задерживали снабжение наиболее важных в оборонном отношении железных дорог нужными материалами и запасными частями. Они вообще не заботились о наличии материалов и запасных частей для ремонта, откровенно делая ставку на дезорганизацию железнодорожного транспортного хозяйства.

Но при всем различии методов и средств борьбы с советской властью, применявшихся шахтинцами и «промпартийцами», и те и другие, как это подчеркнул в своем докладе на последнем Пленуме

ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, были «открыто чуждыми нам людьми».

Другое дело нынешние, современные фашистско-троцкистские вредители. Современные троцкистские вредители обманывали советскую власть и партию политически, двурушничали и изменяли родине, прикрываясь партийным билетом. «...Троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств»,—указал товарищ Сталин.

В этом громадная разница между вредителями тогдашнего периода и нынешними вредителями. Это делает нынешних вредителей еще более опасными, чем были Шахтинцы и «промпартийцы». Это требует еще большей бдительности и уменья своевременно и полностью раскрыть и разоблачить все преступные методы, всю преступную практику и технику троцкистско-фашистских бандитов.

Шахтинцы и «промпартийцы» тоже всячески старались замаскировать свои преступления, но эта маскировка была сравнительно менее искусной чем маскировка, практикуемая теперь фашистско-троцкистскими агентами. Ни Шахтинцы, ни «промпартийцы» не доходили до таких геркулесовых столбов цинизма, коварства, лицемерия и двурушничества, до каких дошли троцкисты.

Это обстоятельство не может не усложнять нашей разоблачительной работы. Трудность еще усугубляется гораздо более искусными методами конспирации, практикуемыми троцкистами, с одной стороны, и в результате политической слепоты,

близорукости, благодушия и политической беспечности наших товарищей.

Товарищ Сталин говорил на Пленуме ЦК ВКП(б):

«Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

Именно поэтому основной задачей является сейчас ликвидация политической беспечности, повышение бдительности, овладение большевизмом.

Одним из средств ликвидации политической беспечности является правильное и ясное представление о задачах и целях троцкистских и иных преступных организаций, групп и группок, о тех методах, способах и приемах, при помощи которых троцкистские бандиты пытаются осуществить свои преступные замыслы.

Поэтому товарищ Сталин указал на необходимость «разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Это последнее указание имеет исключительно важное значение в деле правильной и успешной

организации борьбы с кознями врагов народа— вредителей и диверсантов,—каким бы флагом они ни маскировались—троцкистским или бухаринским.

В этом деле играет громадную роль изучение «практики и техники» вредительско-диверсионной и шпионской работы наших врагов.

Не лишне напомнить, что в статье «Как организовать соревнование?» Ленин указывал на необходимость выработки «тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами», что именно в этом овладении опытом борьбы кроется залог нашего успеха, что сейчас «все дело в **практике**».

Для борьбы с «идиотской болезнью беспечности» особое значение приобретает знакомство с преступными методами и способами, которыми пользуется наш враг. Это отлично понимает раньше всего сам враг. Поэтому-то в его планы маскировки своих преступлений входит создание соответствующей атмосферы, «одуряющей атмосферы зазнайства и самодовольства» (Сталин), убивающей и приглушающей всякую искру критики и самокритики, анализа, просто свежей мысли. В такой атмосфере, как в густом чаду, нельзя разглядеть ни того, что делается вокруг, ни ориентироваться в обстановке. Этим умело пользуется враг для развертывания своей преступной деятельности, ускользая от наказания, все более и более наглея, делаясь все более дерзким и опасным в своих преступных посягательствах. В борьбе с таким врагом недостаточно одной решительности: нужно большое искусство, большое умение разоблачать врага и его преступные махинации. В этом заключается одна из

важнейших задач в борьбе с троцкистско-фашистскими бандитами. Для этого, указал товарищ Сталин, мы обязаны «знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов» и их троцкистской, правой и всякой иной агентуры.

* * *

Методы, практика и техника преступной вредительско-диверсионной и шпионской деятельности чрезвычайно разнообразны. Очень трудно поэтому дать исчерпывающий перечень всех способов и видов этих преступлений. Однако можно дать характеристику наиболее распространенных способов вредительско-диверсионной деятельности и вскрыть некоторые «основные установки», общие «методические» правила этой преступной деятельности.

Анализируя факты, можно заключить, что при осуществлении своих преступных замыслов троцкистские вредители и диверсанты руководствуются следующими правилами: «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», как это сформулировал в своих циничных показаниях враг народа Пятаков; тщательно готовить и всячески маскировать эти удары, используя в своих преступных целях различные организационные и технические неполадки в работе отдельных предприятий и учреждений; в качестве маскировки прибегать к показному усердию, давать время от времени положительные факты в своей работе; добиваться

наиболее полных вредительских результатов при минимуме риска провала и разоблачения. Конечно, этим не исчерпывается арсенал вредительских методов. К этому необходимо добавить еще одно правило—максимальная конспирация в организации и осуществлении своих преступных планов. В этих целях вредители и диверсанты осуществляют связь между отдельными членами своей преступной организации и между отдельными группами по способу так называемой «цепочки»: каждый член организации поддерживает связь только с одним членом организации. Выделяется ряд членов подпольной организации, которые вообще не ведут никакой обычной преступной работы—это так называемые «сугубо-законспирированные» члены организации, вроде разоблаченного на процессе объединенного троцкистско-зиновьевского центра троцкиста террориста Гольцмаиа. К этой категории относятся и так называемые «запасные» члены организации, остающиеся до известного, условного момента в резерве.

Важно отметить, что, широко применяя методы двурушничества и маскировки, вредители и диверсанты обычно внешне проявляют кипучую энергию, всячески стараясь зарекомендовать себя преданными советской власти людьми. Они энергично и часто выступают на собраниях, зачастую притворно «разоблачают» «врагов народа», одновременно не стесняясь клеветой, фальсификацией фактов, прямыми подлогами, чтобы скомпрометировать честных и действительно преданных партии и делу социализма людей. Иногда они жертвуют в этих целях кое-кем из собственных сообщников, создавая видимость

борьбы с «вредителями», «троцкистами» и т. п. Они подогревают атмосферу «заснайства и самодовольства», «парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений», как об этом говорил на Пленуме товарищ Сталин. Притупляя политическую бдительность, усиливая политическую беспечность, обманывая, фальсифицируя подлинное положение вещей, демобилизуя и всячески размагничивая людей, опутывая их своими коварными сетями, враги искусно используют и такие факты, как падение или ослабление трудовой дисциплины, нарушение правил внутреннего распорядка, разгильдяйство и расхлябанность на отдельных участках производства. Они поощряют беспечное отношение к такого рода фактам, всячески поддерживая пережитки капитализма в сознании людей, всевозможные старые навыки и привычки, мешающие развитию новых форм производства и общественной деятельности. В такой обстановке вредителям и диверсантам легче всего осуществлять свои коварные замыслы, вести свою подрывную работу.

Еще в 1933 году в докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном Пленуме ЦК и ЦБК ВКП(б) товарищ Сталин указывал на то обстоятельство, что враги советской власти, полные лютой ненависти к новым формам хозяйства, быта, культуры, не будучи в состоянии пойти в прямую а так у против советской власти, «пакостят как только могут, действуя тихой сапой».

Это в полной мере применимо и к современным троцкистским вредителям и диверсантам из японо-германской разведки.

Факты последних лет говорят о довольно широко распространенной системе вредительства и диверсий при помощи уничтожения инструментов, машин, организации пожаров, массового уничтожения имущества социалистических предприятий, особенно на транспорте, устройства крушений, влекущих за собой человеческие жертвы и гибель подвижного состава.

Судебные процессы так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра и антисоветского троцкистского центра в Москве и ряд судебных процессов на периферии (кемеровский процесс, процесс группы диверсантов на Амурской железной дороге и др.) показали, что все эти преступления носят строго организованный характер, что они составляют целую систему преступной деятельности, направленной на дезорганизацию советского хозяйства, на ослабление обороноспособности СССР, на подготовку наиболее благоприятных условий нападения на нашу родину.

Успешности этих преступлений в огромной степени способствуют политическая беспечность и ротозейство со стороны ряда наших людей, их неспособность своевременно вскрыть эту преступную деятельность, эти преступные махинации врага.

Товарищ Сталин указал, что политическая беспечность в свою очередь объясняется достаточно широким распространением различных гнилых и опасных теорий, которые усыпляют, заводят пеших людей в капкан, а классовому врагу дают возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Одной из таких гнилых теорий, особенно опасной в период кануна войны или самой войны, является теория о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы нанет вредительство и результаты вредительства. Товарищ Сталин разоблачил эту теорию наряду с разоблачением других гнилых теорий, подчеркнув, «какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов». Этой теорией, между прочим, особенно широко пытались воспользоваться вредители и диверсанты на железнодорожном транспорте, стараясь прикрыть свою вредительскую работу ссылками на успехи транспорта, в частности на достижение высоких скоростей и усиление общих темпов работы железных дорог.

Делая все, что только от них зависит, для того чтобы развалить работу железнодорожного транспорта, дезорганизовать его деятельность устройством железнодорожных катастроф, причиняющих огромный ущерб советскому государству и уносящих в могилу десятки и сотни человеческих жизней, эти господа лицемерно и кощунственно на всех перекрестках кричат о перевыполнении ими «хозяйственных планов», успокаивая «ведомственное самолюбие» наших работников и тем самым ослабляя их борьбу с вредительством.

Троцкистско-фашистские агенты японо-германских разведок, естественно, сосредоточили основное внимание на разрушении

социалистической промышленности и железнодорожного транспорта; на транспорте слаженность всех участков производства является одним из важнейших условий правильного функционирования всего транспортного механизма, и там, следовательно, нарушение правильной работы какой-нибудь одной части этого механизма неизбежно влечет за собой чрезвычайные затруднения, а в отдельных случаях и на отдельных участках—и полное расстройство всей работы.

Это учли в полной мере японо-германские вредители, диверсанты, шпионы и террористы, облюбовавшие для своих преступлений ряд участков нашего железнодорожного транспорта, в особенности те магистрали, которые имеют наиболее важное общегосударственное и оборонное значение.

* * *

Говоря о вредительско-диверсионной преступной деятельности врагов народа на железнодорожном транспорте, нужно сказать прежде всего о паровозном хозяйстве. Железнодорожные депо являются излюбленным местом развертывания преступной деятельности диверсантов и вредителей. Враги в первую очередь всячески стараются сорвать мероприятия по улучшению технического состояния и эксплуатации паровозного парка.

На судебном процессе антисоветского троцкистского центра подсудимый Лившиц вынужден был признать, что развертывание вредительской и диверсионной деятельности' на

транспорте было одной из основных задач троцкистской организации, действовавшей по прямым указаниям Л. Троцкого и японо-германской разведки. Об этом же говорил и подсудимый Князев, признавший свою связь с японской разведкой через г-на Х, который прямо поставил перед Князевым, Туроком и Лившицем задачу подрывной работы в паровозном хозяйстве путем вывода из строя паровозов, организации крушений и т. п.

Враги народа Лившиц и Пятаков, вместе с Серебряковым вырабатывая план вредительско-диверсионной деятельности на транспорте, поставили основную задачу по срыву выполнения приказа № 183 наркома путей сообщения тов. Л. М. Кагановича. Как известно, приказ № 183 говорил специально об организации работы паровозного и депоовского хозяйства. На разрушение этого хозяйства, на развал работы депо — основного, ведущего звена во всей системе железнодорожного транспорта — были направлены усилия троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов на транспорте.

Какими средствами эти господа достигали своих преступных целей? Об этом можно судить хотя бы по следующему показанию Князева на судебном заседании 27 января 1937 года. На прямой вопрос одного из членов Верховного суда о том, как проводилась вредительская работа по разрушению паровозного хозяйства. Князев ответил: «В депо Курган были введены мощные паровозы «ФД». Пользуясь тем, что их слабо знали в депо, администрация сознательно ухудшала качество надзора в текущем ремонте, вынуждала машинистов

часто выезжать с неполным ремонтом. Были доведены до разрушения почти все водопробные приборы. В итоге этой запущенности в январе 1936 года на перегоне Роза—Варгаши произошел взрыв топки. Были, насколько помню, убит помощник машиниста и кочегар, а машиниста отбросило в сторону метров на 30. Паровоз был совсем выведен из строя».

Важно подчеркнуть особенность диверсионного метода, применявшегося троцкистскими бандитами, —ухудшение качества текущего ремонта. Вредительский ремонт представляется одним та очень удобных средств подготовки диверсий, так как при наличии нескольких членов преступной троцкистской организации в данном депо дефекты такого ремонта легко скрыть и впоследствии оказывается более удобным и возможным самую диверсию (крушение, аварию и т. п.) обленить не умыслом, не сознательными действиями преступника, а «объективными причинами». Вот почему этот метод вредительства, подготовки диверсии является более распространенным чем какой-либо другой.

По делу одной троцкистской группы, вскрытой на железнодорожном транспорте, было установлено, что в одном только депо было выпущено за 2 месяца 1936 года с недоделками и браком 18 паровозов, что в этом депо систематически выпускались из промывки паровозы с неправильной центровкой осей, т. е. с таким дефектом, который заведомо угрожал аварией. Вследствие такого вредительского ремонта ряд паровозов был приведен в негодное состояние и они могли быть использованы только на местной

работе. В результате паровозы сплошь и рядом возвращались на повторный ремонт, причем в некоторых случаях это повторялось 4—6 раз.

Не удовлетворяясь прямой порчей паровозов при помощи такого «ремонта», троцкисты-диверсанты в отдельных случаях пытались действовать и иными способами. Они подкатывали под паровоз заведомо неисправные колесные пары. В одном случае при обкатке шейка оси отвалилась, крушение было неминуемым и было предотвращено лишь благодаря исключительной бдительности машиниста.

Диверсанты подкатывали под паровоз колесную пару с недопустимой по технической норме толщиной реборд ¹, что при недостаточной бдительности также должно было неминуемо привести к крушению. И в этом случае им опять-таки помешала бдительность машиниста, принимавшего паровоз. Зарегистрирован ряд случаев, когда из этого депо паровозы выпускались с разбегом оси в буксе, с ненормальным разбегом кулисы ² и неправильным механизмом рессорного подвешивания. Дело доходило в отдельных случаях до того, что с целью вызвать крушение или, по

¹ Реборда—выступ бандажа, который обеспечивает подвижной состав от схода с рельсов.

² Кулиса—одна из важнейших частей парораспределительного механизма. Ненормальный разбег кулисы—отступление от установленных размеров зазора между важнейшими частями кулисного механизма, влекущее за собой растройство парораспределения.

крайней мере, аварию на паровозы умышленно ставились лопнувшие буксовые коробки. В одном случае катастрофа была предотвращена комсомольской бригадой, во-время заметившей и вскрывшей эту дьявольскую махинацию. Надо тут же сказать, что элементарная бдительность и честное отношение к своим обязанностям, к своему долгу помогают легко и быстро разоблачать коварные замыслы преступников.

В некоторых случаях диверсанты, члены троцкистско-шпионской организации, используют свою работу в депо и на других участках железнодорожного хозяйства для систематического -осуществления мелких вредительских актов, которые, однако, сплошь и рядом приводят к крупным и тяжелым последствиям. В одном случае медник депо, оказавшийся членом троцкистской шпионской, диверсионной организации, заплавлял буксы в поездах заведомо загрязненным баббитом, куда были примешаны песок и железные стружки. Такие мелкие вредительские а к т ы на транспорте и производстве нередко совершаются затесавшимися сюда троцкистами. Несомненно, эти вредительские акты могут иметь место лишь при недостатке бдительности и при нечеткости работы людей, ничего общего с вредителями не имеющих, но зараженных «идиотской болезнью беспечности».

Наиболее острым методом антисоветской подрывной деятельности японо-германских диверсантов на нашем железнодорожном транспорте является организация аварий и крушений. Об этом с циничной откровенностью показывали на суде осужденные по делу антисоветского троцкистского центра Лившиц,

Князев и Турок. Князев, например, показал, что представитель японской разведки г-н Х во время одной из встреч с Князевым передал ему, что «подрывная работа японцев не удовлетворяет, а что необходимо перейти к диверсиям, особенно с воинскими поездами, идущими на Дальний Восток, чтобы деморализовать Красную армию». И Князев добавил: «В сущности эти установки, которые развивал г-н Х..., потом подтвердил Лившиц». Другой обвиняемый по этому делу, подсудимый Турок, сознался в том, что у него была специальная задача—создать из троцкистов на Пермской и Южно-Уральском дорогах организацию, которая могла бы осуществить разрушительную работу, в первую очередь устраивая крушения поездов.

Негодяям удавалось в ряде случаев осуществить свои преступные планы. Им удалось, например, произвести крушение на станции Шумиха, очень искусно замаскированное в свое время Князевым, который, будучи начальником Южно-Уральском железной дороги, возглавлял здесь троцкистскую группу и являлся одним из главнейших организаторов этого крушения.

Успех такой маскировки объясняется не только и не столько объективными трудностями разоблачения приемов и методов преступной деятельности, применяемых диверсантами и вредителями, сколько неопытностью, отсутствием должной проницательности у самих органов расследования. В этом отношении весьма показательным делом о крушении на станции Козыреве, Южно-Уральском железной дороги. Это крушение представляет собой один из характерных случаев диверсии. При правильном анализе фактов, с самого начала

следствия оказавшихся в руках следственных органов и прокуратуры, с несомненностью можно было бы установить наличие в этом случае диверсии. При помощи тщательного разбора фактов и при помощи квалифицированного расследования с самого начала можно было сказать о наличии здесь не просто должностного преступления, а именно диверсии. Этого, однако, не было сделано.

Каковы эти факты? Как выяснилось на следствии, главный виновник крушения, дежурный по станции Козырево—Факеев, сознательно допустил ряд таких действий, которые можно объяснить только злым умыслом. Так, принимая на станцию поезд № 801, Факеев по совершенно непонятным причинам задержал отправление с этой станции поезда № 721 и отправил его лишь в самый момент прихода к станции поезда № 801, хотя оба поезда должны были проходить одну и ту же стрелку.

Следствием установлено, что, встречая входивший на станцию поезд № 801, Факеев давал неясные сигналы, путавшие машиниста. Сам Факеев на следствии признал, что он сознательно нарушил правила технической эксплуатации и техническо-распорядительного акта станции, и в качестве оправдания таких действий привел чрезвычайно странное объяснение. Оказывается, эти правила он считал «устаревшими» и хотел, видите ли, «проверить на практике», насколько они в действительности устарели. Наконец, при обыске у Факеева было обнаружено несколько чужих документов. Уже это обстоятельство при расследовании обязывало направить основное внимание на установление преступных связей

Факеева, на разрешение основного вопроса о его политическом лице, о прямых контрреволюционных его замыслах. Этою, однако, сделано не было. Факеев, правда, был строго наказан, но крушение на станции Козыреве в то время не было раскрыто полностью. Из этого факта нужно, разумеется, сделать чрезвычайно серьезные выводы и органам следствия и органам Прокуратуры.

Но, с другой стороны, возникает законный вопрос: как могло получиться, что дежурный по станции допускает ряд грубых нарушений правил технической эксплуатации на глазах у других? Это можно объяснить только расхлябанностью, отсутствием бдительности, низким уровнем трудовой дисциплины на этом участке железнодорожного транспорта, низким уровнем политического и общественного развития отдельных работников транспорта.

На водном транспорте преступная деятельность японо-германских троцкистских агентов выражается в различных формах разрушительной работы на отдельных пароходах. В одном случае троцкистские диверсанты заложили в аппарат главной машины обрезок газовой трубы, в другом случае заложили под вентиль коллектора слесарное зубило, в третьем случае, с целью вывести из строя воздушный насос, заложили под клапан насоса столовый нож. Наблюдаются случаи, когда ставят непригодные вентили, из-за чего на пароходе отказывается работать штурвал, пароход теряет направление, и т. д. и т. п.

На водном транспорте, по крайней мере в некоторых бассейнах (например в Каспийском бассейне), имеют хождение различные-гнилые

теории, которыми ловко пользуются вредители и диверсанты.

Так, в связи с расследованием по делу о гибели па Каспийском море парохода «Советская Армения» было установлено, что среди руководящих работников Каспийского пароходства господствует «теория» о работе флота «на износ». Один из руководителей Каспийского пароходства прямо говорил, что в пароходе надо беречь главным образом «сердце», т. е. машину, а корпус—это дело второстепенное. Отсюда невнимательное отношение к состоянию пароходного корпуса. Случайно ли, что у Наркомвода обычно нехватает средств на докование пароходов, т. е. на своевременную постановку парохода в док, на смену устаревших и ветхих пластов обшивки корпуса и т. п.?

По делу о гибели парохода «Советская Армения» установлено, что регистром был запрещен выход этого парохода в море из-за плохого состояния корпуса. Тем не менее руководство Каспийского пароходства выпустило этот пароход из порта, рискуя и людьми, и ценным грузам, и самим кораблем. Этот совершенно недопустимый, антигосударственный, преступный шаг руководители пароходства допустили, прикрываясь якобы государственными интересами, необходимостью выполнить план перевозок. Ясно, что в данном случае не обошлось без злого умысла или без преступной беспечности, и допустившие это должны быть строго наказаны судом.

Характернейшим отличием современных методов троцкистского вредительства от методов вредительства периода шахтинского процесса и процесса «Промпартии» является особая

озверелость и ожесточенность вредительских приемов, сознательная установка троцкистских вредителей не только на порчу имущества, на торможение хозяйственных успехов, но и подрыв хозяйственной мощи наших предприятий и отдельных отраслей промышленности, но и прямая установка на гибель людей и притом в возможно большем количестве. На судебном процессе антисоветского троцкистского центра это было вскрыто с предельной ясностью. Об этом говорили и Пятаков, и Дробнис, и Лившиц, и Князев, с исключительным цинизмом повествовавшие о том, как они ставили ставку на истребление людей в мирное и особенно в военное время. Нельзя без содрогания вспомнить показания Князева о том, какие установки давал японский агент г-н X, под руководством которого троцкисты организовали поджоги воинских складов, пунктов следования воинских поездов и готовились к отравлению вагонов, предназначенных для перевозки войск, острозаразными бактериями, которые этот самый X обещал доставить троцкистам в нужное время.

При раскрытии одной диверсионно-троцкистской группы было установлено, что троцкисты, пробравшиеся на некоторые элеваторы и зерносклады, распространяли под видом фосфорно-желатиновой приманки для отравления грызунов самовоспламеняющееся вещество, которое вызывало пожары на зерноскладах. К счастью, пожары эти были своевременно прекращены пожарной охраной и честными работниками складов. Но факт остается фактом. Враги народа, затесавшиеся в совхозы и машинно-тракторные станции, стараются пакостить и вредить, выводя из

строя отдельные тракторы и комбайны, срывая завоз горючего, всячески затягивая и срывая сроки сева и уборки и т. д. Всевозможными мелкими и крупными «неполадками» они вредят нашему народному хозяйству, нанося ему в общей сложности немалый ущерб, выражающийся в миллионах и десятках миллионов рублей.

Исключительно разнообразны методы диверсионно-вредительской, преступной деятельности японо-германских троцкистских агентов в области промышленности, в частности в области угольной промышленности. Здесь эти господа специализировались на заведомо преступной организации паления в угольных забоях, искусственном и умышленном загазовании шахт, на применении такой системы горных работ, которая неизбежно влечет за собой возникновение подземных пожаров, вызывающих большие потери угля и срывающие добычу угля. Троцкисты стараются действовать здесь в наиболее замаскированных формах, прикрывая свою преступную деятельность якобы рационализаторскими мероприятиями. Действуя осторожно и исподволь, они, как правило, избегают резких и грубых вредительских мероприятий. Однажды, показал Пятаков, будучи на стройке и увидя, что вредительство осуществлялось настолько грубо, что бросалась в глаза даже при самом поверхностном наблюдении, он немедленно принял необходимые меры. «Я был этим весьма обеспокоен и указал Жарикову (одному из своих сообщников. — **А. В.**), что так делать нельзя. Я предложил ему внешне подтянуть стройку и вести себя осторожнее. В этих целях мы с Жариковым тогда приняли более

замаскированные методы вредительства. Мы условились, что он «проявит энергию», подтянет стройку, начнет строительство каких-либо объектов, но с таким расчетом, чтобы меди все же не было».

Товарищ Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б) подчеркнул, что «настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это—единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу». Именно так действовали Пятаков и его сообщники.

Поставив, например, своей задачей разгромить медную промышленность и, в частности, Средуралмедьстрой, который должен был строиться как комбинированное предприятие, троцкисты во вредительских целях его «раскомбинировали». «Химическую часть,—говорил Пятаков на допросе,—передали Главхимпрому, где Ратайчак ее и заморозил». В результате строилась (и то вредительски) только медная часть производства, а к строительству химической части даже не приступали. Шестов признал, что, следуя указаниям Пятакова, и он ставил себе задачу «создать видимость широкого развертывания нового строительства и производственного эффекта на очень коротком промежутке времени, с большим капиталовложением, но с тем, чтобы в дальнейшем был эффект, обратный».

Не брезгуя малым, вредя делу нашего социалистического строительства там, где только возможно, и так, как только возможно, эти преступники, однако, основные усилия свои

сосредоточивают на важнейших объектах, на главнейших, ведущих участках нашей промышленности, применяя разнообразные методы вредительско-диверсионной работы в соответствии с разнообразием тех условий, в которых они вынуждены действовать.

Нельзя утешаться тем, что вредителей немного, а честных строителей социализма миллионы. Нельзя утешаться тем, что вредительство не может поколебать мощь нашего хозяйства, силы нашей страны.

«Для того, чтобы напакостить и навредить,— говорил на Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин,—для этого вовсе не требуется большое количество людей».

Одним из средств решения великой задачи, указанной товарищем Сталиным—задачи искоренения троцкистских и иных двурушников,—является систематическое и последовательное разоблачение всех приемов и методов троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений. Это, в свою очередь, возможно на основе овладения большевизмом, укрепления большевистской самокритики, постоянной и подлинно большевистской связи с массами.

„Большевик“ № 10, 1937 г.

С. УРАНОВ, О НЕКОТОРЫХ КОВАРНЫХ ПРИЕМАХ ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК

Шпионаж, вредительство, диверсия являются испытанными средствами в арсенале буржуазных государств. Средства эти употребляются не только для борьбы с вероятными противниками, но и с так называемыми дружественными государствами.

Засылая своих шпионов к нам, стремясь насадить своих людей на важнейших участках, наши враги не ограничиваются этим. Они прилагают также все усилия к тому, чтобы вовлечь в свои шпионские сети неполноценные и неустойчивые элементы из граждан Советского Союза; стремятся опутать их своей шпионской паутиной, толкают их на путь измены родине, действуя шантажем, подкупом, обманом, угрозами, заставляют их служить делу врагов Советского Союза. Необходимо помнить, что шпион, диверсант, вредитель опасен тем, что, прикрываясь личиной «своего» человека, он проникает в наши ряды, исполосовывает нашу беспечность и легковере, для того чтобы, выполняя приказ своих хозяев, нанести нам удар в спину, погубить массу советских людей, вызвать несчастья и бедствия и облегчить достижение победы врагу.

Чтобы затруднить врагу его работу, не позволить раскрывать нашу государственную тайну и наносить ущерб нашей обороноспособности и социалистическому строительству, мы обязаны сделать необходимые выводы из полученных нами уроков, мы должны объявить борьбу легковерию,

беспечности, которые являются щелями для проникновения врагов. Мы должны вскрыть лукавые и извилистые пути, пользуясь которыми иностранные разведки вовлекают в свои сети подчас неплохих людей, не желающих стать предателями своей родины, но попадающих в шпионы только благодаря отсутствию бдительности и неумению различить врага и его подлых замыслов, скрытых под маской доброжелательства и притворства.

Иностранные разведки стремятся различными способами перебросить на чужую территорию свои подготовленные кадры шпионов. Эти кадры проходят тщательную подготовку у себя дома а направляются в интересующую разведку страну для проведения шпионской работы.

Из периода мировой войны нам известен случай, когда английский агент «ДН-27», окончивший школу агентуры в Девоншире, еще до войны проник в Германию, поступил там добровольцем в германскую армию и вскоре был произведен в лейтенанты. Владея в совершенстве немецким, английским и французским языками, он был переведен в штаб баварского принца Рупрехта, командующего Баварским корпусом под Лиллем, «ДН-27» всю войну имел переписку с английской разведкой. Даже в 1918 году, когда германской разведке удалось получить списки агентов союзной разведки, этот офицер, командовавший уже тогда у немцев полком, ими не был обнаружен. Он сам раскрыл себя в Сна, куда был послан в качестве германского делегата по переговорам о перемирии и где открыто присоединился к английской делегации.

Засылка шпионов в другие страны с задачей их прочного внедрения в организм соответствующего государства практикуется всеми иностранными разведками. Одновременно проводится работа по изучению граждан соседней страны с целью выявления всех тех, кто может быть под тем или иным предлогом, тем или иным методом вовлечен в шпионскую работу. Известно, что почти все лица, получающие разрешение на выезд из Германии, обязаны предварительно явиться во внешнеполитический отдел национал-социалистской партии, где преобладающее большинство из них получают разведывательные задания, а также указания по изучению людей, с которыми им придется встретиться за границей.

Такой же порядок существует в Японии. **Изучение иностранных граждан разведкой ведется только под одним углом зрения—как успешнее вовлечь их в разведывательную шпионскую работу.** Как и до войны, немецкая разведка разработала специальную картотеку, которая разбивается по городам проживания, отраслям работы, индивидуальным признакам людей, намечающихся для вовлечения в шпионскую сеть ¹.

Эти списки «кандидатов» в шпионы, очень часто невольных жертв шпионского шантажа,

¹ До войны немецкая разведка располагала картотекой на 47 тыс. граждан России, Англии и Франции. Эти люди были резервом для вовлечения в шпионскую работу. Для вербовки этих людей, в зависимости от их личных качеств, исполосовывались разнообразные способы шантажа, подкупа, угроз, провокации.

составляются по разным признакам, в первую очередь, конечно, принимаются во внимание политически неустойчивые, колеблющиеся элементы, затем люди со всякого рода слабостями и пороками, склонностями к выпивке, извращениям, замеченные в нечестном отношении к государственным средствам, совершающие растраты и т. д.

Располагая таким списком в той или иной мере скомпрометированных людей, иностранные разведки пользуются выездом этих людей за границу для привлечения к шпионской работе. Для вербовки людей, живущих в своей стране, посылаются специальные агенты-вербовщики. Шпионы, посылаемые в Советский Союз, проходят тщательную подготовку. Их совершенствуют в знании языка, заставляют читать местную советскую прессу в зависимости от того места, куда шпион направляется, обучают радиodelу, заставляют ежедневно в процессе подготовки слушать советские радиопередачи. В польской разведке, например, для всех подготовляемых для работы в СССР шпионов существуют специальные «рекомендательные списки минимум» литературы, которую шпион должен обязательно прочитать и уметь толковать в духе советской критики. В эти списки входят такие книги, как «Поднятая целика», «Чапаев», «Бруски», «Как закалялась сталь». В последнее время польских разведчиков также заставляют изучать новую Советскую Конституцию, историю партии, материалы по стахановскому движению. От них требуют умения пользоваться советской терминологией.

Подготовленные таким образом шпионы-вербовщики под видом иностранных туристов,

транзитных пассажиров, отправляются в СССР или просто нелегально перебрасываются в Советский Союз, имея задачу вербовать людей для своей шпионской работы.

Всякий шпион, посланный к нам из капиталистических стран, стремится поскорее акклиматизироваться в советских условиях, сойти за советского человека, устроиться на работу. Особенно это облегчается полным отсутствием у нас безработицы. Шпион стремится проникнуть на завод, поступить в советское учреждение, завести там знакомство, посмотреть, кого и каким образом можно втянуть в свою сеть. С этой целью шпион обеспечивает себя подложным или краденым паспортом, иногда даже партийным билетом, всякого рода справками и рекомендациями. Для своей легализации шпион не останавливается ни перед какими средствами. Он начинает, например, разыскивать доверчивых женщин или известных на заводе девушек-стахановок из семей старых кадровых рабочих, с тем чтобы, породнившись с ними, сразу войти в крепкую и известную на заводе среду как «мужу такой-то», «зятю или родственнику такого-то». Для выполнения шпионских задач все средства хороши: и «активность» в общественной жизни, и «стахановская работа», и подхалимство, и угодничество, я лесть, я , наконец, неоднократные «женитьбы» и «разводы» с целью подыскания более подходящей партии.

Таким образом, пользуясь притуплением бдительности или полным ее отсутствием, враг пролезает в наши ряды, становится «своим» человеком. Обосновавшись на предприятии или в

учреждении, шпион начинает постепенно развивать вербовочную работу среди людей нашей страны, стремясь превратить их в изменников родины и заставить работать на иностранную разведку.

Как показали последние процессы, троцкисты, зиновьевцы и правые отщепенцы—враги народа быстро откликнулись на призыв своих хозяев из фашистского лагеря и не за страх, а за совесть старались работать для японо-германского фашизма. Суд над троцкистско-японо-немецкой агентурой показал, что эти грязные предатели—троцкисты, вредителя, шпионы, диверсанты с такой же энергией искали хозяев среди фашистских разведок, как последние искали троцкистов в качестве своих агентов.

Сложнее вербовать для шпионской работы людей, ничего общего не имеющих с троцкистскими предателями. Таких ранее честных людей фашистские разведчики не выпускают из поля своего внимания и, пользуясь всевозможными грязными методами, стремятся их втянуть в свою шпионскую работу, запутывая их в материальном и моральном отношении, применяя шантаж и запугивание.

Если шпион не находит готовых людей среди обиженных, политически неустойчивых, безвольных, болтунов и людей порочных, он намечает себе жертвы и искусственно развивает у них то, что ему нужно,—обиды, неудовлетворенность, пороки, а иногда умышленно компрометирует их в глазах окружающих.

Например, известны случаи, когда по адресу облюбованного иностранной разведкой человека посылают антисоветскую листовку, затем тщательно

наблюдают, как будет реагировать получивший ее. Если он никому о получении контрреволюционной листовки не сообщил, не поставил в известность партийные или советские органы, даже уничтожил листовку, тогда к нему через некоторое время является шпион-вербовщик, склоняя его на работу в пользу иностранной разведки. Когда гражданин начинает возмущаться получением такого предложения, грозит сообщить властям, шпион-вербовщик хладнокровно парирует это фактом получения и скрывает антисоветской прокламации, указывая на то, что этот факт легко доказать через почтальона, принесшего письмо, и т. д. Не получив в первый раз согласия на работу, шпион не успокаивается. Через некоторое время он опять возвращается к тому же человеку, теперь уже застрашивая его тем, что данный гражданин не выдал его властям в первый раз. Шпион требует только минимальных, почти не секретных сведений, которые ему-де очень нужны, предлагает деньги, обещает после получения этих данных больше не приставать. А дальше все идет, как по писанному: «послушавшийся» в первый раз попадает в трясины, из которой ему уже не выбраться, как уже запачканному, и становится марионеткой в руках ловкого шпиона.

Для того чтобы ближе и интимнее сойтись с намеченным к вербовке человеком, шпионы практикуют различные способы. Нередко, когда хозяйственник едет в командировку или на курорт, его в вагоне «узнает» обрадованный неожиданной встречей вербовщик, который, «оказываясь, имеет общих знакомых» и т. п. В процессе длительного пути вербовщик прощупывает со всех сторон свою

жертву, улавливает слабые места и начинает плести свою паутину. Нередко с этой же целью пользуются встречей на курорте, где времени излишек, где имеются возможности прогулок, где легко сходятся, особенно с интересными и услужливыми людьми, на первый взгляд не вызывающими сомнений.

Известен ряд случаев, когда шпионы-вербовщики подставляли наивным людям жен. Эти жены «чутко» проявляли повышенный интерес к работе своих мужей, выведывали их служебные секреты. Получив достаточно материалов, чтобы политически скомпрометировать мужа, такая жена раскрывала карты, предлагая в лоб перейти на прямую, хорошо оплачиваемую службу «своей» разведки. Не у всех находилось достаточно мужества для честного выхода из такого положения. А этим-то и пользовались шпионы и превращали свою бессознательную и беспечную жертву в изменника и предателя своей родины.

На самом же деле каждый честный советский гражданин имеет полностью возможность отвести от себя грязные шпионские поползновения, освободиться от опутывающей его паутины и принести пользу своей родине, разоблачив назойливо пристающих шпионов. Для этого следует только понять, что всякое допущение ошибки или проступка, даже тяжелого преступления, если их признать, не скрывать, довести до сведения органов советской власти, составляет менее тяжелую вину, чем секретный сговор с врагом родины и выполнение шпионских заданий. Следует всегда иметь в виду, что человек, ставший на путь сговора с иностранной разведкой, больше никогда уже не располагает собой: постепенно, начиная с

невинных поручений, его заставляют сначала стать шпионом, а потом требуют безропотного выполнения диверсий и террористических актов. Стоит только подать шпиону палец, как он завладеет всей жертвой до конца и делает из ранее честного человека предателя и убийцу.

Так, например, было с молодым инженером Строиловым, осужденным по последнему процессу шпионов-троцкистов. Этого человека воспитала советская власть, обучила, сделала специалистом. Попав в руки шпионов, он постепенно превратился в предателя родины, вредителя и диверсанта. Сначала Строилову во время его пребывания в командировке в Германии немецкие шпионы дали почитать книгу Троцкого, потом стали подчивать другой контрреволюционной литературой, а кончили тем, что стали его шантажировать, угрожая выдать советским властям, используя также такой мотив, что самое общение Строилова с типами вроде немецкого шпиона Берга уже его достаточно компрометирует. Строилов, вместо того чтобы по-честному вскрыть эти махинации немецких шпионов и тем спасти себя от их преследования, предпочел замолчать свои проступки и за обещание не выдавать его советской власти выдал немецкой разведке расписку с обещанием давать интересующие ее сведения и, таким образом, целиком, со всеми потрохами попал в лапы Гестапо. Когда Строилов вернулся на родину, его уже не оставляли в покое и заставили заниматься вредительством и диверсией. Таким образом Гестапо перекинуло мост между шпионом Строиловым и троцкистскими агентами в Кузбассе. Между тем для всех ясно, что Строилов мог не

только избежать своей презренной судьбы предателя, шпиона и диверсанта, но мог, своевременно вскрыв подлые интриги агентов Гестапо, принести пользу своей родине и остаться верным ее сыном.

Если на нашей советской территории шпионам приходится действовать с величайшей осмотрительностью во избежание провалов и разоблачения со стороны нашей советской и партийной общественности и органов НКВД, то на своей фашистской родине по отношению к приехавшим туда советским гражданам они ведут себя цинично и напористо. Уже при проезде через территорию Польши или Германии в поездах подсаживают к советским гражданам попутчиков, всячески стремящихся прощупать едущих и под всякими предлогами завлечь их в свои сети.

Ряд случаев, взятых из жизни, показывает, насколько бдительными должны быть наши инженеры, хозяйственники и другие лица, едущие по делам за границу, для того чтобы не попасть в ловко расставленные сети иностранного шпионажа.

Некий советский работник «Л», приехав за границу, решил изучать иностранный язык. Дал объявление в газете, что ищет учителя. Среди многочисленных полученных им писем было одно письмо, где трогательно рассказывалось о тяжелом материальном положении автора, а именно: некая учительница, являясь кормильцем семьи из трех человек, просит не давать окончательного решения другим учителям, пока в личных переговорах не убедится, что по знанию языка и методу преподавания данная учительница заслуживает предпочтения перед всеми

остальными. «Л» был холостяком, среди товарищей слыл за хорошего партийца, общественника, скромного в быту человека. Участок его работы был хотя и технический, но весьма ответственный, ибо по характеру работы ему были известны многие важные государственные секреты. «Л» ответил согласием и просил «нуждающуюся» учительницу притти к нему для переговоров. В назначенное время явилась молодая, 26 лет, красивая девушка, назвала себя Мери и с первой же беседы обворожила «Л» своей скромной внешностью и растрогала его повестью о своем тяжелом материальном положении.

Начавшиеся уроки проходили на квартире «Л» в течение нескольких месяцев нормально. За это время «Л» подружился со своей учительницей, начались совместные прогулки за город, хождения в кино и т. д. Отношения становились все более дружественными. За все время совместных занятий Мери ни разу не задавала каких-либо вопросов, могущих вызвать подозрения. В вопросах политики она разбиралась мало, хотя и говорила, что втайне от матеря, фанатически верующей женщины, она читала книги о Советском Союзе и, несомненно, если бы она имела больше свободного времени, она разделяла бы взгляды большевиков. Однажды вечером, во время обычного урока, Мери почувствовала себя плохо. Она попросила вызвать врача—ее дальнего родственника «Н». К приезду врача Мери стало хуже, пришлось ее положить на диван. Приехавший врач установил сильное переутомление и ослабление сердечной деятельности. Врач дал порошки, сказал, что она скоро успокоится и уснет, предложил «Л» не

беспокоить Мери, дать ей спокойно полежать и уехал. Проходили часы, Мери не просыпалась, и когда подошел третий час ночи, «Л» решил, что если даже она и проснется, то в это время уже неудобно выпускать ее из квартиры. Утомленный «Л» вскоре к сам заснул. Проснувшись утром, «Л», к своему удивлению, не нашел Мери на диване, не оказалось также ее и в квартире. Он был еще более удивлен, когда он не нашел ключей ни от парадного, ни от черного хода своей квартиры. Ключи исчезли, а сколько их «Л» ни искал, найти их не мог. Пришлось по телефону вызвать слесаря ломать замок. Вместо того чтобы пойти к своим товарищам и рассказать о происшедшем, «Л» стал опасаться, как бы кто-либо не подумал, что дело было не так, как он расскажет, что между ним и Мери произошло что-либо, что никто не поверит истории с исчезновением ключей и что в результате всего происшедшего о нем начнут говорить, перевернут факты и могут начаться разговоры, от которых, кроме неприятности, ждать нечего. «Смолчать,—решил «Л»,—ведь кроме меня никто ничего не знает». Дело, же заключалось в том, что «Л» и не подозревал, что контрразведка, агентом которой была Мери, все свои планы построила именно на том психологическом моменте, что «Л» побоится рассказать кому-нибудь о ночевке Мери у него на квартире, исчезновении ключей и сломанных дверях.

Когда прошло некоторое время и «Л» начал забывать уже происшедшее, однажды вечером к нему на квартиру явился незнакомый человек и, представившись агентом местной контрразведки, сказал, что имеет поручение от шефа

контрразведки встретиться с ним и переговорить о случившемся между ним и Мери. По словам агента, Мери подала в контрразведку заявление, что ее ученик—сотрудник такого-то советского учреждения за границей, с которым она занималась много месяцев, который вел себя добропорядочно, во время последнего урока предложил, ей чай с пирожным. Во время еды она почувствовала головокружение. «Л» вызвал врача, который дал ей порошки. После порошков она почувствовала себя немного легче и уснула. Ночью она неожиданно проснулась от какой-то тяжести и сильной физической боли. Придя в себя, она увидела у себя на диване «Л», который будто бы пытался ее изнасиловать, причем попытки свои, сопровождал садистскими мучениями и искусал ее не меньше чем в 15 местах. После недолгого сопротивления ей удалось вырваться и убежать в другую комнату. Однако и там «Л» ее настиг, и борьба между ними возобновилась. В момент безвыходности Мери схватила стоявшую на столе чашку с солью и высыпала ее в глаза «Л». Боясь, что «Л», находясь в состоянии безумия, будет ее преследовать, Мери выбежала и запала парадный и черный ход квартиры. К своему заявлению Мери приложила связку ключей и свидетельство доктора «Н», который был вызван на квартиру к «Л» и который подтвердил, что «Л» уговаривал его не увозить Мери домой и лучше оставить ее у него на квартире. В свидетельстве доктор указал, что на следующий день Мери явилась к нему в сильном расстройстве и на геле ее были обнаружены 15 укусов с кровоподтеками.

Слушая агента, «Л» уже находился в состоянии транса, не мог собрать своих мыслей. Одно он начал ясно понимать, что находится на краю пропасти и весь во власти этого незнакомого ему человека. Он был поглощен мыслью о спасении себя, не понимая, что единственный путь—пойти и все рассказать близким друзьям, другое же решение—немедленная гибель. План контрразведки был разработан тщательно. Вербовка «Л» была намечена так, чтобы психологически представить ему контрразведку не в роли его душителя, затеявшего все это дело, а в роли спасителя, который в минуту жизни трудную пришел ему на помощь, и поэтому таким хорошим людям из контрразведки можно оказать кое-какие «мелкие» услуги.

Агент указал, что контрразведка не заинтересована в его компрометации и скандале, ибо речь идет не о рядовом человеке, а об ответственном сотруднике страны, с которой его правительство находится в нормальных дипломатических отношениях. По так как заявление поступило, контрразведка обязана вести дознание и передать дело прокурору. По этому делу они уже вызывали Мери, допрашивали ее и по своей инициативе предложили ей не поднимать скандала и пойти на мировую. Мери долго не соглашалась, но под нажимом контрразведки дала согласие, но при условии, что в 5-дневный срок она получит 5 тыс. золотых рублей. «Л» сначала не соглашался, потом соглашался на меньшую сумму, но агент заявил, что он не уполномочен вести такие переговоры. В течение последующих дней «Л» встречался с агентом, доказывая ему, что денег не имеет и

достать их не может. На третий день на свидание с «Л» пришел иностранец, назвавший себя помощником начальника контрразведки. Он дал понять «Л», что готов помочь ему достать в банке деньги, однако взамен этой услуги он надеется получить от «Л» некоторую компенсацию. Контрразведка много не просит, она заинтересована, чтобы в стране был мир и порядок, а к ней поступает много доносов. Часто правду от лжи трудно отличить, и поэтому контрразведка просит лишь давать свои заключения и мнение об интересующих ее лицах.

«Л» ожидал гораздо худшего. Ему это требование показалось невинным. Он даже начал себя убеждать в том, что он делает очень хорошее дело—будет спасать советских людей от возможной клеветы со стороны врагов Советского Союза. Еще один шаг—и «Л» стал бы па гибельный путь предательства родины.

Однако врагу не удалось торжествовать. Внешнее поведение «Л» не прошло незаметно для его товарищей по работе. Дошли слухи об истории со взломанными дверями, заметили, что «Л» избегает друзей, пропадает неизвестно где по вечерам, лжет, отвечая на вопросы. Обратило на себя внимание, что «Л» усиленно занимается продажей некоторых вещей, пытается занимать деньги. С ним решили поговорить по-товарищески, и «Л» нашел в себе в последний момент мужество обо всем рассказать.

Мы нарочно подробно остановились на этом примере, чтобы показать, как отсутствие бдительности, казалось бы в таком простом вопросе, как подбор преподавателя иностранного

языка, убаюкивание себя тем, что враг не так коварен, как его рисуют, малодушие и отсутствие сознания своего дол-га перед родиной привели до того честного, ничем не запятнанного гражданина, каким раньше был «Л», в лапы злейшего врага нашей родины, который, как правило, всегда начинает о просьбы об оказании мелких услуг, с тем чтобы впоследствии заставить совершать убийства, поджоги и шпионаж.

Известен также ряд других случаев, когда враг, пользуясь распушенностью некоторых советских граждан, попавших в заграничную командировку, подставлял им женщин, затем заставлял давать удовлетворение об'жившемуся «оскорбленному мужу» и под видом компенсации за то, что дело замяли, не довели до скандала, склонял легковверных и распушенных людей к шпионажу, к измене родине. С одним советским гражданином, ранее будто бы безупречным, случилось такое бедствие, когда он был в командировке в Японии. Он стал часто посещать рестораны и другие увеселительные места, при этом, он сблизился там с одной из посетительниц этих мест, с виду «аристократкой», довольно красивой женщиной. Во время одной из его встреч с этой женщиной в укромном уголке фешенебельного ресторана неожиданно появился, японец в военной форме, назвалса «мужем» этой женщины и набросился на советского гражданина, требуя удовлетворения за оскорбление чести его семейного очага. Дело кончилось бы скандалом, если бы тут же не появился другой человек, довольно любезный с виду, тоже, японец, но в штатском, который стал уговаривать военного японца не подымать скандала

и кончить дело миром. Советский гражданин, чувствовавший себя в отчаянном положении, ухватился за «примирителя», как за якорь спасения. Дело кончилось «миром», но какой ценой? Советский гражданин дал расписку давать примирителю «информацию» о некоторых делах в СССР, интересных для «примирителя», оказавшегося агентом японской разведки. Но, дав расписку, он оказался в лапах у «примирителя». Боясь разоблачения со стороны «примирителя», он все больше и больше запутывался, выполняя все новые и новые шпионские поручения. Он превратился в японского шпиона и врага своей родины.

Известен случай, когда некий советский работник «Н», находясь в заграничной командировке, попал под удар иностранной контрразведки при следующих обстоятельствах. Однажды «Н», захвати в портфель, пошел в кафе. Так как в портфеле никаких деловых бумаг не было, «И», выпив несколько чашек кофе, оставив на столе портфель, пошел поговорить по телефону. Когда он вернулся обратно к своему столику, он нашел свой портфель на месте и, посидев еще некоторое время, направился к выходу. У выхода из кафе его остановил молодой человек, иностранец, который обратился к «Н» со следующим вопросом: «Вы являетесь таким-то?» «Н» ответил утвердительно. Тогда иностранец попросил «Н» отойти в сторону и сообщил ему: «Вы, господин «Н», являетесь советским шпионом, нарушающим законы данного государства. Об этом еще не известно полиции, но вы находитесь целиком в моих руках. Я могу вас снасти, если вы мне

окажете некоторую «услугу». Когда «Н», возмущенный, стал отрицать возведенный на него поклеп, иностранец попросил его не горячиться, так как «Н» увернуться не сможет ввиду того, что у него в портфеле лежит шпионский документ, направленный против данной страны. «Н» знал, что у него в портфеле ничего предосудительного не может быть, тут же открыл портфель и между всяких своих бумаг обнаружил к своему ужасу вложенный туда, очевидно, во время его переговоров по телефону документ на иностранном языке с секретным грифом. Когда «Н» стал возмущаться, обвинять незнакомца в том, что он подбросил ему этот документ, незнакомец ответил: «Успокойтесь, господин «Н», я не знаю, как вы выйдете из этого положения. В мои намерения входило выручить вас, а если вы от этого уклоняетесь, я немедленно, сию же минуту передам вас в местную полицию». Коротко говоря, «Н», вместо того чтобы тут же прекратить подобного рода разговоры и, являясь честным, незапятнанным человеком, немедленно самому обратиться к полиции, стал искать компромиссов с незнакомцем и в конечном итоге с целью «избежать скандала» дал согласие навести справку об одном человеке, проживающем в Советском Союзе. Но шпион, завлекший в свою паутину «Н», этим не ограничился. Он не пожелал выпустить «Н» из своих рук, ее получив от него письменного подтверждения о согласии выполнить данное ему поручение. Так как «Н» не видел другого способа отвязаться от преследовавшего его шпиона, он совершил роковую ошибку и выдал последнему расписку с обязательством выполнить данное ему

поручение, и расписка эта явилась роковой для «Н» на всю его жизнь. Пользуясь этой распиской и угрожая ее опубликованием, агенты фашистской разведки настигали его всюду, где бы он ни находился, и, переходя от поручений, на первый взгляд, невинного характера, «загрузили» «Н» настоящей шпионской работой, заставили его изменить своей родине и стать презренным наемным шпионом в руках фашистской разведки.

Известны также и другие случаи, когда шпионы в свои сети увлекали людей, приезжавших за границу, пользуясь их моральной неустойчивостью. Так, один командированный за границу работник в порядке служебных взаимоотношений познакомился с рядом чиновников иностранных консульств. Один из них, выдавая себя за состоятельного человека, часто приглашал гражданина «Т» на различные зрелища—скачки, в театры, увеселительные места, шантаны, кабаре и тому подобные увеселительные заведения. При этом иностранец всегда искал случая заплатить за все развлечения, которыми он пользовался вместе с «Т». Таким образом, «Т» систематически стал проводить время со своим новым щедрым знакомым, посещал различные значные места, втянулся, в веселую жизнь. По в одно прекрасное время «благодетель» сообщил «Т», что он обанкротился, что с него требуют немедленной уплаты по счетам, поэтому он просит возместить ему все произведенные на «Т» расходы по совместным кутежам. Когда «Т» услышал требуемую с него сумму, он обомлел, потому что никогда таких денег вместе с иностранцем не потратил. Но иностранец настаивал на немедленном возмещении произведенных расходов. Естественно,

«Т» неоткуда было достать большую сумму денег, и вот его собутыльник предлагает найти выход из положения, который может «спасти» их обоих, а именно: необходимо, чтобы «Т» давал скромные информации одному очень солидному человеку, который из этих информации может извлечь коммерческую пользу. Когда «Т» отказался, его «приятель» стал ему угрожать тем, что он немедленно сообщит начальству «Т» о безнравственности «Т», о всех их совместных похождениях, кстати сказать, и о тех секретных данных, которые якобы ему уже «Т» разболтал. «Не лучше ли вам дать эту безвредную информацию,— заявил шпион «Т»,—чем рисковать вашим добрым именем, а может быть, даже и жизнью, а также полным разрушением своей семьи, так как жена ваша вам не простит ваших безнравственных походов. Не лучше ли предать забвению все происшедшее ценою сообщения моему приятелю некоторых сведений, разглашение которых не принесет никому никаких ущерба». Не найдя в себе мужества признаться перед своими товарищами в своем недопустимом поведении, в смычке с враждебным окружением и тем самым предохранит себя от дальнейшего падения, «Т» дал подписку о согласии давать просимые сведения, получив взамен от своего знакомого ничего не значащую расписку в том, что он обязывается не требовать с него никаких денег и не шантажировать его. Кончил же «Т» тем, что пытался по требованию своих новых хозяев стащить секретный документ и на этой попытке был пойман.

Известен случай, когда немецкая разведка попыталась применить против командированного за

границу советского гражданина следующий неуклюжий прием вербовки. Приехавший искал для себя квартиру. Он осмотрел несколько помещений и, наконец, решил остановиться на одной комнате, сдаваемой пожилой женщиной. Во время его беседы с квартирохозяйкой присутствовала молодая девушка, которая отрекомендовалась знакомой хозяйки. Поговорив с владелицей квартиры об условиях найма комнаты, товарищ условился зайти через два дня для окончательных переговоров; и вот, явившись в назначенный срок в избранную им квартиру, он встретил опять ту же квартирохозяйку, которая заявила, что должна просить его немного подождать, так как должна об окончательной сдаче посоветоваться со своими родственниками, которые живут в соседнем доме. Квартиронаниматель стал, покуривая, дожидаться в гостиной. Через несколько минут явилась квартирохозяйка вместе с полицейским инспектором и полицейским вахмистром. Инспектор сообщил, что к нему поступило заявление от данной гражданки, что будто бы при первом посещении и осмотре квартиры украли у хозяйки два золотых кольца. Так как никого ни до, ни после посещения этим товарищем данной квартиры у хозяйки не было, то подозрение падает на советского гражданина. Инспектор пригласил его в комиссариат для составления протокола. Несмотря на резкие протесты товарища, ему все же пришлось пойти в полицию, где его подвергли унижительному допросу и даже пытались произвести обыск. Когда инспектор убедился в серьезном намерении обвиняемого воспротивиться обыску, он внезапно перешел на любезный тон и сказал: «Возможно, что

гражданин и не виновен в этом деле, но улики налицо, и он обязан подвергнуть гражданина а обыску или составить протокол и передать дело в прокуратуру, а до разбирательства дела придется его задержать. Но так как он, инспектор, понимает, какое это скандальное дело для уважаемого господина, он готов за маленькую сумму на «покрытие неприятности» замять все дело и отпустить «вора» на все четыре стороны». К несчастью, товарищ стремился поскорее выпутаться из неловкого положения, в кото-рое он попал, и, не подумав о последствиях, вынул бумажник и положил на стол инспектору 20 марок. Как раз в это время дверь открылась и вошел прилично, по скромно одетый молодой человек, явно офицерского вида, но в штатском платье. Вошедший заявил, что, находясь в соседней комнате, он слышал, как задержанный предлагал полицейскому инспектору взятку. Как старший он должен об этом составить протокол. Расспросив у инспектора о причине задержки советского гражданина, офицер заявил, что дача взятки является прямым подтверждением виновности задержанного, и потребовал немедленного составления протокола с указанием, что задержанный пытался освободиться при помощи взятки. Задержанного же офицер приказал немедленно отправить в тюрьму. После того как протокол был написан, а задержанный отказался его подписать, офицер, отослав инспектора и оставшись наедине с задержанным, заявил, что он является офицером контрразведки, наблюдающим за деятельностью полиции. Он вполне понимает всю скандальность происшедшего и готов помочь

попавшему в беду советскому гражданину. Однако он не может этого сделать, не получив с его стороны никакой услуги. В данном случае его предложение сводилось к тому, чтобы советский гражданин оказал ему взаимную услугу, а именно: навел справку об одном человеке—другом советском гражданине, который проживает у себя на родине. Наш простачок, ничего не подозревая, записал у себя в книжке названную ему фамилию и адрес, затем по просьбе офицера записал ему собственной рукой в его же записную книжку эту же самую фамилию на русском языке. Затем, полагая, что оп совсем дешево отделался, по протекции офицера контрразведки покинул полицию и отправился к себе.

По дороге наш знакомец много думал над происшедшим, размышлял, следует ли ему рассказать об этом своим товарищам, но, опасаясь того, что над ним посмеются, он о своем приключении никому не сказал и постарался о нем забыть. Однако через 15 дней к нему в квартиру позвонили по телефону и сообщили, что его желает видеть офицер контрразведки для переговоров по известному ему делу. Только после этих телефонных звонков простачок понял, чем пахнет дело. Он решил немедленно доложить о происшедшем своему начальнику и этим спас себя от гибели, которая ждала его в случае дальнейших затягиваний этой затеянной контрразведкой гнусной комедии. Когда агент разведки стал нажимать и угрожать разоблачением его, наш товарищ его быстро отшил, заявив, что он сам обо всем доложил уже своему начальнику и контрразведке следует считаться с протестом

против тех подлых приемов шпионажа, которые она допускает в отношении честных советских граждан. Контрразведка долго еще не успокаивалась, не желая выпустить из рук намеченную жертву, пытаясь применить новые методы запугивания. Но ничего из этого дела не вышло благодаря прямой и честной позиции советского гражданина.

Приведенные примеры только частично приоткрывают завесу грязных и гнусных приемов, которые применяются иностранными, особенно фашистскими, разведками для вовлечения в свою шпионскую сеть ни в чем неповинных людей. Правдивость, честность перед Советским государством, сознание долга перед своей родиной, бдительность, добросовестное выполнение порученного дела, самоконтроль должны предохранить каждого советского гражданина от этих гнусных поползновений со стороны врагов.

Используя самые грязные методы в своей шпионской работе, фашистские разведки понимают, что методы, применяемые ими, могут быть использованы также и другими буржуазными разведками и в той же степени могут быть применены против них. Чтобы привить известную сопротивляемость своим подданным, фашисты выпускают один за другим кинофильмы, имеющие целью знакомить с методами и приемами иностранных разведок. Широко рекламируются такие картины, как «Мата Хари» (известная германская шпионка, в Париже), «Порт Артур», «Наташа», «Предатель». В последней картине показана работа шпионов иностранных государств на территории Германии. Особенно в этой картине подчеркивается, как германский летчик, опутанный

сетями шпионов, нашел в себе силы, не испугавшись сфабрикованных и разоблачающих его документов, рассказать обо всем своему начальнику, за что был, в конечном итоге, награжден благодарностью перед строем. С другой - стороны, фашисты всячески идеализируют своих шпионов. Создана целая серия насквозь лживой литературы об их подвигах.

Все это преследует цель вовлечения молодежи в шпионскую «романтику». Основные кадры этих фашистских «романтиков» готовятся для работы против иностранных государств. Их расчет—пролезть через щели расхлябанности, беспечности и притупления бдительности, для того чтобы вершить свое гнусное дело убийств, диверсий и шпионажа.

Для выполнения своих функций шпионаж располагает мощным аппаратом, использующим все легальные и нелегальные возможности проникновения в организм соседних государств. Опыт мировой войны, послевоенный и нынешний предвоенный период, несмотря на завесу тайны, которой всегда прикрывается шпионская работа, дает большое количество фактов широкого размаха шпионской деятельности. Шпионаж протягивает свои щупальцы в государственные учреждения, крупные предприятия оборонного значения, на транспорт, имея целью проникнуть в государственную тайну, выведать оборонные секреты, раскрыть технические усовершенствования, насадить на важнейших постах своих людей и организовать вредительство, диверсию и предательство. Шпионаж—это непрерывная скрытая война, которая ведется

армией шпионов и не прекращается ни на минуту. Об этом говорят многочисленные судебные процессы при закрытых дверях, имеющие место за последнее время в Америке, Англии, Франции, Чехословакии, Румынии, Испании.

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА *

Зловещий фронт

Однажды, ранней весной 1913 года, в Вене четыре штабных офицера стояли у двери передней, с трагической напряженностью прислушиваясь и ожидая. Они ждали револьверного выстрела, и, когда он раздался, старший из них, полковник, открыл дверь, все, один за другим, вошли в комнату. В кресле у окна лежал стрелявший. Это был, судя по мундиру, офицер главного штаба. У его ног лежал револьвер казенного образца. Офицер был мертв. Самоубийством он оттянул на год объявление войны России, что было чрезвычайно важно для австро-венгерского командования.

Факт самоубийства в официальных кругах Центральной Европы секретно обсуждался в течение целого сезона. Покончивший с собой офицер был полковник Редль, прикомандированный к секретной службе Австро-Венгерской империи. Он стоял во главе контрразведки и продал свою родину. Русский военный атташе, полковник Зубов,

* от редакции „Правды“: Мы публикуем сокращенный перевод с английского книги американского писателя Р. Роуан „Разведка и контрразведка“. Редакция надеется, что этим она в известной мере поможет своим читателям — партийным и непартийным большевикам ознакомиться „с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов“ (И. Сталин).

в течение шести часов должен был оставить Австро-Венгрию. Штабные офицеры сделали все, что могли, чтобы Редль понял, в какое положение он поставил родину Своим предательством. Один из них, известный стрелок из пистолетов, был намечен для того, чтобы убрать с дороги полковника, если ему изменит мужество.

В течение не менее четырех лет Редль систематически разглашал, России ряд военных тайн. Он продал новый план мобилизации и чертежи оборонительных сооружений таких крепостей, как Перемышль и Краков. Он усердно выдавал царской тайной полиции даже тех австро-венгерских агентов, которых он лично посылал в Россию. Но в виду того, что Редль сам привел в исполнение свой смертный приговор, ему вскоре нашли множество оправданий. Правительство употребило все свое влияние, чтобы замять этот эпизод.

Полуосведомленные лица считали, что Редль погиб, чтобы спасти свою родину от поражения, и это, независимо от его предательства,—чистая правда, поскольку Австро-Венгрия была совершенно не подготовлена; ей необходимо было затратить миллионы на изменение планов, известных России. Сторонники Редля утверждали, что войны никто не ожидал и что он продавал России только то, что к моменту начала войны потеряло бы всякое значение. К августу 1914 года друзьям Редля почти удалось создать ему намять неподкупного человека.

Русская армия окружила Перемышль, по взяла эту крепость только после продолжительной осады. Как мы видим, австрийский главный штаб сделал за

год все, что он мог, чтобы обезопасить империю от предательства Редля.

Если бы русскому военному атташе не удалось подкупить австрийского офицера, то получение нужных сведений было бы поручено разведчикам. Им понадобилась бы большая ловкость и настойчивость для того, чтобы узнать все, что Редль мог продать.

В мирное время шпионаж заменяет военные действия, но он более экономичен. На войне разведчик является самым смертельным оружием, единственным древним оружием, не потерявшим своего значения.

Мы привыкли к такому темпу усовершенствований в современных средствах войны, что нововведения, обеспечившие победу в одном сражении, рассматриваются как недостаточные и устаревшие в следующем сражении. Однако при всех изменениях в военном искусстве разведчик оставался несовершенствованным. Хотя учреждение, которое в настоящее время называется разведывательным отделом армии, собирает военную информацию из ряда источников, но в основном оно строит свою работу на отваге и находчивости разведчиков и секретных агентов. Как ни важна хорошая организация в тылу противника, главная роль выпадает на долю самого разведчика. Сведения, добытые ловким секретным агентом, могут расцениваться правительством его родины в десять тысяч раз дороже, чем его вес в золоте.

По французским данным, одна ловкая женщина-разведчик в период мировой войны уничтожила шестнадцать транспортов и торговых кораблей.

Такой результат, гораздо более губительный, чем действия любого линейного корабля, наводит на мысль, что разведчики являются не только мощным оружием, неизменным на всем протяжении истории, но и относительно недорогим оружием. Построить и снарядить линейный корабль и содержать его в течение нескольких лет, пока он не устареет, стоит не менее ста миллионов долларов, в то время как самые лучшие секретные агенты-патриоты обходятся несравненно дешевле. Большая часть разведчиков, независимо от опасности своего труда, получает сравнительно небольшое вознаграждение. Каждое правительство располагает многочисленными агентами.

В мирное время разведчики и секретные агенты ведут себя совершенно так же, как и в военное время, но с большей уверенностью и не стесняясь переездов с места на место.

В это время разведчик не ставит на карту свою жизнь, так как противники становятся соседями и подозрительность населения значительно ослабевает. Маскировку разведчика и его уловки гораздо труднее разоблачить. По всей вероятности, разведчик, попутно с выполнением этих заданий, получает несколько вполне легальных, деловых поручений. По сравнению с напряженностью и •опасностью, неизбежными в военное время, такая работа является настоящим праздником для каждого профессионального секретного агента.

В периоды войны мир разгорожен неизбежными барьерами. Переезды контролируются, почта проходит военную цензуру, и работе разведчика противопоставляется работа контрразведки: организованное наблюдение за разведчиками,

бдительность гражданского населения, что в общей сложности может послужить препятствием в работе самого опытного разведчика.

Интересно отметить, что с прекращением военных действий работа разведки не прекращается. Государства наблюдают друг за другом со всем пылом закоренелых врагов. Полин секретной службы иногда сокращаются, но никогда не демобилизуются. Ни по какому мирному договору они не распускаются по домам. Версальский договор только еще составлялся, узы, связавшие потом Германию, только еще обсуждались, а уже торжествующие союзники начали внимательно наблюдать друг з а другом, словно это был единственный способ закрепления за собой роли победителя.

Шпионаж по своей сути является незаконным актом вторжения в чужую страну. Однако государства, посвятившие себя поддержанию мира и порядка, непрестанно потворствуют шпионажу. На зловещем фронте нет перемирия. Это означает, что, хотя большая часть из нас живет и работает, стремясь к своему благополучию, соблюдая известные правила индивидуальной честности, в подполье ведется непрерывная борьба, интриги, признаваемые всеми естественными и в то же время незаконными.

За четыре месяца до 1 марта 1928 г. в Великобритании, Франции, Польше и Чехословакии было осуждено по обвинению в шпионаже семнадцать человек. Тем не менее и теперь, в случаях, когда бывший офицер-разведчик или какой-либо офицер запаса, пользующийся доверием разведывательного отдела той службы, к

которой он принадлежал в свое время, уезжает за границу, ему немедленно вручают ряд инструкций. Он получает при отъезде список вопросов по армии или флоту (в зависимости от его специальности) посещаемых им иностранных государств; ответы на эти вопросы должны дать разведывательному отделу нужные ему дополнительные сведения. Разведывательный отдел может потом уверять, что никогда ни о чем подобном не слышал, что инструкции были вручены неофициальным порядком, в с е же во в с е х первоклассных в второклассных державах это вошло в повседневную практику. Путешествующий офицер запаса не всегда обязан действовать тайно. То, что он делает, не всегда может быть охарактеризовано, как предосудительные действия, его работа может в основном рассматриваться как дополнение к наблюдениям военного и морского атташе, которые называются «аккредитованными шпионами».

Не так давно одной европейской державе было предложено чрезвычайно важное морское изобретение. За право исключительного пользования изобретатель потребовал крупную сумму в миллион фунтов стерлингов. Государственный деятель, которому предстояло прибавить этот миллион к бюджету, а затем найти эти деньги, высказался против какой бы то ни было оплаты изобретения. Он цинично заявил: «Пусть покупает какая-нибудь другая держава. Мы можем немного подождать. Наши агенты скоро выкрадут его, и тогда мы сможем воспользоваться им почти даром». Этот трезвый реалист стоит в настоящее время во главе одного из крупнейших банков в мире. Его отношение к перспективам

государственной разведки в мирное время (дело было до 1914 г.) достойно быть отмеченным.

Современная война требует организованной разведывательной службы и вследствие этого другой службы—контрразведки. Каждое государство, которое может вести войну, должно иметь разведчиков: чтобы противодействовать тайным начинаниям своих соседей, оно также должно располагать хорошо подготовленными и опытными агентами, способными нейтрализовать разведку других держав. Разведчик, нарушая права других государств, рискует вовремя войны своей жизнью, а в мирное время—выселением, тюремным заключением и отвержением, потому что у него нет никакой защиты. Правительства не могут участвовать в незаконных предприятиях. Они строго преследуют иностранных шпионов. Поэтому они наказывают своих агентов, отказываясь от них, когда те попадают в тяжелое положение.

С другой стороны, ясно, что армейский или морской штаб как в мирное, так и в военное время должен знать все, что можно узнать о всех вероятных противниках. Эксперты утверждают, что плохая разведка вызывает войну; она во всяком случае способствовала возникновению последней войны. Известно, что воинственное настроение в генштабах Австро-Венгрии и Германии вызывалось информация», полученными зимой ® ранней весной 1914 г. от предателей и шпионов из русского военного министерства. По донесениям, царская армия была совершенно дезорганизована. Почему же было не поторопиться с ультиматумом Сербии без пощады и милосердия?

Все это было трагической ошибкой. Россия сумела мобилизовать армии Ренненкампа и Самсонова с такой быстротой, что удивила своих союзников. И немецкое командование с тех пор начало считать, что его разведывательная служба жестоко ошибалась в оценке потенциальных сил бельгийцев.

По сообщениям разведчиков, Великобритания безнадежно погрязла в разрешении трудных проблем, поставленных перед нею рабочим движением и восстанием в Ирландии. Но и на этот раз не оправдались данные, добытые наиболее подготовленной и наиболее широкой разведывательной службой в мире.

Приступая к подробному изложению деятельности и военного значения разведчиков, следует с самого начала установить, что риск, которому подвергается разведчик, не представляется чрезмерным по сравнению со смертельной опасностью, которой подвергаются в современной войне действующие войска. Военные законы требуют казни лиц, обвиняемых в шпионаже, независимо от этических соображений. Предполагается, что угроза смертной казнью затруднит набор подходящего личного состава для выполнения разведывательных заданий. Но в действительности эта угроза останавливала очень мало людей, одаренных качествами разведчика. Это — обычно искатели занимательных приключений. Офицеры этого типа, как правило, чрезвычайно талантливы в военных делах; вследствие этого командиры, не желая рисковать ценными подчиненными ради какого-нибудь предприятия, выходящего за рамки задач части и носящего

весьма, опасный характер, отказывались отпускать их на территорию противника.

Чтобы ответить на вопрос, кто подвергается большей опасности—боец или разведчик, следует рассмотреть некоторые статистические данные, относящиеся к 1914—1918 гг., хотя нигде не имеется записей, из которых можно было бы точно установить число разведчиков. Многим офицерам-разведчикам позволялось набирать агентов и давать о них сведения в целом, отчитываясь только в затраченных на них суммах. Как неоднократно сообщалось, Фридрих Великий заявлял, что он в военной зоне имел в своем распоряжении одного повара и сотню разведчиков. Фридриху был нужен только один повар, так как он был умерен в еде и часто хворал, но, окруженный сильными и настойчивыми противниками, он нуждался в значительно большем числе разведчиков и, несомненно, располагал ими. Глава прусской разведки Штибер уверял фон Руна и Мольтке в том, что он в начале франко-прусской войны послал на фланги и в тыл армий Мак-Магона и Базена 36,000 разведчиков. Избегая крайностей этих утверждений, майор Штейнхауер предполагал, что в Северной Франции и Бельгии в тот момент, когда «Большая Берта» выпустила первый снаряд по г. Льежу, имелось около 8,000 разведчиков.

Во время занятия территорий часто расстреливали, как шпионов, мирных жителей только за то, что они со злобой смотрели на вторгшегося к ним неприятеля. Иногда все их преступление заключалось в инстинктивном сопротивлении тому унижению, которому подвергалось гражданское население. Однако

многочисленные жители Бельгии и оккупированных департаментов Франции осуждались за шпионаж, их приговаривали к многолетнему тюремному заключению.

Достижения разведывательной службы главным образом составляются из результатов работ нескольких особо искусных разведчиков. Все остальные доставляют случайные отрывочные сведения, хотя и эти сведения иногда имеют большую ценность. Кроме того, такие разведчики отвлекают внимание контрразведки противника и становятся как бы дымовой завесой, скрывающей деятельность нескольких гениев разведки.

В последние месяцы мировой войны контрразведка берет верх и фактически переходит в наступление. Бывший начальник особого разведывательного отдела британского военного министерства, бригадный генерал Г. И. Коккериль, с гордостью перечислял победы своих сотрудников. Контрразведка задерживала разведчиков, перехватывала морские и военные информации, раскрывала заговоры и подготовку покушений на поджог и разрушение военных заводов, задерживала сообщения о выходе кораблей из английских портов и, помимо этого, в значительной мере способствовала блокаде. Контрразведка сообщала о всех случаях контрабанды, не допустила перевод противнику денежных сумм на 70 млн. ф. ст. и полностью разрушила все средства сообщения противника с заокеанскими странами.

Если генерал Коккериль и его энергичные сотрудники спасли Британию миллионы долларов, то имеются все основания полагать, что

современная разведывательная служба и в дальнейшем будет оправдывать свое назначение.

Все архивы секретной службы сохраняются в глубокой тайне, драгоценные материалы не учитываются и обречены на гибель при перемее начальствующего состава. Книги о секретной службе представляют собой хвастливые мемуары («только храбрейшим из храбрых разрешено служить с нами на этом опасном посту!»), сомнительные разоблачения или же полубеллетристические и мелодраматические повествования о таинственных, волнующих событиях и подвигах какого-нибудь агента секретной службы.

Мировая война и разведка

Деятельность офицера, прикомандированного к разведывательному отделу армии или флота, как в военное, так и в мирное время, носит исключительно наступательный характер. Его цель—детальное изучение флотов и армий других государств, так как разведка неизбежно связана с их развитием.

Офицеры разведки, которые в мирное время добывают данные о вооруженных силах той или иной страны, никогда не забудут примера Германии. Немцы до войны собирали всесторонние сведения о всех странах мира. Под руководством морских и военных атташе они собирали все данные о портах, главных городах, о холмах, с которых их будет обстреливать артиллерия, о

мостах и железнодорожных линиях, дорогах и долинах, рвах и каналах, о всех удобствах и о всех препятствиях и, конечно, об укреплениях, морских базах, сухих доках и арсеналах. Получив эти данные, необходимо было следить за их дальнейшей эволюцией. Если, например, в какойлибо стране изобретены новые-скорострельные пушки, то необходимо было пересмотреть все иностранные сведения по усовершенствованию этих орудий. В связи с этим усовершенствованием какой-нибудь арсенал мог оказаться устаревшим.

Штабы армий других государств восхищались германской системой разведки и воспринимали ее как угрозу своей родине.

Большинство государств до мировой войны отпускало ограниченные суммы на разведку. После мировой войны все крупные державы продолжают готовить планы морских и сухопутных нападений друг на друга и-собирать сведения путем шпионажа.

Начальник разведки обязан иметь наготове в с е данные о противнике до того, как они могут понадобиться, и никакая власть не может помешать ему представить их старшему по службе. Для составления информации начальник читает донесения многочисленных шпионов и секретных агентов, сравнивает эти донесения, анализирует с точки зрения здравого смысла и опыта и пытается выявить истину, отбрасывая ошибки и ложь, которые могут быть в каждом донесении.

В настоящее время лучшие разведывательные отделы отказываются покупать сведения,—это свидетельствует о стремлении разведывательных

органов получать более точные данные. Англичане, французы, итальянцы и американцы научены горьким опытом, они знают, что для того, чтобы быть уверенными в правильности информации, нужно добывать ее самим. Говорят, в Швейцарии во время мировой войны существовало нечто вроде биржи или рынка, где профессиональные шпионы продавали сведения о странах, которым они служили. Любой разведчик мог купить у них все, что его интересовало.

Большим источником получения сведений являются показания пленных и гражданского населения. Но все это требует тщательной проверки. Все вещи военнопленных и убитых должны внимательно осматриваться. Малейшая деталь может помочь в раскрытии намерений противника. Простая открытка, найденная у убитого артиллериста, предупредила о большом немецком наступлении на Шмэн де Дам в последнюю неделю марта 1918 г., хотя это предупреждение не было достаточно своевременным для того, чтобы французы могли подготовить решительный отпор. Два военнопленных, взятых при Диксмюде в октябре 1914 г., сообщили, что германский главный штаб сформировал запасные полки, номерованные от 201 до 270, и создал из них на западном фронте шесть новых корпусов, которые предполагалось бросить против слабого левого фланга союзников.

Разведка помогает вводить в заблуждение наблюдателей враждебной стороны. При Лоосе немцы использовали пустой поезд для того, чтобы убедить наблюдение противника в подвозе подкреплений. Однако часто повторять подобную

хитрость нельзя. Артиллерия противника будет уничтожать такие поезда.

Начальник разведки должен непрерывно следить за неприятельской артиллерией, знать число орудий, их расположение, калибры и быть в курсе питания боеприпасами. Постоянное введение новых типов оружия в период мировой войны (изумительная мортира Стокса, ручные гранаты, огнеметы, отравляющие вещества) заставляло офицеров разведки быть постоянно на-чеку и определять, следует ли принимать поступающую информацию за воображение разведчика или за изобретательский гений противника. До сражения при Камбрэ германская разведка получила от своих агентов во Франции несколько донесений о строящихся танках, но технические советники при штабах решили, что такие неуклюжие механические сооружения не могут принести пользу в бою. Говорят, один из этих консерваторов застрелился, когда узнал о действии танков. В более поздний период войны англичане были весьма смущены, узнав от своей разведки, что немцы подвезли на фронт более трехсот новых 6-дюймовых гаубиц, изготовленных в Англии и посланных в Россию для «наступления Керенского». Эти гаубицы были захвачены австро-германскими войсками, когда русская одиннадцатая армия осенью 1917 г. оставила фронт и практически перестала существовать.

Разведка должна располагать способными и преданными агентами. Было воскресенье 24 марта 1918 г., когда немецкая сверхдальнобойная пушка, самая крупная из всех «Больших Берт», начала обстрел Парижа. Бомбардировка города, не

объявленного на осадном положении, последовала за налетом бомбардировщиков и цеппелинов. В момент первой паники население города не поняло чуда, совершенного Крупном, и предполагало, что немцы, которые в это, время разгромили британский фронт от Баризиса до Гузокура, произвели новое ошеломляющее продвижение через центр фронта и подошли к Парижу. На самом деле пушка находилась вблизи Крепи ан Лаоннэ, на опушке леса Сен-Гобен, в 112 км от Парижа. Самолеты роями летали над этим районом, но так как немцы хорошо маскировали и часто переправляли с места на место свое чудовище, то только к ночи удалось определить местонахождение пушки. Весь район подвергся бомбардировке с самолетов и обстрелу французских батарей. Но разведка не могла надеяться на случайность, пришлось обратиться к местному населению. Масса народа вызвалась выполнить это задание. Из них по жребию выбрали четырех человек, которых ночью и переправили в тыл германского фронта между Да Фер и Анизи ле Шато. Через неделю трое добровольцев благополучно были доставлены обратно самолетом. Они привезли сведения, включая и киноплёнку с изображением пушки. Только один из них не вернулся.

Калибр, нарезка, порох, вес снаряда, заряд, угол возвышения—все данные, представляющие интерес для артиллеристов, были представлены добровольцами разведывательному отделу в Шантильи. Затем эти сведения отправили французским экспертам по артиллерии. Французские, британские и американские фирмы могли воссоздать это чудовище. Но зачем?

Немецкая пушка сильно поколебала моральное состояние французского гражданского населения, и это—единственный эффект, которого немцы добились «Большой Бертой». Эта пушка поразила французов н а один день. Разведка, добыв все данные этого орудия, снова доказала свою энергию и деятельность.

Когда говорят о мировой войне, то всегда вспоминают два примера отсутствия или провала военной разведки.

Первый—мощный англо-французский Средиземноморский флот под командованием британского адмирала до Робек бомбардировал укрепления Дарданелл. Сверхдредноут «Королева Елизавета» стрелял по полуострову, выпуская 15-дюймовые снаряды по фортам, по кораблям, которые перевозили войска в Мраморном море, и по сухопутным коммуникационным линиям. Действие этих снарядов было так разрушительно, что вся энергия немцев не могла поддержать мужества туров. Возможно, что еще один залп, и драгоценный пролив был бы открыт. Это обеспечило бы свободный проход в Черное море и проезд по незамерзающим морям в Россию, свободный подвоз боеприпасов, снаряжения и санитарного имущества и вывоз столь нужного хлеба из житницы Европы. Это предохранило бы также от галлиполийской резни и сохранило бы жизнь нескольким тысячам человек с обеих сторон в Месопотамии и Палестине и, по крайней мере, миллиону человек на русском и румынском фронтах, где из-за недостатка оружия сражения после 1915 г. были простым избиением. Но союзники не учли положения. Турецкое правительство, как потом узнали союзники от

американского посла Генри Моргентау, уверенное в захвате Константинополя эскадрой де Робека, бежало в панике в Малую Азию, погрузив официальные архивы на поезда, которые должны были отправиться в Анатолию. И в такую минуту союзники прекратили бомбардировку. Отсутствие разведан, которая своевременно бы оповестила о вероятном успехе, привело к тому, что морские силы союзников упустили все свои преимущества.

Другой пример—1917 год был годом бешеной пропаганды пораженчества во Франции. Моральное состояние войск страны, уставшей от войны, было очень подавленным. Боеспособность армии, которая год назад удерживала Верден под ураганным огнем противника, сильно пошатнулась. Несколько частей подняли мятеж, не желая идти на опасный сектор. Они повернули и отправились обратно по той же дороге, по которой пришли, а те части, которые они должны были сменить, не могли быть отправлены вторично на фронт. Итак, в течение целого дня чрезвычайно важный сектор фронта удерживала горсточка артиллеристов и саперов. Однако германская разведка не имела в этом секторе разведчиков, которые знали бы обо всем происходившем и своевременно осведомили бы германское командование. Решительная атака в этот день явилась бы самым легким достижением войны на западном фронте, но никакой атаки не было; французы срочно стягивали войска, чтобы закрыть брешь, а находящиеся в Килаистре немцы были слепы и не подозревали слабости французов.

Генерал Кокс из разведывательного отдела британских экспедиционных сил был весьма проницательным и информированным человеком. В

феврале и в начале марта 1918 г. он не только точно предсказал участок в Пикардии, где Людендорф собирался вести наступление, но и указал день этого наступления (20 или 21 марта). Он и его сотрудники почти точно рассчитали численность сил, посылавшихся Людендорфом и фон Гутьер против 17 дивизий Гауфа по фронту, протяжением свыше 64 км. Они сообщили, что из 60 немецких дивизий, которые будут наступать на этом фронте, 23 дивизии будут наступать непосредственно на Сен-Кантэн, где у Гауфа было всего лишь 4 дивизии. Однако, несмотря на столь определенное предупреждение, подкрепление не было послано. На рассвете 21 марта из тумана показались атакующие германские войска, а подкрепление пришло только 24-го, и то незначительное: оно состояло всего лишь из трех дивизий. По сравнению с этим грубым промахом, немногочисленные проступки разведки теряют всякое значение.

Мобилизация во Франции в первые три недели войны была очень плохо организована. По мнению некоторых немецких командиров, можно было использовать это обстоятельство и избежать нарушения бельгийского нейтралитета. Они считали, что в последнем случае Великобритания не приняла бы сразу же участия в войне и германский флот мог бы быть использован в качестве наступательного оружия против Франции и России.

Оборона Льежа была первым препятствием, не предусмотренным германским штабом. Естественно, разведке поставили в вину, что она показала не закрытую дверь, вместо того, чтобы показать открытое окно.

В один из периодов войны английские офицеры разведки получили инструкции не жалеть ни расходов, ни труда для получения чертежей и спецификаций нового самолета Фоккер, который только что был принят на вооружение -германских воздушных сил. Одного недовольного немецкого унтер-офицера, который уже прежде поддерживал с связь с одним британским: агентом в Бельгии, удалось убедить в том, чтобы он перелетел на своем Фоккере и приземлился в тылу британского фронта. Унтер-офицер с радостью принял задаток в сумме десяти фунтов и получил еще 50 фунтов после благополучной доставки самолета. Несомненно, самым сильным мотивом, выдвинутым британским агентом при уговоре унтер-офицера, было заявление о том, что лично для агента война будет благополучно закончена.

Многие дезертиры пытались обеспечить себе хороший прием, доставляя более или менее интересные сведения о планах своих командиров.

В 1917 г. несколько эльзасцев дезертировали и перешли к французам, предупреждая их о готовящейся атаке, в которой, по их расчетам, им не пришлось бы принимать участие. Офицеры разведки занялись этими людьми, так как трехлетняя борьба отнюдь не говорила о честности эльзасцев. Не хочет ли германское командование внушить французам мысль о готовящейся атаке?— думали французы. Но на этот раз разведка действовала слишком медленно. Предсказанная а т а к а началась точно в указанное время, и французские солдаты, которые, по всей вероятности, верили сведениям эльзасцев, были жестоко разбиты, вместо того, чтобы отразить

атаку, если бы подобное предупреждение было надлежащим образом использовано для подготовки.

За несколько лет до мировой войны «Берлинское страховое общество Виктория» имело «особое отделение» в Париже, при чем все служащие и агенты были прусскими офицерами запаса. Каждые шесть месяцев все служащие сменялись и возвращались в Берлин, но до возвращения каждый из них обязательно ездил на экскурсию по восточным департаментам республики. Все специалисты по страхованию проходили подготовку для работы в военной разведке. Война началась, а они уже были готовы.

Возможно, что сейчас настало время обвинять разведку и сказать, что немецкие генералы ринулись вперед потому, что слишком хорошо знали дорогу. Несколько лет тому назад один полковник читал лекции во Французской академии генерального штаба. Лекции привлекли внимание специалистов, так как лектор умело осмеивал немцев за их тактику в 1870 г. Позже этот лектор — Фердинанд Фош — показал себя мастером маневра, поэтому мы с большой уверенностью можем осуждать прусские методы ведения войны.

Но самое абсурдное и бессмысленное в немецкой армии — это конфликты между военной и морской разведывательными службами.

Каждая из них получала значительные суммы (не менее двенадцати миллионов марок), тем не менее, каждая завидовала месту другой в секретном бюджете. Какого рода трения происходили до августа 1914 г., — неизвестно, но когда наступил кризис, оба отдела разведки были как бы в состоянии «гражданской войны»,

соперничали друг с другом и относились один к другому с большей враждебностью, чем к противнику. Все сведения агентов военной разведки считались противоречивыми и не имеющими никакой ценности. Так утверждали офицеры морской разведки, но если в руки военных разведчиков попадали сведения морской разведки, они еще с большим остервенением поливали их грязью. Агенты и другие сотрудники, а также и разведка союзников использовали этот конфликт в своих интересах: первые грабили казну, а другие доставали нужные им сведения. В противоположность этому, в период войны разведки союзников сотрудничали дружно, что не всегда можно было отметить в отношениях гражданских или военных властей этих держав.

В коллектив профессионалов секретной службы вливалось множество добровольцев, что свидетельствует о том, что новичков принимали хорошо. Организация превосходной артиллерийской разведки—весьма важный вклад французов в общее дело. Цель этой организации—получение всех сведений, имевших отношение к артиллерии противника, при чем было использовано даже гражданское население, как мужчины, так и женщины, которые, благодаря длительному пребыванию вблизи фронта, научились по звуку определять немецкие батареи. Незадолго до заключения мира каждая из крупных союзных держав приступила к организации специальной артиллерийской разведывательной службы по образцу французской армии.

В Германии обычно жаловались на то, что никогда уже не будет такого разведчика, как

Вильгельм Штибер. Это означало, что наследники великого мастера разведки, несмотря на все свои данные, были только случайными его подражателями. В период войны в изолированном кабинете в Лондоне можно было встретить (но не иначе, как с его согласия) добродушного маленького человека, моряка, контрадмирала и начальника секретной службы, методы которого были скрытыми даже для ищейки Бисмарка. Сэр Реджинальд Холл был известен в королевском флоте как эксперт по вопросам артиллерии и как специалист в области взрывчатых веществ; этот офицер с исключительной находчивостью (что, в частности, проявилось в мастерском спасении одного корабля в 1911 г.) обладал огромным личным обаянием. Он превосходно владел иностранными языками и изучал вопросы мировой политики. В октябре 1914 г. он был назначен начальником морской разведки. Блестящий заговорщик и горячий патриот, без тени какихлибо личных расчетов, Холл вдохновлял своих подчиненных на множество странных и опасных предприятий. Его достижения заставляли многих беспристрастных наблюдателей признать отдел британской секретной службы самым действенным из всех отделов, оперировавших где бы то ни было в эпоху мировой войны. Холл всегда стремился найти наиболее действительные средства, чтобы выиграть войну. Американские морские офицеры, работавшие с ним, говорили с чувством глубокого уважения о взаимном сотрудничестве и товариществе в британской морской разведке.

Британский морской разведывательный отдел добился величайших достижений, благодаря

проникновению под воду человека, который заслуживает большего, чем беглое признание. Корабле-строитель Э. Ч. Миллер был очень способным водолазом: через год поело назначения его в 1914 г. инструктором водолазного дела при морском училище он получил задание спуститься к германской подлодке, незадолго до этого потопленной орудийным огнем у побережья Кента. Предполагаемое расположение потопленной подлодки было отмечено буйком. Миллеру поручалось добыть все возможные данные о конструкции и устройстве подлодки и установок на борту, о которых адмиралтейство не могло получить достаточно, сведений от своих агентов при германских морских базах. С риском запутать воздухопроводы Миллер пролез в отверстие, пробитое снарядом в корпусе подлодки, и тщательно обследовал ее внутреннюю часть. Миллер был не только моржом, который исполнял свой долг, он был и великим предприимчивым водолазом. Он проложил себе путь к помещению офицеров в кормовой части и в сейфе нашел весьма драгоценный металлический ящик, в котором оказались планы новых минных полей, две книги германских морских кодов и секретный код для сношений с имперским морским флотом.

Таким образом началась таинственная работа морского разведывательного отдела в Лондоне, в которой знаменитая «комната 40» сыграла важную роль. Первоначальный успех Миллера был неожиданностью, а затем его чрезвычайная ловкость, смелость и способность противостоять давлению на больших глубинах использовались, насколько это было возможно. Была создана особая

организация, которая доставляла его, воздушные насосы и остальное снаряжение в любое место на британском побережье, где затонула какая-либо германская подлодка. Подлодки терпели крушение и исчезали навсегда для всех, кроме Миллера. Он мчался на место, где корабль-победитель оставлял буюк,, и, если только позволяла погода, спускался на дно. Ему часто приходилось пользоваться разрывными снарядами, чтобы проникнуть внутрь, но он всегда проникал в подлодку, несмотря на опасность, и появлялся затем на поверхности с новым металлическим ящиком, содержащим новые коды и планы противника.

Со временем он так же хорошо узнал внутреннее устройство и все приспособления на немецких подлодках, как любой немецкий инженер. До ноября 1918 г. более 60 подлодок легло на морское дно, и, за исключением очень немногих, все они были исследованы Миллером. Командующие германским флотом постоянно меняли расположение минных полей, секретные коды и специальные Приказы, но британская разведка быстро узнавала о всех этих изменениях.

В некоторых случаях в адмиралтейство в течение 24 часов поступало до 2 тыс. перехваченных сообщений. Все немецкие коды и шифры быстро прочитывались, хотя в первое время каждый из этих документов являлся полной загадкой. Англичане утверждают, что они за день до сражения при Доггер Банк знали о выступлении немецких сил, их численность и направление движения и знали также о подготовке к Ютландскому сражению благодаря перехваченным и расшифрованным радиоприказам. Однако один

весьма компетентный эксперт считает, что британская морская разведка была захвачена врасплох Ютландским боем, так как ни перехваченные сообщения, ни донесения агентов из Куксгафена не были своевременно учтены. Может быть это и верно, но сотни других сообщений, расшифрованных в «комнате 40», — сообщения о курсирующих подлодках, о готовящихся к налету цеппелинах, затем кодированные приказы по флоту, инструкции министерства иностранных дел послам в нейтральных странах—бесспорно были использованы в интересах союзников. Из «комнаты 40 » вышла губительная телеграмма Циммермана немецкому послу в Мексике фон Экгардту, история которой описана в одном из знаменитых писем посла Уольтера Хайис Пэдж.

Президент Вильсон все еще держал нейтралитет; он понимал, что страна стоит на пороге войны, но не хотел итти по пути, противоречащему всем его идеалам. Циммерман желал заварить кашу в Новом Свете, чтобы избежать вмешательства Америки в европейские дела. Его телеграмма фон Экгардту содержала предложение о союзе с Мексикой против Соединенных Штатов и о содружестве с Японией; приманкой для Мексики должен был служить захват и анексия территории в юго-западной части США. Это предложение было целиком фантастическим, однако, оно послужило решительным толчком, который заставил американское правительство вступить в войну.

Широкой публике осталась неизвестной роль, сыгранная сэром Реджинальдом Холл. Телеграмма

Циммермана была перехвачена агентами британской морской разведки и расшифрована подчиненными Холла. Но, в целях облегчения дальнейшего наблюдения, начальник морской разведки направил разгневанных немецких чиновников по ложному следу. Он предложил нескольким лондонским журналистам, статьи которых могли попасть в Германию через Голландию, Данию или Швейцарию, обвинить его в том, что морской отдел оказался неспособным перехватить это важное сообщение на пути к фон Эгардту, в то время как американские секретные агенты в Мексике с легкостью выкрали этот документ.

Развитие современной системы разведки

Военный шпионаж был особо рискованным родом разведки. Разведка была почетным занятием до того, как война приняла огромный размах, который потребовал мобилизации целых народов. Даже маршалы переодевались и шли в разведку (например, маршал Нею). Великий французский маршал Катина гордился тем, что однажды переоделся в грязные лохмотья угольщика, чтобы проникнуть в Аррас, осажденный его армией. Й английский король Альфред был не менее «великим», потому что он, переодетый, тайно посетил лагерь датчан, чтобы оценить опасность, грозившую его западному саксонскому королевству.

В эпоху рыцарства разведка считалась постыдным занятием, и в течение некоторого времени командующие армиями отказывались

пользоваться ее услугами. В это время виры подвергались повешению за обыкновенное воровство, а профессиональный шпион пользовался известными привилегиями. Робинзон, военный разведчик, уличенный в Лондоне в 1757 г., просидел в заключении в Тауэре всего шесть месяцев, а затем был освобожден. Вскоре после этого некий доктор Хэнси, судимый в июне 1758 г., был неожиданно приговорен к повешению. На суде он спросил: можно ли обращаться с разведчиком так же, как с обыкновенным жуликом? (Колэн. «Война маршала саксонского»).

Мы не имеем сведений, была ли совершена казнь над Хэнси, но возможность ее возбудила большие волнения в кругах тайных агентов. Смертная казнь была грозным новшеством, и она отпугнула многих агентов, работавших в Англии для Людовика XV. Фридрих Великий приблизительно в то же время положил конец разведке, как веселой авантюре. Фридрих отличался врожденным талантом полководца, и это яснее всего выразилось в использовании разведчиков. Его считают отцом организованной военной разведки, а матерью разведки была сама необходимость.

Вначале Фридрих мечтал о лаврах Вольтера. Его памфлеты распространялись по всей Европе. Фридрих, известный всем как «похититель земель», прибавил к списку своих «преступлений» дурные манеры и цинизм. В весьма влиятельных будуарах обсуждался вопрос о том, как осадить выскочку. Вскоре Фридрих понял, что Россия и Франция объединяются с Австрией и что Саксония и Швеция последуют тому же примеру.

Вместо того, чтобы заниматься философией и памфлетами, Фридрих должен был стать великим полководцем своего времени, иначе этот союз раздавил бы его. Ему следовало учесть обстановку своего маленького, бедного королевства и хорошо узнать военную силу противников. Он однажды уже победил Австрию, но для того, чтобы победить и эти страны, он должен был быть в курсе всех их намерений. Поэтому Фридрих организовал секретную службу таким образом, чтобы строить свои планы на основе обширной и фактической информации. Его секретная служба явилась самым крупным военным новшеством того времени, причем его методы секретной войны остались действительными через полтора в е к а без перемен во всех других областях военного дела. Фридрих содержал сотни разведчиков и лично проверял и сравнивал их донесения. Он делил своих агентов на четыре категории: 1) обычные шпионы, набранные среди бедняков, довольных возможностью заработать незначительные суммы или оказать услугу военному; 2) двойники, ненадежные ренегаты и вульгарные осведомители, пригодные главным образом для распространения ложных сведений у противника; 3) высокопоставленные люди, придворные и дворяне, штабные офицеры и заговорщики, постоянно требовавшие крупные суммы или привилегии, и 4) лица, которые вынуждены стать разведчиками против своего желанья. Энергичный прусский король не только классифицировал агентов, но и выработал правила для вербовки и использования секретных агентов всех категорий.

Фридрих не учел разведчика-патриота. Он был реалист, циник и абсолютный монарх. Правители государств в его время редко соприкасались с подлинным патриотизмом. Французская революция, еще не воспламенила Европу националистическим энтузиазмом. Угрозы и подкупы, обещания продвижения и выгод—вот те средства, которыми пользовался Фридрих.

Такие политики, как Гроциус и Маккиавелли, писали в защиту использования шпионов. Но в наши дни сэр Роберт Баден-Пауэлл скомпрометировал себя книгой «Мои приключения, как разведчика». Наполеон, располагавший тщательно организованной и дорогой секретной полицейской службой, часто повторял: «Шпион—прирожденный предатель». Он полагался главным образом на подкуп и угрозы.

Таким образом, в систематизации разведки не было никаких нововведений до тех пор, пока не явился другой пруссак—Штибер, великий мастер разведки при Бисмарке. В 1870 г. был большой подъем военной разведки, при чем. агенты кишели всюду и вели себя так, как никогда до сих пор не вели. Первые опыты Штибера относятся к периоду до 1866 г., когда он организовал в Австрии разведку, результаты которой не имели себе равных в истории. Его образцом был не Фридрих, а Моисей. Когда этот великий пророк послал 12 сородичей, чтобы посмотреть страшу, он не ограничил их заданием чисто топографического характера. После обычного совещания с Иеговой он был готов дать точные указания для агрессивной секретной службы. Когда Мольтке напал на Мак-Магона и перешел через Рейн, северная часть

Франции, в которую он вторгся, кишела прусскими разведчиками. Штибер имел 36 тыс. агентов на пространстве от Страсбурга до Сены.

Библейский вождь велел своим сородичам подняться на гору, посмотреть страну и живших в этой стране людей, определить: много их или мало, сильны они или слабы, какова у них земля, какие у них города, где живут они—в палатках или в домах. Далее он посоветовал им узнать, плодородна ли земля и какие леса в этой стране. И батальоны, посланные Штибером на территорию Наполеона III, собирали, начиная с 1868 г., именно такие сведения. Каждый шаг пути на Париж был занесен на карту и проверен в масштабе, словно военное наступление—точная наука, подобно астрономии или математике. Французская контрразведка была чрезвычайно слаба и не могла ничего поделывать с 36 тыс. резидентов или туристов, занятых оптовой изменой. Деятельность такого количества разведчиков должна быть ощутима. Они видели все и, подобно пылесосу, всасывали в себя все, что нужно было Штиберу.

Непревзойденная быстрота, с которой прусские армии двигалась к Парижу в кампании 1870 г., в значительной мере приписывается штиберовской подготовке в зонах вторжения. Мысль об этом успехе господствовала над всеми секретными службами Европы и проектами разведки в течение последующих сорока лет. Те из них, которые не собирались подражать Штиберу, должны были все же составлять планы для отражения подобной опасности. Все это привело к созданию специальных школ—единственное новшество военной секретной школы за десятилетия,

протекшие от триумфов Штибера до начала мировой войны. Как бы привлекательным ни казалось подобное учреждение, разведывательная школа является только второстепенной академией генштаба, где способности к разведывательному делу могут культивироваться такой технической подготовкой, которая направит деятельность будущего разведчика в области, имеющей непосредственное значение. До войны немецкие разведывательные школы пользовались некоторой славой в Европе. Преподаватели были, несомненно, очень хорошие и весьма требовательные, но все-таки были случаи, когда немецкие агенты, окончившие эту школу до мировой войны, заключались в крепости за допущенные ими ошибки.

Союзники в период войны разработали ряд дисциплинарных взысканий, которые налагались на проступки в секретной службе. Разведывательный механизм Штибера потерял равновесие сразу же, когда столкнулся с бдительным противником. Когда Брюссель был только-что занят, немецкие офицеры, приезжая по железной дороге, без малейшего колебания давали извозчикам адреса помещений, предназначенных в бельгийской столице для офицеров. Это походило на превосходно организованную веселую поездку. В то же время это был штиберовский трюк секретной готовности, но он был уже почти последним в этих зловещих и угрожающих продвижениях.

Несчастье германской службы заключалось в том, что ее руководители не умели быстро ориентироваться в новых условиях, в которых она оказалась после франко-прусской войны.

Германская служба делилась на армейскую разведку, морскую разведку и индивидуальный корпус. Первая работала под руководством главного штаба, который, но слухам, желал руководить и второй. Министерство иностранных дел ведало третьей организацией, руководя ею под непосредственным наблюдением императора. Разведывательные школы были соединены главным образом с двумя первыми отделами секретной службы, и классы комплектовались и руководились не более секретно, чем многие другие отделы военного ведомства. Начальники секретной службы сами преподавали в этих школах и подробно обсуждали различные хитроумные операции. Военные инженеры главного штаба читали лекция по фортификации, тригонометрии, топографии и черчению.

Разведчик должен уметь правильно определять высоту, углы, расстояние и рельеф местности. Одним словом, он должен стать наблюдателем, при чем в наблюдении он полагается только на свое зрение и интуицию. Известно, что один секретный агент, работавший в Великобритании до лета 1914 г., путем измерения расстояний шагами и случайного наблюдения углов и последующей триангуляции, рассчитал с точностью до ярдов и футов размер большого и важного моста на севере. Не вызывая никакого подозрения у местных жителей, он даже определил, сколько человек может быть расположено поблизости от этого сооружения; он изучил основание моста, геологическую породу его быков и определил количество динамита, которое, по его мнению,

требовалось для «капитального ремонта» в случае войны между Германией и Британией.

Во время мировой войны подготовка в немецких школах разведчиков, повидимому, велась наспех, небрежно и не в немецком духе. До войны подготовка шла так, что в течение шести—восьми месяцев школы выпускали агентов, образование которых, по мнению осведомленных и беспристрастных лиц, не уступало образованию, даваемому многими технологическими институтами. Однако »следует учесть ту истину, что интенсивное изучение технологии противно природе талантливому разведчику. Прирожденные мастера т и на Штибера—Шульмейстера никогда не захотят посещать школу. Возможно, что именно этим объясняется активность германских агентов в условиях мирного времени и их полный провал в условиях мировой войны. Следует также отметить, что руководители германской службы, несмотря на доверие к своим школам, до войны постоянно имели дело с рядом темных личностей, занимавшихся изучением крепостей и продажей полученных сведений тому, кто за них больше даст.

Оставляя в стороне освященную временем фридриховскую классификацию военных разведчиков, следует заметить, что современный разведчик, независимо от своего значения и характера, известен своим начальникам только по роду своей работы. Разведчик может быть резидентом, сидя н а одном месте и выжидая благоприятного момента, или же разъезжая по стране с целью проникнуть в ее тайны. Работа последнего может быть чрезвычайно полезной в мирное время и иногда давать весьма эффективные

результаты во время войны. Разъезжая по стране, разведчик-резидент менее подозрителен и дает более точные сведения, так как он сообщает только о том, что видел собственными глазами. Любитель, профессионал, патриот, ренегат, наемник—все могут быть бдительными, правдивыми и осмотрительными в выборе средств связи: каждый из них может избежать неосторожных поступков, а большего ни один начальник разведет от них не потребует. Резидента гораздо труднее обнаружить, и обычно противник находит его путем выслеживания разведчиков-носильных или сборщиков донесений, которые называются иногда «почтовыми ящиками». Иногда резидент сам выдает себя какой-нибудь фантастической попыткой непосредственной посылки донесений.

Отдельные агенты германской службы были объединены в одну организацию и после объявления войны каждый агент, обнаруженный контрразведкой противника, увлекал за собой ряд других агентов. Контрразведка обнаружила несостоятельность большей части новшеств, введенных Штибером и его кликой в систему Фридриха Великого. Современная секретная служба провозгласила, что легионы, когорты и даже небольшие группы разведчиков, оперирующих вместе, представляют собой большую опасность, чем то же количество агентов, руководимых порознь и работающих отдельно друг от друга. Военные специалисты, которые любят подчеркивать, что подготовка и дисциплина превращают толпу людей в дисциплинированную армию, естественно, не могли согласиться с мыслью, что для разведчика неблагоприятны те

условия, которые благоприятны для солдата. В начале мировой войны руководителям разведывательных отделов, работавшим по системе Штибера, пришлось через собственный опыт прийти к отрицанию признанных систем и правил в первые же недели войны.

Через месяц после объявления войны лондонская контрразведка познакомилась с неким Карлом Густавом Эрнстом, парикмахером, который юридически был британским подданным, так как родился в Англии. В течение 16 лет этот человек жил в одном и том же доме на Каледониан Роуд и, по всей вероятности, в течение всего этого времени получал почту, как «почтовый ящик» германской разведывательной службы в Великобритании. Как по том стало известно, его жалование составляло всего один фунт стерлингов в месяц, но если это кажется незначительным, так и риск тоже был невелик, а стараний и того меньше. Письма с инструкциями для агентов приходили к нему пачками из германского разведывательного центра в Шарлоттенбурге. На всех конвертах были наклеены английские марки, и Эрнсту оставалось только бросить их в ближайший почтовый ящик. Все ответы, приходившие к нему, он отправлял своим немецким хозяевам. Таким образом, его деятельность была столь случайной и обыденной, что он ничем не мог себя выдать. За исключением имен и адресов (последние менялись очень редко), он знал очень мало или даже ничего не знал о центробежной силе, функционирование которой он обеспечивал.

Немцы считают, а англичане не пытаются оспаривать, что провал Эрнста, этого типичного

«почтового ящика», был результатом работы одного английского агента, проникшего в тайны разведывательного центра в Германии. Скромный, никому неизвестный парикмахер вел переписку с двадцатью двумя корреспондентами, при чем все они были немцами, тщательно рассеянными по различным морским и военным центрам Британии. Один из них уехал 4 августа 1914 г. и, таким образом, случайно или благодаря предчувствию избежал провала. Сам Эрнст не имел никаких оснований поднимать тревогу и не имел возможности спастись. Он был арестован 5 августа с бритвой в руке; 21 агент, оставшиеся для наблюдения за подготовкой Англии к войне, были в тот же день взяты под стражу.

Эрнста осудили на семь лет каторжных работ. Остальных, как немецких подданных, только интернировали до конца войны. Это достижение контрразведки превзошло все известные к этому времени случаи расстройств планов разведки. Германская разведывательная служба была ослеплена одним ударом: завеса, более плотная, чем любой лондонский туман, окутала Британию сразу же после объявления войны. Прусский генерал фон Клуз говорил о том, как он был удивлен, когда авангард его первой армии неожиданно встретился с британскими регулярными войсками. Английская контрразведка скрыла экспедиционные силы от своего ближайшего противника. И если бы британская постоянная армия была так же велика, как силы фон Клука, то он был бы настолько поражен, что это чувствовалось бы от Монса до Танненберга.

После первых провалов немецкие руководители разведки перестали верить в непогрешимость своей организации и стали презирать и нередко обвинять себя. Говорилось, что важные разведывательные задания слишком часто давались некультурным и глупым лицам. Эрнст—парикмахер и иностранец по рождению—провалил в Англии все с самого начала.

Германская секретная служба оказалась несостоятельной не из-за недостатка голубой крови: ее неудачи могут быть отнесены па счет устарелой стратегии. Гелий, подобный Штиберу, учел бы изменения и постарался бы не плестись в хвосте. Однако, отдавая справедливость Штейнхауеру и его коллегам, руководившим германской разведкой в 1914 г. , следует заметить, что главные провалы происходили п е я а европейском контингенте. Великобритания, Северная Америка и Восток были твердыми орехами, сопротивлявшимися всяческому давлению, а Штибер не оставил указаний, как проникнуть к противнику, не имеющему сухопутных границ.

Как только в Шарлоттенбургском центре поняли значение провала в Британии, сразу же принялись за работу—необходимо было заменить Эрнста и двадцать одного агента. Центр обращался з а советом к различным крупным агентам в Голландии, Швеции и Дании. Германская разведка требовала принятия решительных мер, но события последующих месяцев отправили новую партию агентов в тюрьмы и в Тауэр па расстрел. Осенью 1914 г. около четверти миллиона бельгийских беженцев прибыло в Англию на миноносцах, пароходах, буксирах и весельных лорах. Это массовое движение прикрывало проникновение

значительного числа шпионов, так как британские власти не могли подвергать всех прибывающих строгому опросу. Один агент из этой партии был настолько дерзок, что сделал выговор английской береговой страже за то, что его слишком быстро пропустили, и напомнил ей, что во время войны следует относиться с подозрением ко всем иностранцам.

Немецкие агенты, проникшие в Англию с бельгийцами, не оправдали надежд, которые возлагали на них руководители разведки. Им не удалось возобновить работу Эрнста и интернированных корреспондентов.

Первым из них был незадачливый патриот Карл Ганс Лоди. Лоди был старшим лейтенантом заката германского флота и хорошо знал Англию, так как прежде служил гидом в обществе «Гамбург—Америка—Лайон». Он жил некоторое время в Америке и, владея языком с американским акцентом, выдавал себя за американца. Большая часть арестованных ничего не знала об особенностях английской речи и поплатилась за это. Лоди лее пострадал за усердие и излишнее старание скрыть свои следы. После того как в Германии стало известно о его провале, чиновники секретной службы упоминали о нем только для того, чтобы его осуждать, и утверждали, что он сделал ряд промахов и вызвал подозрение и бдительность по отношению к разъездным агентам, что привело к обнаружению и смерти других агентов.

В первой половине сентября 1914 г. Лоди появился в Эдинбурге с паспортом на имя американца Чарльза Э. Инглисс. Настоящий Инглисс был недавно в Берлине и хлопотал о визе. Ему

пришлось некоторое время подождать, потому что министерство иностранных дел необъяснимым образом «потеряло» его документ, по которому Лоди затем был арестован в Шотландии. Инглиссу с обычными извинениями был вручен другой паспорт по требованию американского посольства. В это время Лоди послал телеграмму в Стокгольм, незаметно перебрался из гостиницы на частную квартиру и, взяв на прокат велосипед, начал изучать окрестности. Он задавал слишком много вопросов, обнаруживая подозрительный интерес к гавани в Розите, и проявлял знание морских дел, не имеющее ничего общего со знаниями обычного туриста. Лоди был взят под подозрение после первой же своей телеграммы. Он адресовал ее на имя Адольфа Бухард в Стокгольм и необдуманно пытался представить себя человеком, питающим враждебные чувства к Германии. Но цензура не так легковерна. Если кто-либо пишет слишком преднамеренно, то она, в свою очередь, дарит его особым вниманием. Агенты, следившие за Лоди, начали проверять его неумелую хитрость с помощью почты, его письма задерживались для химической обработки. Ясно, что на положении Лоди ни один подданный нейтральной державы и ни один американец не стал бы тратить деньги на телеграмму, чтобы выразить свою радость другому подданному нейтральной державы по поводу немецких неудач.

Лоди не пользовался кодом, хитростью или какой-либо другой формой секретных сообщений. Он приехал в Лондон, остановился в маленькой гостинице и изучал сооружения противовоздушной обороны, затем вернулся в Эдинбург, а оттуда

поехал в Ливерпуль, чтобы посмотреть на океанские пароходы, переоборудованные во вспомогательные крейсера. Лоди послал Бухарду пять писем, из которых только одно дошло до Швеции. В этом письме Лоди подтверждал нелепые слухи о русской армии, высадившейся в Шотландии и транспортируемой оттуда в Францию для операций на Эне. Из Ливерпуля он направился в Холихед, Дублин и Килларией, оттуда — к морской базе при Квинетоун. Но его последнее письмо к Бухарду являлось достаточной уликой, и он по требованию Скотланд Ярда был задержан ирландской полицией. Четыре недели спустя, 30 октября, Лоди предстал перед военным судом в Лондоне.

В его вещах, кроме фальшивого паспорта, нашли записную книжку с заметками по морским вопросам и с адресами в Берлине, Гамбурге и Стокгольме. Копии четырех писем, отправленных Бухарду, тоже были в этой книжке. Он не защищался и держал себя как человек, который выполнял свой долг, не стыдясь этого и не боясь последствий.

После смерти Лоди в Великобританию был направлен поток агентов главным образом из разведывательных школ в Антверпене и Везеле. Задолго до 1914 г. германская разведывательная служба собрала все сведения о потенциальных военных силах Франции и России. Поэтому разведка в этих странах могла ограничиться обычным наблюдением за передвижением войск, численностью и моральным состоянием полков и дивизий, за производством и погрузкой огнеприпасов. Но в Британии велась подготовка

большой добровольческой армии, рабочие продолжали волноваться, в Ирландии происходило брожение, и британский флот, не одолимый в бою, стягивал свою блокаду, которая должна была стать арканом на шее Германии, независимо от побед на континенте. Агенты-резиденты могли выполнить задачи, поставленные им во Франции и России. Большое число подобных агентов оставалось в этих странах, при чем многие из них остались необнаруженными и время от времени оказывали серьезные услуги своим центрам. Англия же не только убрала всех агентов, насажденных до объявления войны и поддерживавших связь с Германией через парикмахера Эрнста, но и держала в своих руках большую часть секретов, терзавших Штейнхауера и его коллег.

В течение пятнадцати дней (май—июнь 1915 г.) было обнаружено и арестовано семь агентов. Ни один из этих агентов не был простым любителем работы в чрезвычайно опасной области, никто из них не был без предварительной подготовки. Каждый из семи этих агентов получил известную подготовку, хотя их учителями были люди, имевшие лишь чисто теоретические познания, так как Германия при их жизни не вела никаких войн. Учителя могли только рассказывать разницу между шпионажем в мирное время, при отсутствии контрразведки, и разведкой в эпоху, когда народы ведут смертельную борьбу и располагают молодой, но бдительной контрразведкой, совершенствующейся изо дня в день. Эта разница была весьма ощутима. Из семи агентов, захваченных за эти две недели, ни одному не удалось добыть сколько-нибудь ценных сведений.

Ни один из них не прибыл в Англию с выгодными рекомендациями или большим опытом в секретной службе или врожденной способностью к преодолению всевозможных препятствий.

Разведчик и его деятельность

Умные и толковые разведчики редко проваливаются, а лучшие из них даже не возбуждают подозрения. Этим определяется искусство шпионажа, которое в основном сводится к трем моментам: 1) узнать местонахождение самых ценных документов, 2) добыть их, оставаясь необнаруженным, и быстро передать начальнику все, что удалось получить, и 3) оставить противника в неведении относительно того, что его планы известны.

Если второе или третье из этих условий нарушено, то все рухнуло—агент провалился как у себя на родине, так и за границей.

Определить местонахождение ценных документов менее трудно, чем это кажется, особенно в случае войны, когда самые обыкновенные вещи могут иметь значение для штаба противника. Более того, многие агенты получают точную инструкцию, какие сведения добывать, где их добывать и т. д. После этого работа по добыче сведений но является большим подвигом. Любой секретный агент может это выполнить. Передать сведения после того, как они добыты, гораздо труднее и опаснее. Разведчик-любитель, возбужденный своим кажущимся успехом в получении секретных сведений, воображает, что

его задание почти выполнено. Осторожный профессионал знает, что самая большая опасность впереди. В условиях современной цензуры и контрразведки агент, несмотря на ряд хитроумных изобретений и химических нововведений, становится чрезвычайно уязвимым в тот момент, когда он пытается сообщить свои наблюдения или открытия.

На проблему передачи сообщений во время войны было затрачено столько внимания, что о третьем условии—скрыть от противника факт знакомства с его тайнами—вспомнили гораздо позднее. Разведчики иногда помнили об этом, иногда пренебрегали—в зависимости от обстоятельств. Следует помнить, что разведчик, который ничем не пренебрегает, превзойдет остальных и переживет их.

После заключения мира один французский секретный агент объявил, что он неоднократно бывал в немецком разведывательном центре майора фон Бюлова в пригороде столицы Швейцарии. Это была настоящая крепость, центр, руководивший большей частью разведчиков, которые работали в тылу французских армий центра и правого фланга. Чтобы убедить бывших противников в правдивости своих слов, агент смело описал главное помещение разведки: люк под ковром и половицами со звонками, которые поднимали тревогу, когда па них наступали, кресла и даже ключи, намеренно оставленные в замках и соединенные с проводами высокого напряжения. Независимо от того, как он проник впервые в это тайное убежище (благодаря подкупу или собственной смелости), его осторожность и осведомленность позволяли ему

повторять эти посещения. Агент добился этого только потому, что вся его деятельность разведчика ее оставляла следов.

Известно также, что один германский агент в течение многих месяцев служил при французском военном суде в качестве переводчика на процессах лиц, обвиняемых в шпионаже. Этот человек хладнокровно и с актерским самообладанием присутствовал при осуждении своих коллег, но никогда не проявлял по отношению к ним какихлибо чувств. Его задача, как агента, заключалась в донесении своему начальнику о том, каким образом французы обнаруживают и судят разведчиков, что имело громадное значение для начальников, которые подготавливают и посылают новых агентов.

Разведчики, подобные этому переводчику, представляют собой редкие и особенно опасные типы, добывающиеся большой власти. В штабе кронпринца баварского находился высоко всеми ценимый молодой майор, его неутомимое усердие в работе вызывало всеобщее удивление. Этот уважаемый всеми помощник принца Рупрехта был на самом деле англичанин. Он имел связь с британским разведывательным отделом, который послал его в Германию до войны, подобно Тренгу, Брендону и множеству других искателей приключений. Случайные обстоятельства вознесли его на высокий пост, и он, благодаря своей ловкости и уму, был на этом посту до перемирия; после этого он переменял, наконец, свой мундир и участвовал в переговорах по вопросам мира. Его ценность, как агента, за время службы майором в баварском штабе может оцениваться только

предположительно. Возможно, что вся его работа, главным образом, заключалась в организации постоянной секретной связи, что являлось все более и более трудной задачей по мере того, как росло доверие принца к нему. Завистливые товарищи и подчиненные могли следить за ним более тщательно, чем детективы¹. Все же предполагается, что он совершил нечто из ряда вон выходящее, потому что военное министерство в Лондоне отказалось сообщить о его действиях.

Назначения или выдвижения, как в данном случае или в случае с переводчиком, естественно, редки. Теперь существуют офицеры контрразведки, чтобы пресекать это зло. Но обезопасить себя против агента, постоянно живущего в стране и одаренного настойчивостью и умом, немислимо. Таким секретным агентом был Карл Зиберт. Он всю жизнь прожил в России и сорок с лишним лет, но приказу министра внутренних дел, занимал в Киеве пост секретного почтового цензора. На этом основании ему было разрешено вскрывать почту, адресованную начальнику императорского штаба ген. Алексееву, изучать письма, посылаемые Брусиловой, женой командующего армией, жене ген. Троцкого, командующего Киевским округом, при чем он даже читал официальную корреспонденцию военного министра и графа Георгия Бобринского, русского губернатора оккупированной австрийской территории в Галиции. Зиберт попался только случайно.

Большой опыт делал Зиберта драгоценным агентом для всякого начальника разведки. Однако

¹ Агент сыскной полиции в Англии и США.

агенты, не имевшие официальных постов, превосходили его по скорости проникновения в военные дела. В настоящее время стало известным, что один агент работал, на железной дороге и сообщал в течение первых двух месяцев мировой войны германскому штабу в Восточной Пруссии русский полевой шифр. Зная этот шифр, немецкое командование могло сразу же переводить все радиосообщения, которыми обменивались русские во время вторжения в Восточную Пруссию. Весьма вероятно, что агент, доставивший шифр, получил за свою работу только несколько сот рублей, но слава фон Гинденбурга стала оплотом немецкого народа и поддерживала его дух многие годы. Зато русские потерпели жестокое поражение: шесть корпусов было уничтожено, десятки тысяч человек были взяты в плен или погибли в озерах.

Список великих разведчиков будет неполным, если мы не включим в него имя полковника Лоуренса. Признанный гений, с большими познаниями Лоуренс показал, во время кампании в Малой Азии, что в качестве разведчика может в любой момент проникнуть через турецко-германский фронт. Он так мастерски переодевался, что его в Дамаске приняли за турецкого дезертира и в порядке «дисциплинарного взыскания» избили до потери сознания. Он всегда имел точные сведения о силах противника, результаты его разведки имели неоценимое значение для генерала Алленби в период кампании в Палестине. Лоуренс так живо и толково описал свою работу в разведке и других областях волевого дела, что мы лучше отошлем читателя к его собственной знаменитой книге.

Что касается разведчиков-любителей, то чемпионом мировой войны следует признать одного бельгийца, служившего в момент оккупации на сталелитейных заводах в Льеже. Благодаря отваге и работе этого патриота, союзники получали сведения обо всех немецких воинских поездах, проходивших через Льеж до 22 августа; после этого числа ему уже не с кем было посылать сообщения, которые он раньше посылал с беженцами, направлявшимися в Англию. В течение многих дней он скрывался в дренажной трубе, под насыпью, наблюдая за поездами и считая вагоны по мере того, как они проезжали над его головой. Он даже был в состоя, кии отмечать артиллерию и другие специальные части оккупационных войск. Если бы он получил специальную подготовку для секретной службы, он не мог бы поступить с большим пониманием, дела, при чем все получаемые им сведения он своевременно доставлял англичанам.

То обстоятельство, что значительная часть военной разведки была во время мировой войны возложена на гражданское население, объясняется тем, что военные были слишком осторожны пли пренебрегали работой в тылу противника. Гражданское население, живущее в зоне, в которой происходит вооруженное столкновение (при Армантьере, например, некоторые семьи жили на расстоянии менее 750 м от окопов), помимо своей воли, рекрутируется для секретной военной службы. Разведка представляет собой такую же трудную профессию, как игра на сцене или писание пьес—поприще, на котором почти каждый чувствует себя призванным быть великим. В то же время контрразведка, т. е. уличение разведчиков

противника, является страстью миллионов людей. Однако есть люди, которые ради выгоды продают сведения. Сейчас же после объявления войны эти люди (чаще всего граждане нейтральных стран) и всевозможные ренегаты, бывшие преступники и мошенники спешат к тому, кто даст наивысшую цену. Если бы не военный суд и расстрел, громадные стаи этих шакалов Сновали бы по всему театру военных действий. И странно, судьба, ожидающая их при провале, не останавливает этих продажных наблюдателей. После того, как кто-нибудь из этой шайки провалится, будет судим и расстрелян, они исчезают или переходят в другой лагерь. Поэтому-то во время войны обе воюющие стороны и оповещали о расстрелах разведчиков.

Работа разведчика или контрразведчика, ее значение и риск создают из профессиональных секретных агентов как бы особую касту. Они не всегда таинственны, как в романах. Им приходится выполнять гораздо больше скучной, повседневной работы, чем кажется тем, кто смотрит на их деятельность с романтической точки зрения. Они могут быть патриотами, пользоваться в своей личной жизни репутацией честного человека, жизнь их будет относительно скучной, спокойной и прозаичной. Они даже могут быть чужды т а к называемому духу приключений, и самое лучшее для них—это отсутствие склонности драматизировать свою профессию. Но они—искатели приключений, и их профессия требует любопытного сочетания свойств, непохожих на те, которые требуются солдату или исследователю, наемному вояке, спекулянту, контрабандисту или какому-либо другому нарушителю закона. Каждый

профессиональный разведчик должен быть одаренным лингвистом, способным свободно говорить на нужных ему языках верным акцентом или без всякого акцента, в зависимости от характера принятой им на себя роли.

Помимо знания языков и технического знакомства с военными вопросами, что может дать школа, секретный агент должен обладать такими врожденными свойствами, как отвага, выдержка, спокойствие, воображение и т. д. Существует несколько основных правил поведения, которые должны быть известны каждому профессиональному разведчику, и он должен верить в справедливость и в необходимость этих правил.

Некоторые разведчики пугались в первый же момент и быстро признавались во всем. Немало их трусливо настаивало на том, что они «только изучали упадок морального состояния противника». Разведчики-патриоты позволяли себе проявлять свой пылкий патриотизм, услышав сообщение о победе своей армии, или, что еще хуже, пытались выразить радость по поводу поражения своих, которое на самом деле огорчало их и уязвляло их гордость. Однако они, очевидно, умышленно пренебрегали фактами и информировали о слухах, не оговаривая, как это должен делать разведчик, что это только слухи. Немецкие разведчики постоянно занимались пропагандой и диверсией; и то и другое—военные действия, но заниматься этим должны специальные агенты, провал которых не подверг бы опасности других разведчиков и не нарушил бы системы разведки, которая после

провала может быть налажена вновь только с большим трудом.

Со времен Штибера существовала доктрина об индивидуальной заслуге и общественном достоинстве лиц, занимающихся разведкой, правительственными заговорами и тому подобными делами секретного, но все же официального характера. Считалось, что лица высшего общества тоже должны заниматься разведкой, и немецкое руководство по разведке подчеркивает, что шпионаж более «почетное занятие», чем регулярное выполнение своего повседневного долга в армии. В действительности, несмотря на штиберовскую установку о примате секретной службы и на участие в ней джентльменов, лордов, а также на существование дорогостоящих разведывательных школ,—большая часть агентов очень мало или вообще ничего не знала о разведке. Агенты были выбраны и подготовлены для того, чтобы оказывать определенные услуги своим начальникам и нанимателям, при чем им не давалось никаких указаний, как спасти свою жизнь и как повысить свою квалификацию. Принято считать, что наемный агент через некоторое время всегда становится обузой. Если учесть, что эту мысль усиленно подчеркивали, а подготовкой агентов все-таки пренебрегали, то нет никаких оснований удивляться тому, что союзники обнаруживали столько наемников и профессионалов, которые даже не являлись любителями с точки зрения знакомства со своим делом.

Эва, воспитательница, получившая место в одном известном доме в Лондоне, была заподозрена

в шпионаже и подвергнута допросу. Она сразу упала духом и призналась в своих намерениях, но заявила, что до настоящего момента не имела случая получить какую-нибудь ценную информацию. На самом же деле у нее были превосходные случаи до того, как она возбудила подозрение, но она просто не знала той игры, в какую играла. Эта девушка наивно призналась также и в этом. Она рассказала, что была послана в Англию своим возлюбленным и хотела стать шпионкой, чтобы доставить ему удовольствие. В дополнение к его нежной благодарности она должна была получать ежемесячно двести марок.

Немецкие разведчики теряли время па наркоманов, жалких и отвратительных созданий, жаждущих наркотиков и готовых обещать за них все, что угодно. Немецкие химики могли посылать им сколько угодно этого товара, и небольшие пакетики с наркотическими средствами прикреплялись под вагонами товарных поездов, идущих из Швейцарии во Францию. Но агенты, распределявшие эти средства среди подонков Парижа, поступали по-детски, если предполагали, что наркоман может располагать точными военными сведениями или может разобраться в них, если случайно придет в соприкосновение с ними. Преступников, конечно, можно заставить ради наркотиков пойти на убийство или кражу, но надежные люди, располагающие важными военными тайнами, в период войны никогда не относились безразлично к своим обязанностям. И поэтому они были хорошо защищены от преступного элемента.

Заповеди разведчика должны содержать много странных требований и среди них требование—не проявлять своих характерных национальных черт. Французских агентов предупреждали, чтобы они избегали чрезмерной вежливости. Один из них рекомендовал себя в Мюнхене комиссионером какого-то берлинского концерна, и его выдала полиция кельнерша из ресторана. Она сказала, что он благодарил ее за все, что она ему подавала; частые «благодарю вас» убедили ее в том, что он не тот, за кого себя выдаст. В начале мировой войны, когда военное положение Германии казалось благоприятным, некоторым немецким агентам было трудно скрыть свой восторг. Наглый или грубый, самодовольный, ломающийся или словоохотливый агент будет повешен гораздо скорее, чем воспитанный, предусмотрительный и сдержанный разведчик.

Нам было бы очень приятно рассказать о разведчиках со сценическими талантами, в гриме и с фальшивыми усами. Но дело в том, что современные разведчики редко маскируются, если они могут избежать этого. Фальшивое имя в паспорте или американский костюм па немецком моряке—вот современная маскировка. Профессиональные осведомители самого низкого пошиба могут выдавать себя за джентльменов, человек низшего происхождения выдает себя за герцога, путешествующего инкогнито,—это и есть маскировка. Очень трудный, смелый и отнюдь не редкий прием маскировки—это рекомендовать себя офицером армии или флота противника. Все начальники секретных служб знают, что паника, которая охватывает гражданское население всех

стран в начале войны, разные слухи, шпиономания, — все это служит для скрытия первоначальных шагов агентов противника. Общее возбуждение и обращение в органы контрразведки по поводу всех случайных подозрений и ложных тревог настоящий разведчик использует как наилучший способ маскировки. Он побежит вместе с толпой и потребует ареста каждого явного иностранца или, наоборот, он отречется от буйных патриотов, спокойно займет свою позицию (которую позже использует для разведки) и мирным, нормальным образом жизни введет в заблуждение самых бдительных людей.

Американский секретный агент, которому в период мировой войны поручили следить за Плутархом Элиасом Каллес—губернатором Соноры, известным германофилом,—маскировался под мексиканца. Он покрывал всю свою кожу иодом, а когда это средство оказалось слишком болезненным, он добавлял к нему грязь.

Ловкость этого агента видна из того, что ему даже было позволено в некоторых важных случаях пользоваться поездом диктатора Соноры.

Опытный агент знает, как действовать, чтобы не возбуждать подозрения, он лучше всего скроет свое лицо под маской грубости или глупости: спортсмен становится увальнем, подтянутый офицер и образованный джентльмен всегда могут скрыться под маской грязи, дурных манер и беспутной жизни.

Все это относится, главным образом, к послевоенной обстановке и к той части земли, где победоносные союзники внезапно прониклись большим недоверием друг к другу, чем к своим толькочто побежденным противникам.

Знание языков, врожденный талант, хорошая подготовка, личное превосходство—все это не поможет агенту, если он не выберет подходящей маскировки и роли, которую сумеет сыграть безошибочно и естественно.

Мюллер и Альтшуллер, самые находчивые из австрийских агентов, работавших в России, были приняты в хорошем обществе. Это были полезные агенты. Были слухи, что жена русского военного министра собиралась посетить прекрасное новое имение Альтшуллера, который вернулся в свою родную Вену не только с военными сведениями, но и с барышами, полученными от спекуляции на поставках па армию. По началась война, и границы были закрыты. Мюллер работал около двух лет в тылу русской армии и был настолько небрежен, что выдал себя. Агент тайной царской полиции задержал его. Но Мюллер был недюжинной личностью и хорошо знал, с кем имеет дело. Он стал рассказывать о намерениях австро-венгерской секретной службы по отношению к России.

Он сообщил потрясающие факты и даже выдал трех русских агентов, состоявших на австрийской службе. А затем, после того, как рассказал все, что нашел нужным, и до суда оставалось уже немного времени, Мюллер бежал. Предполагалось, что ему кто-то помог в этом.

Серб Кривош выдвинулся благодаря своим лингвистическим дарованиям. Будучи бедняком, он был рад получать деньги от русских и от тех, кто был заинтересован в русских военных делах. Кривош не занимал высокого поста, но не имел ничего против того, чтобы занять его. В течение некоторого времени он служил переводчиком при

штабе генерала Брусилова и в качестве такового привлек к себе внимание князя Орлова, начальника царской частной канцелярии. Орлову нужен был переводчик, и Кривош сумел произвести такое впечатление, что показался более пригодным для этого дела, чем сотни патриотически настроенных русских. Орлов выхлопотал для него офицерский чип и прикомандировал его к штабу VIII корпуса. Здесь -Кривош получил такие же колоссальные возможности для своей секретной работы, какие имел Карл Шульмейстер.

Революция открыла, что в списках тайной полиции среди имен многих подозрительных лиц стоит и имя Кривоша. Таким образом мы видим, что этот никому не известный человек настолько втерся в доверие власти, что даже охранка боялась его трогать. Агенты контрразведки не успели схватить его, их власть кончилась, и деятельность Кривоша прекратилась.

В Палестине и в Малой Азии англичанам пришлось вести борьбу с несколькими талантливыми разведчиками, которые были столь же трудно уловимы, как и австро-германские агенты, работавшие в тылу царской армии. Офицер военной разведки Алленби сообщает о двух выдающихся агентах: Прейссере и Френксе. Прейссер, подобно полковнику Доуренсу, мастерски выдавал себя за араба. Турецкие союзники считали его бедуином. Как теперь известно, он не менее трех раз проникал в британский штаб в Каире, свободно разъезжал из Константинополя в Каир, собирая информацию от менее крупных агентов, туземных резидентов и местных разведчиков, получающих деньги от Германии или Турции.

Прейссер никогда не попадался; с ним даже не происходили такие неудачи, как с Лоуренсом, и турецкие сержанты не избивали его до потери сознания, приняв его за арабского дезертира.

Френке, получивший чин капитана, а затем и майора от восторгавшихся им противников, которым он причинил много хлопот, работал еще более дерзко, чем Прейссер. Он с легкостью выдавал себя за английского или колониального офицера, при чем обладал такими большими и многосторонними познаниями, что никогда не выдавал себя за одного и того же человека дважды. Он обладал прекрасной внешностью, хорошими манерами и техническими познаниями почти во всех областях военного дела; в его распоряжении был большой выбор мундиров войск противника. Однажды он, в форме офицера артиллерийского снабжения, «инспектировал» один артиллерийский полк. В другой раз он получил полный план предполагаемого заграждения; он причинял много хлопот всем офицерам, которые хотя бы отдаленно напоминали его. Их задерживала в момент выполнения самых срочных заданий п заставляли терять время до полного выяснения их личности.

Связь—самая опасная часть работы разведчика

Самый опасный момент работы разведчика—это передача сведений по назначению. Девять из десяти разведчиков, обнаруженных агентами контрразведки, проваливались вследствие ненадежности средств связи, которыми они пользовалась. Во время мировой войны один

немецкий агент использовал реку Скарн, протекающую вблизи Арраса, от британских позиций к немецким: он надрезал рыб, вкладывал в эти надрезы свои сообщения и доверял рыбу с военной информацией реке для доставки по назначению. Этот агент не был пойман, из посланных им сообщений было перехвачено только одно. Английским солдатам приказали собирать и разбирать все отбросы, плывущие по реке мимо их позиций, и благодаря этому еще одна хитрая выдумка оказалась несостоятельной.

Использование почтовых голубей было настолько обычным, что всем войскам на фронте приказывали стрелять по голубям, летящим в сторону противника. Достоверно установлено, что один голубь был выкрашен в яркие краски, чтобы походить на попугая, так как какой-то агент считал, что попугай во Фландрии привлечет к себе меньше внимания, чем голубь. При попутном ветре немецкие агенты во Франции пытались пользоваться воздушными шарами для доставки своих донесений. Немецкие снайперы подстреливали эти игрушки,—они падали на немецкую территорию; французским и британским снайперам тоже приказано было наблюдать за игрушечными воздушными шарами и подстреливать их, когда они летели над французской или британской территорией.

Письма в мирное время доставляются достаточно быстро и надежно. Но во время войны они попадают в руки цензора, который замечает каждую пометку, нарочитость текста, подчеркивание и прочие особенности, которые хотя бы отдаленно наводят на мысль о наличии кода.

Использование симпатических чернил, казалось бы, могло в вести в заблуждение цензоров. Но разведчик Антон Кюпферле, последовавший в Тауэр за Лоди, был обнаружен благодаря тому, что письмо, отправленное им в Голландию, было проявлено.

Кюпферле был неподходящим человеком для разведки. Немало немецких агентов погибло во время мировой войны из-за неточности произношения. Кюпферле своим произношением вызвал подозрение еще до того, как он высадился в Ливерпуле. Ему дали возможность посетить Дублин и поехать оттуда в Лондон, где сразу же после отправки погубившего его письма детективы Скотланд Ярда прервали короткую карьеру агента, патриотизм которого не мог покрыть его полнейшую некомпетентность в деле разведки.

Химики обеих враждующих сторон изобретали новые и замечательные чернила всякий раз, когда секрет прежних становился известен противнику, и каждое такое изобретение посылалось тайными путями агентам. Поэтому чернила приготавливались нередко в виде лекарств, мыла, зубной пасты и мазей. Но еще лучший способ посылки небольшого количества чернил заключался в том, что ничего не подозревавшего путешественника просили передать какую-либо принадлежность туалета находящемуся за границей приятелю. Этот приятель—агент или его помощник, а принадлежность туалета (пальто, жилет, рубашка, брюки или пара носков) пропитывалась новыми чернилами. Такой простой процесс, как кипячение рубашки или носков, мог снабдить агента достаточным количеством чернил, чтобы покрывать поля газет или поверхность

другой бумаги, которая может избежать бдительности цензора.

Одно весьма важное разведывательное донесение, пришедшее в Англию от бельгийского агента в самом начале войны, было написано на большом листе бумаги, просаленном, словно смазанном салом, а в центре письма была прожжена большая дыра. На этой бумаге лимонно-формалиновыми чернилами была написана подробная оценка численности немецких войск, проходящих по Бельгии в направлении к Франции. Запись шла через сало до края прожженного отверстия и продолжалась с другой стороны до самого края листа. В эту бумагу была завернута пара сапог, которые один беженец вез с собой вместе с другим наскоро уложенным скарбом.

Некоторые лица утверждали, что неразорвавшиеся снаряды не разрывались именно потому, что в них находились инструкции, а не взрывчатые вещества. Предполагалось, что агентам было известно, где и когда будет выпущен предназначенный для него снаряд. Агент должен был находиться где-нибудь поблизости, вырыть снаряд и исследовать его содержимое.

Многие агенты получали такой громоздкий предмет, как клетка с почтовыми голубями. Агент должен был скрываться сам и скрывать голубей от любопытных глаз.

Английский агент Ричардсон, живший в Рубэ, принимал у себя офицера германского штаба, в это время голубь робко высунул голову из корзинки. Немец сделал вид, что ничего не заметил, но вскоре ушел и вернулся с солдатом. Уверенный в том, что голубь был замечен, Ричардсон поместил в

корзинку цыпленка, и эта птица так поразила немцев, что они ушли, не подозревая, что Ричардсон спрятал голубя в другое место.

Захват почтового голубя грозит больше, чем арест агента противника. Если бы немцы захватили голубя Ричардсона, они, несомненно, использовали бы его для посылки ложной информации. Разведчики всегда отдавали себе отчет в этом, и во многих случаях, когда арест казался вопросом ближайших минут, они отпускали на волю своих голубей прежде, чем пытаться спастись самим. В 1916 г. один летчик вез разведчика, которого должен был высадить в отдаленной части Бельгии; так как агент посылался на срок не менее двух недель, то ему дали с собой трех голубей, которых он должен был оставить у агента-резидента и посылать через определенные промежутки времени с предварительными донесениями. Несмотря на свою опытность, летчик, приближаясь к месту посадки, потерпел аварию, при чем агент был убит, а он сам тяжело ранен. Благодаря эластичности корзинки голуби остались невредимыми, но у летчика была сломана нога, он запутался в обломках своего самолета и не мог добраться до них. Он знал, что через несколько часов его найдут, и, если его найдет немецкий патруль, голуби будут доставлены в ближайший штаб и отправлены затем союзникам с той информацией, какая будет желательна неприятельскому командованию. Уверенный в том, что никакие войска до утра не пройдут вблизи места катастрофы, он начал звать на помощь. Его соображения оказались правильными: одна старая рыночная торговка-бельгийка первая услышала его крики, поняла

значение его жестов и открыла корзинку с голубями, прежде чем оказать ему какую-нибудь другую помощь.

Использование самолета для доставки разведчиков в тыл противника является величайшим нововведением в истории разведки.

Впервые это средство было использовано в балканской войне 1912—1913 гг. Первые опыты связаны с именем предприимчивого юного американца, который ознакомил с этим и французский главный штаб в конце 1914 г. Лейтенант Берт Холл начал свою карьеру летчика в турецкой армии в 1912 г. Он летал на французском моноплане, производя воздушную разведку за сумму в с т о долларов золотом в день. Турецкая армия держалась на оборонительных позициях. Когда после поражений при Кирк Килисе и Люлэ Бургасе был осажден Адрианополь, турки начали интересоваться Малой Азией. Холл хорошо работал, но, когда прекратилась оплата, прекратилась и его работа. Он перелетел на своем самолете с механиком французом в Болгарию и был приглашен болгарами вести для них разведку за ту же сумму; и так как он во время своей службы у турок основательно изучил укрепленные позиции перед Константинополем, ему предложили попытаться опуститься з а фронтом у Чаталджа для разведки. Холл указал на признанную всеми разницу между воздушной разведкой, для которой он был приглашен, и агентурной разведкой. Но он согласился за соответствующее вознаграждение попытаться высадить какого-нибудь болгарского агента в пределах турецкого фронта.

Однако, когда болгары начали задерживать платежи, Холл счел войну для себя оконченной. Он исчерпал средства двух враждующих сторон, ассигнованные ими на воздушную разведку. Он уже складывал свои вещи и... был арестован как турецкий шпион. Этот типичный балканский метод расчета с кредитором поставил американца в весьма критическое положение: как наемник, он не мог обращаться к американским дипломатическим представителям за помощью. Он предстал перед военным судом и был присужден к смертной казни. Его механик-француз, арестованный в качестве второстепенного соучастника, сумел бежать и, вернувшись с несколькими смельчаками, разгромил болгарскую гауптвахту и спас Холла. В августе 1914 г. американский летчик вернул свой долг французам, присоединившись на второй день войны к французской армии. Три месяца спустя он был переведен в воздушную службу. Он вошел в состав эскадрильи Лафайетта, от которой к концу войны остались в живых только Холл и еще один летчик. До образования этой эскадрильи лейтенант Холл доставлял французских разведчиков в тыл германских войск. Подобные полеты должны были совершаться ночью,—и чем темнее ночь, тем лучше: посадка производилась на незнакомом и неподготовленном месте; затем следовал обратный полет, а через две недели он прилетал за разведчиком и снова повторялась вся эта опасная процедура. Холл был пионером этого дела и, благодаря своему хладнокровию и мастерству, благополучно доставил обратно всех разведчиков.

После столь опасного начала доставка агентов по воздуху вошла в порядок дня работы авиации

всех воюющих держав, при чем для защиты летчика и его пассажира было придумано множество различных усовершенствований. Так, например, посадка производилась вблизи дома какого-нибудь агента-резидента, который зажигал яркий свет в трубе, видимый только непосредственно сверху. Этот сигнал также помогал летчику при полете за агентом. В некоторых случаях агент-резидент бывал не готов в условленную ночь или его задерживали по подозрению в шпионаже, тогда летчик совершал полет даром. Иногда ему приходилось напрасно летать несколько ночей подряд, пока не появится агент .

Союзники пользовались большим преимуществом в этой области секретной службы. Бельгия и оккупированные области Франции были открыты для них тысячью неизвестных немцам посадочных площадок, при чем сотни патриотов всегда были готовы помочь им. При такой низкой оплате, как семьсот франков за круговой полет, англичане и французы пользовались помощью бывших жителей Бельгии, которые могли быть высажены вблизи домов или в ближайших окрестностях, где им была знакома каждая пядь земли. Для того, чтобы располагать такими преимуществами на западе, немцам приходилось оплачивать предателей французов, которые знали местность, но могли быть известны и задержаны как шпионы. Когда немцы убедились, что обстоятельства складываются против них, они установили микрофоны, улавливающие шум мотора самолета на тех отдаленных участках оккупированной территории, на которых немецким летчикам ночью делать было нечего. Союзники

парировали этот удар, сократив число необходимых посадок вдвое и спуская разведчиков на парашютах. Таким образом, разведка приняла фантастический вид, и разведчики спускались прямо с неба на противника, которому пришлось бы для наблюдения за полями и садами партизан, готовых принять и скрыть разведчика, убрать из окопов всех солдат.

В войне требуется мужество. Конечно, были мужчины и женщины, достаточно храбрые для того, чтобы вести разведку, но лететь над зенитными батареями противника, совершать посадку в темноте или, что еще хуже, прыгать с парашютом, — этого не каждый желал. Однако всем ясны преимущества разведчика, которого доставляют по воздуху. Предположим, что летчик совершил удачную посадку, а разведчик сменил форму на штатское платье и отправился в город, пребывание в котором даст ему ценный материал. Ему ничего не надо записывать, так как он сам вернется не позже, чем через две недели, и сообщит обо всем, что ему удалось увидеть. Совершенно естественно, разведчик будет следить за проходящими войсками, и так как на мундире каждого солдата имеются какие-либо полковые или дивизионные знаки различия, разведчик, запоминая эти знаки, собирает ценные данные о воинских частях в данном округе.

Если этот разведчик встретит крупный артиллерийский парк, он обязан узнать, сколько пушек в парке и в каком они состоянии. Посмотрев на несколько пушек то в одном, то в другом месте, он может судить, новые ли это орудия или уже побывавшие в бою. Кроме этого, он определит и их

калибры. Однако проявление слишком явного интереса к пушкам может оказаться роковым для разведчика. Постороннему глазу не должно быть заметно, что разведчик считает пушки. Он может, но обращая внимания на пушки, прогуливаться вокруг парка, считая шаги: столько-то в длину, столько-то в ширину. Затем, помножив эти цифры, он рассчитает приблизительную площадь, занимаемую орудиями каждого типа, и определит площадь парка. А потом, разделив общую площадь на площадь, занимаемую каждым орудием, разведчик получит приблизительное число орудий.

Возможно, что разведчику придется принять от агента-резидента письменное донесение, которое ему будет трудно запомнить. В этом случае он берет донесение с собой только тогда, когда отправляется навстречу прилетевшему за ним самолету.

Разведчик должен избегать перехода через пограничный пост, где его могут подвергнуть опросу и обыску, он должен обходиться без письменных донесений, как бы скрыты они ни были. Это увеличит его безопасность во много раз.

При использовании самолетов агенты секретной службы избегают опасностей, ожидающих их на границе. В настоящее время предпочтение всегда будет дано агенту, который запоминает наизусть и представляет свои донесения устно.

Суровая почтовая цензура эпохи мировой войны имела и положительную сторону, которая была использована секретной службой.

Средства связи должны были быть упрощены до крайности, чтобы избежать цензоров. Когда это условие было учтено, последовало множество изобретений. Сложные коды и хитроумные шифры,

запутанные настолько, что лейтенанты, разбирающие их, сходили с ума, были сданы в архив вместе с мушкетами, ружьями, заряжаемыми с дула, и другими устаревшими вещами. Секретный агент мог свести свой письменный отчет к ряду разорванных слов, знаков и чисел. Этот отчет мог сбить с толку противника, в руки которого он случайно попадал. Однако внешняя странность документ а могла ускорить провал агента.

Эдгар Аллан Поэ с поражающей ясностью писал об этой сложной проблеме расшифрования сообщений, остававшихся тайной для всех, кто не располагал ключом, которым пользовался писавший сообщение. Методы, описанные Поэ, не очень изменились за сто лет. Другой американец, полковник Фабиан, посвятил Свои знания и досуг решению всевозможных проблем, связанных с кодами и шифрами. Изучив тысячи страниц печатных текстов, он усовершенствовал таблицу повторяемости букв, которая облегчает работу шифровальщика.

Эта легкость расшифрования кодов играет важную роль, так как ограничивает их использование во время войны. Коды и шифры всегда являются изоляторами для передаваемых мыслей. Приказы по армии, независимо от способа передачи, должны быть зашифрованы, что представляет собой простую перестановку слов или букв. Они могут быть легко расшифрованы каждым, кто имеет ключ. Шифрование предназначается для введения в заблуждение противника не более чем на несколько часов. Шифры только ставят втуник и прикрывают тайну, в то время как коды могут скрыть мысль так глубоко, что она никогда не

выйдет наружу, если кодовая книга будет потеряна. Коды используют слова и предложения, имеющие другое произвольное значение, при чем подлинный их смысл невозможно понять, если неизвестно, что подразумевается иод каждым отдельным словом или выражением кода. Во время войны один британский генерал в качестве эксперимента послал важные приказы по радио открытым текстом. Как он и ожидал, немцы, читая его краткие и энергичные предложения, были убеждены в том, что это новый, чрезвычайно запутанный код, и не использовали перехваченные приказы. Таков был результат постоянного употребления кодов и шифров в поле: вез, что казалось очень простым, принималось за самый сложный код.

Но где, скажите, найти код, которым разведчик может пользоваться и который не заметят цензоры? Если разведчик пишет невидимыми чернилами между строчками письма или на нотах, на объявлении или на газете, то он поступает по старому обычаю, стараясь написать свою информацию кодом. Проявление нескольких букв или цифр выдаст послание, как опасный документ, и его уничтожат. Один агент был захвачен в Англии за то, что властям попала в руки такая ничтожная улика, как три цифры на полях газеты. Можно предполагать, что, если бы его цифры были записаны кодом, он мог бы спасти свою жизнь или остаться необнаруженным в течение более длительного срока. Но разведчики чувствуют какую-то суеверную неприязнь к кодам и шифрам. Сколько агентов погибло из-за нелепых или сложных хитросплетений! Недаром на смену этим выдумкам в качестве новой защитной окраски

пришла подчеркнутая естественность. Два голландца—Яисенн и Роос—работали как агенты морской разведки; они выдавали себя за комиссионеров табачной фирмы и посылали из всех посещаемых ими морских портов телеграммы с заказами на тысячи сигар самых дорогих марок. В этих телеграммах слово «корона» означало линкор. Если заказывалось 4,000 «корон», это означало, что в порту, из которого был послан «заказ», стоят четыре линкора. Естественно, что этот внезапный спрос на табачные изделия был отмечен телеграфными цензорами. Когда этих «голландских купцов» (в действительности безработных матросов) подвергли допросу, они заявили, что являются представителями одной голландской фирмы, которая была так незначительна, что такие большие заказы на дорогие сигары могли быть обленены слабым разумом ее владельца. После того, как им пред явили доказательства, обвиняющие их, они сознались и были приговорены к смертной казни.

Шифры были известны еще древним грекам и римлянам, при чем и те и другие уже пользовались голубиной почтой и, по данным одного древнего историка, пытались приучить ласточек к передаче военных сообщений. Хитроумный грек, тиран Милета, хотел поднять восстание против Дария. Учитывая бдительность персов, он велел одному рабу обрить голову, написал на бритой голове свое сообщение и, когда волосы отросли, послал его к ионийцу Аристагору, который мог ознакомиться с посланием, просто-напросто снова обрив голову раба. Современному секретному агенту в поисках новых путей и средств передачи тайн снова

приходится обращаться к хитрости. Дым из труб в окрестностях Вогез считался хорошим средством передачи. Дым был виден на большое расстояние, и, кроме того, его можно было регулировать: выпускать через определенные промежутки времени и т. д. Словом, дым был весьма гибким кодом. Незаметные, почти микроскопические царапины на монетах также были кодом. Е ничего не подозревающему путешественнику мог обратиться какой-нибудь служащий отеля с просьбой передать несколько монет «бедному родственнику», живущему в городе, в который направлялся путешественник. Путешественник брал монеты, не зная, что на каждой из них начертано от двух до десяти слов, которые можно прочесть при медленном вращении монеты под увеличительным стеклом.

Так называемый «словарный» шифр с успехом скрывает сообщение от непосвященного, но ни один агент на территории противника не может использовать его для письма или телеграммы, так как подобное сообщение будет немедленно задержано цензором. Этот код—превосходное средство для переписки между агентами секретной службы в мирное время. Чтобы пользоваться им, необходимо иметь только одну книгу, предпочтительно словарь. Человеку, незнакомому с данным словарем и принятой системой обозначения слов, сообщение, посланное этим кодом, покажется нагромождением букв и цифр с сумасшедшей пунктуацией. Наиболее удобными для этой цели являются маленькие словари, напечатанные в два столбца.

Более утомительный код, но вполне надежный и приводящий в отчаяние почтовую цензуру,—это трафарет, который выделяет из текста несколько слов, образующих самостоятельное сообщение и рассеянных среди многословного и расплывчатого письма. Трафарет представляет собой простой лист бумаги с прорезанными в нем отверстиями, через которые видны нужные слова. Эти отверстия, образующие определенный рисунок, и их расстояния друг от друга и от полей доданы сохраняться в памяти агента, который должен писать сообщения с учетом размеров отверстий трафарета. Каждый агент должен располагать шестью или семью вариантами трафарета, чтобы приурочить к ним всевозможные комбинации слов, необходимых для его секретного донесения. В одном и том же письме может быть два или три сообщения между строк, в которых рассказывается о семейных делах. Чтобы прочитать эти сообщения, необходимо иметь два разных трафарета. Получатель письма, если он может не опасаться провала, имеет наготове нужные трафареты. Упоминание о каком-либо дне недели в первой фразе письма указывает ему, какой комбинацией трафаретов он должен пользоваться; затем он накладывает трафарет на указанную страницу и прочитывает донесение агента. В тех случаях, когда ни пишущий письмо, ни его адресат не могут иметь при себе уличающего их документа, им необходимо очень точно запомнить рисунок трафарета.

Агенту, располагающему абсолютно надежным кодом или шифром, приходится при отправке сообщения (безразлично, почтой или телеграфом) учитывать опасную проблему адреса. Цензоры в

сотрудничестве со службой контрразведки приобретают весьма точные сведения о разведывательных центрах противника в городах нейтральных стран и помнят все адреса, связанные с подозрительными письмами или телеграммами. Во время мировой войны немецкие агенты, согласно инструкции, писали несуществующим бельгийским пленным, что было весьма остроумной уловкой; но некоторые немецкие агенты, выдававшие себя за комиссионеров, совершали огромную ошибку, заявляя, что они являлись представителями голландских и швейцарских фирм, уже названных агентами, которые провалились до них и судьба которых им была неизвестна. Английских солдат, возвращавшихся после отпуска во Францию, некоторые лица просили опустить письмо. Англичане охотно выполняли эту просьбу, не отдавая себе отчета в том, что отвезенное ими во Францию письмо не проходило никакой цензуры. Но письма не всегда были главным средством связи; донесения обнаруживались на яйцах, якобы отправляемых на рынок, и на щипцах для завивки. В последнем случае надписи вытравились кислотой и затем покрывались тонким искусственным слоем ржавчины.

Британские агенты в Лондоне задержали и исследовали ноты, потому что они были отправлены в адрес одного подозрительного лица в Цюрих. Это были две песни: «Лестница любви» и «На пути в Дублин», а адрес отправителя гласил: «Джек Каммингс, театр Палас». Человек с таким именем не существовал вовсе; но то, что контрразведка имела дело с агентом противника, стало ясно, когда проявитель выявил между нотными линейками

донесения о сделанных в Англии наблюдениях. После установили, что настоящее имя «Каммингса» — Куртенедэ Рнсбах. Этот человек, сын австрийца, принявшего британское подданство, был талантливым водевильным актером, автором комедий, фокусником и велосипедистом-трюкачом. В момент объявления войны он имел ангажемент в немецких мюзик-холлах и был интернирован в Рулебене: там его убедили заняться агентурной разведкой, разрешили покинуть Германию и поехать путешествовать — «поправить здоровье». Но вследствие того, что он посылал свои донесения по адресу, помещенному в списке подозрительных адресов, эти путешествия привели его к пожизненному заключению.

Увидев, что почтовая цензура столь опасна для секретной переписки, немецкие разведывательные центры начали посылать приказы своим агентам во Франции с помощью музыкального кода; слова песен оставались неизменными, но поты были каждый раз другие. Песня под названием «Незабудка Эльзаса» посылалась в виде периодического издания, и, несмотря на то, что одним иностранным музыкальным издательством присылалось десятки пот этой песни, в течение долгого времени никто и не подозревал, что это разведывательный бюллетень. Но в одном французском порту жило некое подозрительное лицо, почта которого тщательно просматривалось. Еженедельно он вместе с другими нотами получал и экземпляр «Незабудки Эльзаса». Эти ноты исследовали и сфотографировали. Оказалось, что текст песни оставался прежним, а музыка в каждом экземпляре была другой. Ноты передали

специалисту по расшифрованию, и он раскрыл тайну.

Иногда пользовались открытками. Их склеивали под большим давлением, при чем с одной стороны был адрес, с другой—изображение, а между ними листок тончайшей бумаги с донесением или картой. Один немецкий агент, живший на юге Франции, писал свои донесения специальными чернилами на куске тончайшей слюды, а затем искусно прикреплял этот прозрачный слой к стеклам пенснэ, Писание па маленьких кусочках тонкой бумаги было делом обычным. Многие разведчики носили эти документы в своих трубках под табаком; таким образом в случае опасности агент всегда мог закурить трубку и уничтожить эту улику. Но когда появился новый метод—слюда на пенснэ,—многие агенты отказались от трубок.

Секретные агенты отважно рискуют жизнью, действуя по вдохновению; их противники—агенты контрразведки—также бывают охвачены вдохновением, а иногда терпеливо месяцами работают, не представляя никаких дел военному суду.

Во время мировой войны в Париже жил один подозрительный человек, который в течение многих недель не делал ничего компрометирующего. Но в конце концов была найдена одна вещь, которая дала нужную нить. Этот человек жил в скромном отеле, и при многократных обысках в его комнате было замечено, что у него имелось несколько носовых платков, которые он никогда не отдавал прачке. Эти драгоценные платки были пропитаны новым химическим составом, не известным до тех пор союзникам. Понадобилось около двух месяцев,

чтобы обнаружить некоторую дозу этого состава в платке, взятом французским агентом и замененном другим абсолютно схожим платком. Не удивительно, что этому человеку удавалось вводить в заблуждение наблюдательность секретной службы. Благодаря необычайному терпению агентов и химиков контрразведки новые чернила были, наконец, открыты, и после этого агент с платками и многие другие были захвачены врасплох с поличным.

Большая немецкая радиостанция в Кауэне периодически казалась охваченной каким-то приступом лихорадки и посылала в эфир бессмысленный поток слов, произносимых с устрашающей быстротой. Предполагалось, что это делается для того, чтобы мешать работе радиостанций союзников. Как и все остальные немецкие радиопередачи, эта неразбериха тоже была записана фонографом. Однажды один офицер поставил этот валик, пытаясь найти подобие кода в этой передаче. Пока он прислушивался, фонограф замедлил ход, и тогда-то он добился, наконец, открытия. Скорость передачи маскировала определенный код, используемый для посылки инструкций немецким агентам в Южной и Центральной Америке; эта остроумная выдумка открылась только благодаря случайному замедлению фонографа.

Напомним знаменитую историю о британском солдате-художнике, который как-то делал во Фландрии набросок с ветряной мельницы и заметил, что она вращается против ветра. Не менее знаменит пример и о разведчицах—матери и дочери, которые жили в течение многих лет в

важном стратегическом пункте недалеко от Амьена. Обе женщины были немками по рождению и немецкими агентами, поселенными во Франции в 1901 г. Они, несомненно, могли видеть многое, что было неуловимо для немецких разведчиков на расстоянии 75 миль. Они изобрели следующий метод сигнализации немецким летчикам: развешивали белье для просушки на веревке во дворе. Но женщины очень скоро возбудили подозрение. Наблюдавший за ними агент французской контрразведки не мог согласиться с тем, чтобы два человека могли пачкать столько белья. Он заметил также, что вещи часто развешивались ими и в плохую погоду, при чем почти все они были ярких цветов. Женщины Франции, потерявшей 900 тыс. жизней, обычно ходили в трауре или носили платья темных цветов, чтобы не оскорблять глаз пострадавших. Подозрения сменились уверенностью: немецкие самолеты летали низко, и летчики проявляли большой интерес к постоянно стираемым красным, зеленым и оранжевым платьям. Вскоре двум женщинам-агентам, ожидавшим войну с 1901 г., пришлось ждать ее в тюремных камерах.

В течение заключительных месяцев мировой войны различные секретные службы столкнулись с новым методом сигнализации: с инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами. Инфракрасные лучи— это длинные световые волны, не дающие световых ощущений, могут посылаться специальной сигнальной лампой и оставаться незамеченными всеми, кроме наблюдателя, вооруженного полевым биноклем со специальным экраном. При самых благоприятных атмосферных условиях, при ярком

солнечном свете эти сигналы передавались па расстоянии восьми миль. Теперь мы видим, к каким победам в области связи идет разведка и какими колдовскими штуками она располагает для будущих конфликтов.

Разведчик в своей работе пытается использовать все достижения современной техники. Мы не можем предсказать методы связи, которыми будут пользоваться разведчики в будущем, но думаем, что по своей научной изобретательности эти методы для нас сейчас показались бы фантастикой.

Контрразведка—организованное наблюдение за разведчиками

Как мы уже видели, военная разведка носила несколько любительский характер и была чем-то вроде спорта для офицеров до тех пор, пока Фридрих Великий не открыл, что лучше нанять и подготовить крестьян для этой работы, чем рисковать жизнью генералов и маршалов, переодетых крестьянами. Король-солдат первый придал разведке характер строго обдуманной системы. Сорок лет спустя два изобретательных француза—Реаль и Демарэ, старшие лейтенанты Фуше, талантливого, но неустойчивого министра полиции Наполеона,—случайно создали современную систему наблюдения за разведчиками.

Контрразведка противопоставляется разведке, а разведчик и контрразведчик представляют собой нападающего и обороняющегося. Простая классификация сравнивает разведку с преступной деятельностью, а контрразведку—с организованной

защитой против преступления. Но такое распределение ролей не только неправильно освещает работу многих разведчиков, о подвигах которых мы говорили выше, но и ограничивает деятельность контрразведчика элементарными заданиями. В секретной службе так же, как и на самой войне, активное нападение часто является лучшей защитой. Контрразведчик пользуется всяким оружием и всеми уловками, которые используются разведчиками. Контрразведка является самой искусной формой разведки: это—наблюдение над самими разведчиками, при чем контрразведчик тоже должен отказаться от всякой болтовни и действовать втихомолку.

Одно сенсационное дело о шпионаже, прошумевшее на всю Европу в 1910 г., в действительности являлось демонстрацией методов контрразведки. Бертрам Стюарт был профессиональным разведчиком и способным офицером регулярной британской армии. Ему предложили добыть сведения о немецких укреплениях и военном положении на островах и материке от Эмдена до Куксгафена—единственной части немецкого побережья, беспокоившей штаб в Уайтхолле. Стюарту приказали остаться во Фрисландии, наводить справки с голландской стороны и рассматривать самому все, что возможно, не проникая в Германию; помимо того, ему разрешили щедро оплачивать любых осведомителей, которые доставляют ему ценные сведения. Стюарт был честолюбив, энергичен и в качестве профессионального разведчика не удовлетворялся информацией, полученными из вторых рук на большом расстоянии от объекта

разведки. Он превысил свои полномочия, перешел границу и встретил какого-то человека, который показался ему достойным доверия и располагавшим ценными сведениями. Они поехали в Бремен, где этот человек оказался агентом германской контрразведки. В Бремене Стюарта арестовали и приговорили к шести годам тюремного заключения. Германская печать истолковала этот эпизод, как грозный акт британской агрессии. Благодаря этому процессу в том же году удалось заставить рейхстаг утвердить значительно большие суммы на вооружение. По случаю посещения Берлина английским королем германский император простил Стюарта.

В других условиях, и главным образом во время последней войны, контрразведчику приходилось вступать и на неприятельскую территорию. Иногда он преследовал разведчика, внезапно проскользнувшего через границу. В других случаях он шел на это опасное дело в поисках доказательств, которые могли навести его на след других агентов противника, деятельность которых он частично раскрыл. В тот момент, когда контрразведчик расстается с родной почвой для выполнения подобного задания, он может быть задержан, как разведчик.

Таким образом, в течение мировой войны разведчики и контрразведчики западных воюющих держав проявляли прямо-таки фантастическую деятельность в Берне, Цюрихе, Женеве и почти во всех остальных частях Швейцарии. Несмотря на то, что швейцарская армия и полиция в большей своей части были в начале войны на стороне Германии, швейцарцы редко задерживали французских,

британских или американских агентов, хотя и были осведомлены об их деятельности. Но немецкие агенты, как, например, Кор, фон-Соммерс, Кенигер, Мейер и многие другие, были задержаны и приговорены к тюремному заключению. Это происходило потому, что агенты союзников умели добывать и представлять швейцарским властям документальные доказательства о том, что германские разведчики покушаются и на безопасность Швейцарии. Немцам же никак не удавалось убедить швейцарцев в том, что британские, французские, итальянские или американские агенты занимались в действительности не контрразведкой, а покушением на нейтралитет маленького альпийского государства.

Офицер, работающий в контрразведке, редко пользуется преимуществами по сравнению с разведчиком, и в довершение всего он должен быть готов противостоять ярости пойманного в ловушку агента. Обнаруженный и загнанный в тупик, агент понимает, что дело идет о его жизни, и он, если может, прибегает к предательству, убийству, обману и т. д. Ни нож в спину, ни взятка—никакое преступление не увеличит его наказания, но зато может привести к спасению.

Поступающий на службу контрразведки должен обладать целым рядом качеств: скромностью, смелостью, терпением, острым умом, сообразительностью, изобретательностью, воображением, интуицией, неутомимой работоспособностью, честностью и способностью к изучению языков. Каждый контрразведчик должен быть бдительным и в отношении своих товарищей

по работе. Это необходимо по той причине, что разведчики, проникая на секретную службу противника, всегда метят в контрразведку.

Посмотрим, как один англичанин по фамилии Эверт проник на работу в немецкую контрразведку. Во время войны британские, французские и другие агенты контрразведки знакомились с разведывательными школами в Шарлоттенбурге, Везеле, Антверпене, Берне и Фрейбурге, обращаясь туда в качестве граждан нейтральных стран, желающих продавать свои услуги Германии. Но очень редко случалось, чтобы кто-либо, кроме немцев, мог попасть на работу в германскую контрразведку. Эверту просто посчастливилось. Он знал Германию и свободно говорил на немецком языке. Сумев проникнуть в немецкую военную разведку, он выполнял задания и по контрразведке вдоль голландской границы и в прирейнской области.

Руководители германской разведки получили сведения о каком-то отважном британском агенте, который добывал тщательно скрываемые информации прямо под их носом в окрестностях Эссена,—это был Эверт. Но так как он пользовался репутацией энергичного контрразведчика, то ему приказали разыскать англичанина. Теперь это кажется смешным, но для него это тогда было большой опасностью. Эверт сумел преодолеть все препятствия и не провалился. Об этом не узнали бы и по сей день, если бы он после заключения мира сам не рассказал о своей работе.

Контрразведкой, как побочным делом, занимался и Штибер. Время от времени его агенты нападали на какого-нибудь одинокого несчастного

агента противника. Но именно Штиберу следует отдать справедливость в том, что он доказал, что контрразведка в своих действиях должна быть безжалостной и осторожной. Он утверждал, что во время войны разведчик должен иметь право убивать агента противника так же, как солдат может стрелять по солдату неприятельской армии, если тот не сдается в плен.

Агент противника, утверждал он, должен быть застрелен, как противник на поле сражения. Но, если он не убит, а ранен и взят в плен, он должен быть судим и казнен. Пусть он будет расстрелян за то, что «напал на транспорт раненых», «стрелял» по обозу или в генерала и его адъютантов. Короче говоря, основание для казни должно было быть таким, чтобы казненный не вызвал сочувствия и не прослыл героем. Штибер на практике осуществлял свое убеждение: войну выиграет самая безжалостная из секретных служб.

Но подлинное искусство (или наука) контрразведки было создано во Франции. Агенты секретной полиции Наполеона—Реаль и Демарэ сделали контрразведку достаточно безжалостной, но вместе с тем она носила строго оборонительный характер и была, несомненно, необходимой в стране, наводненной множеством иностранных агентов. Власть Бонапарта всегда была военной властью. Основы его империи покоились на тлеющих развалинах предшествовавших режимов. Революционеры наблюдали за ним и ненавидели его, как монарха—притеснителя своей родины, а роялисты, эмигранты, изгнанные аристократы и всевозможные шарлатаны создавали против него

заговоры и шпионили за ним, как за военным узурпатором.

Как мы уже видели, широко поставленная, смелая и толковая разведка требует создания настоящей контрразведки.

Достижения контрразведчиков в период мировой войны

В период мировой войны деятельность разведчиков стала международной проблемой, которая интересовала все воюющие и почти все нейтральные государства, вынуждая их принимать всевозможные меры для организации действительной контрразведки.

В 1916 г., как и в дни Наполеона, разведка вызвала к жизни контрразведку. Вскоре сенсационные достижения разведчиков стали редким явлением. Контрразведка использовала все свои преимущества в области организации, она привлекла толковых людей и использовала наступательную тактику. В России приходилось иметь дело с видными изменниками, подкупленными противником и сумевшими ловко окопаться, и хотя контрразведке не удалось выявить их всех, все же многие были преданы суду. Австро-Венгрии приходилось наблюдать за входившими в ее состав многочисленными народностями.

Во Франции британским и американским экспедиционным силам приходилось импровизировать систему контрразведки среда хотя и чужого, но не враждебного населения. Все

военные начинания подлежали охране в чужой стране, представляющей зачастую те же трудности, что и территория противника. На Балканах и в Палестине начальникам английской и французской секретных служб пришлось попасть в такое же положение. Не мудрено, что на обширном европейском театре военных действий контрразведка превратилась в грандиозную силу, оставившую далеко позади достижения агентов и военной полиции всех предшествовавших войн.

Из всех контрразведывательных организаций, вызванных к жизни мировой войной, организация, созданная бельгийцами, была самой совершенной и не имевшей прецедентов в истории. Организация эта создавалась неофициально, экспромтом, и все же оказалась вполне жизнеспособной в течение всего периода оккупации Бельгии. Германская армия, великолепно подготовленная и организованная, не боявшаяся лобовой атаки, после победоносного похода от Льежа до Антверпена, продолжавшегося немногим более девяти недель, утвердилась на месте, возложив невыносимые тяготы на семимиллионный народ. Молодые бельгийцы, достигшие призывного возраста, убежали из Бельгии, чтобы присоединиться к остаткам армии короля Альберта, расположенной на крайнем левом фланге фронта союзников. В этой внешне покоренной стране скрывалось множество английских и французских солдат, раненых и оставленных в тот момент, когда их части были оттеснены назад, во Францию. Эти раненые не хотели сдаваться в плен, и вот, с помощью и по совету полковника Джибса, мисс Кавель, доктор Буль, князь и княгиня де Круа организовали

переправу их через границу. Работа эта противоречила военным законам завоевателя. Опасаясь германской секретной службы, бельгийцы организовали контрразведку, которая во многих случаях своевременно получала сведения о готовящихся налетах и преследованиях и не раз спасала людей.

Германская разведывательная служба в Бельгии в течение нескольких лет работала под руководством Куэра и Тизена; у нее были агенты, настроенные не менее патриотично, чем бельгийцы. Однако положение завоевателя отличается от положения побежденного тем, что последний находится на своей собственной территории и имеет в своем распоряжении тысячи людей, стремящихся отомстить противнику. Бельгийские заговорщики проявили максимальную ловкость, чтобы перехитрить германскую систему, славившуюся своим совершенством. Вокруг комитета помощи беглецам образовалось несколько групп, работавших в том же направлении. Сначала все бельгийцы переправлялись через леса на крайний левый фланг союзников, но после октября 1914 г. этот путь был закрыт, линия фронта протянулась до моря, и пришлось прокладывать путь в нейтральную Голландию через Брюссель. Люди этих групп были очень энергичны и находчивы. В течение четырех месяцев одни переправили за границу три тысячи человек, а другие за тот же период времени переправили по более длинному и опасному пути восемьсот человек.

На суде над Арманом Жанн в Монсе в марте 1922 г. в первый раз выявилось совершенство бельгийской контрразведки. Жанн, осведомитель,

весьма необдуманно хвастался тем, что выдал Эдит Кавель и был причастен к осуждению немецким военным судом ста двадцати шести бельгийцев, французов и англичан. После заключения мира он исчез из дома, занимаемого им в Льеже, и был обнаружен несколько месяцев спустя в Монсе, где он служил в конторе одного адвоката, осужденного немцами на 15 лет каторжных работ. Передавали, что Жанн донес на человека, который был его благодетелем. Архивы,, найденные в Камбрэ после отступления немцев, уличили Жанна; архивы германской разведки из разведывательного центра в Брюсселе, на улице Берлемон, также подтверждали изменническую деятельность этого человека. На суде Жанн, не подозревавший груды улик, губительных для него, начал защищаться, требуя свидетелей и отказываясь от всех предъявленных ему обвинений; крикливым и циническим поведением он восстановил против себя всех присутствовавших на суде.

Затем выступил один джентльмен, и обвиняемый был совершенно уничтожен. Это был брюссельский судья Лакруа. Он привел в ужас Жанна своими заявлениями и описаниями событий, происходивших во время мировой войны. «Откуда вам все это известно?»—спрашивал подсудимый. Лакруа каждый раз отвечал: «Я ведь был на вашей стороне». Вместе с адвокатом Филиен, который вел дело Жанна, Лакруа во время войны был во главе бельгийской контрразведки и сообщил об этом теперь, чтобы всем стало ясно положение, занимаемое им на суде. Лакруа и Филиен знали множество тайн противника и теперь с помощью документальных улик могли уличить Жанна. По

словам одного из присутствовавших на суде корреспондентов, после выступления Лакруа «защитник не принимал активного участия в процессе». Жанн был осужден и публично казнен.

Арест лондонского парикмахера Эрнста и его корреспондентов, как мы видели выше, нанес германской разведке в Великобритании удар, от которого Германия не могла оправиться. Германская служба контрразведки в свою очередь добилась возможности лишить французский штаб его агентов во многих стратегических пунктах. Немцы выжидали с ранней осени 1915 г. до января 1916 г. Они выследили более шестидесяти французских разведчиков, работавших вдоль коммуникационных линий и вблизи железнодорожных узлов. Накануне большого наступления на Верден все эти разведчики были захвачены немцами.

Этот опустошительный удар поставил французскую разведку в опасное положение, так как союзному командованию необходимо было знать, какие резервы направляет немецкое командование на театр военных действий и готовится ли одновременная атака на каком-либо другом секторе фронта.

Уничтожение более шестидесяти разведчиков было большим достижением германской контрразведки. На протяжении всей мировой войны это достижение было непревзойденным. Сказать по правде, провал французской разведки был организован не немецкими агентами, а бельгийскими ренегатами типа Жанна. Действуя согласно учению Штибера, начальники немецкой разведки в Брюсселе и Антверпене освобождали

тюрьмы в поисках контрразведчиков для боевых зон и оккупированных территорий: Бельгии, северных департаментов Франции, Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии.

На Балканах, на салоницком фронте, где было больше шпионажа и интриг, чем борьбы, французы и англичане использовали для контрразведки шайку пиратов, которые представляли собой угрозу не меньше, чем Жанн. Во главе этой команды, численностью около двухсот человек, был поставлен молодой английский офицер; ему одному приходилось руководить ими, и он пользовался почти неограниченными правами. Бесстрашные мускулистые парни, обвешанные пистолетами, ножами и громадными кортиками, выходили на войну целой общиной, с женами, детьми и стариками; они бродили по ночам, убивая неприятельских солдат и перехватывая множество сообщений.

Несомненно, что во Франции было больше неприятельских разведчиков, чем в какой-либо другой стране.

Англичане вскоре установили тесное сотрудничество между французскими жандармами, гражданской полицией, агентами секретной службы и офицерами экспедиционных сил. Впоследствии эту систему переняли все союзники. Если англичане во Франции по дозревали кого-нибудь в преступлениях военного характера, то они почти во всех случаях ставили об этом в известность французские власти. Французская секретная служба охраняла швейцарскую, итальянскую и испанскую границу, средиземноморские порты, Париж и другие пункты, в которых изготовлялось

военное снаряжение. Англичане охраняли свои морские базы на Ламанше, боевую зону от Бельгии до окрестностей Амьена (место соединения с французской армией) и значительную внутреннюю территорию, включающую лагеря для отдыхающих частей, госпитали, коммуникационные линии и снабженческие базы. Здесь они брали на себя ответственность за охрану, но для надзора за гражданским населением мудро использовали французскую жандармерию.

Американская армия во Франции организовала свою контрразведку для наблюдения за базами, учебными зонами, коммуникационными линиями, которые по длине превосходили английские, и за боевыми зонами. Америка участвовала в мировой войне девятнадцать месяцев, и ни один немецкий агент за это время не выполнил сколько-нибудь серьезного поручения на американском фронте.

Главная задача контрразведки—защита штабов, командующих и их секретов. Париж требовал максимальной бдительности со стороны тех, кому доверили охранять многочисленные военные миссии и учреждения, временно или постоянно находившиеся в этом городе. Ежедневно в каждом из этих учреждений производилась основательная уборка. Обрывки и обрезки бумаги, даже промокательной, тщательно собирались и уничтожались. Передавали, что когда Делькассе, уволенный в отставку в 1905 г. из-за угрозы кайзера объявить войну, был министром иностранных дел, он работал до полного изнеможения и уборку своего кабинета доверял слуге, который прятал в с е выброшенные бумажки, а потом продавал их иностранным агентам. Лондон

в период мировой войны был менее доступен для шпионов, чем Париж, и все же начальники английской секретной службы по временам принимали донесения своих агентов, разъезжая по улицам в такси. Эта предосторожность имела тройное значение: она избавляла агента, от посещения штаба, где его могли увидеть при входе или выходе, полностью гарантировала от подслушивания и не привлекала внимания публики в личности начальника и агента, как это могло бы случиться при свидании в ресторане или отеле.

Во всех странах принято, чтобы руководители и начальники секретной службы были не известны многим из своих подчиненных как в военное, так и в мирное время. Если имена начальников известны за границей, то их можно выследить и сфотографировать. А это может значительно понизить ценность руководителя секретной службы. Контрразведка должна спасать собственных начальников от всякого нежелательного внимания, охранять их дома и жизнь, и в то же время (хотя это уже область разведки) она должна узнать имена, добыть фотографии и точные данные о выдающихся разведчиках и руководителях секретных служб других стран. Французы добивались больших результатов путем слежки за такими крупными немецкими агентами, как Тисен и Штейнауэр. Французские разведчики в течение войны проникали даже в немецкие школы разведчиков и разведывательные штабы в Берне, Антверпене и Берлине. Затем им необычайно повезло в захвате неприятельских агентов, которым для завершения их разведывательных подвигов нужно было только благополучно переправиться через границу.

Швейцарская граница была западней, где чаще всего оканчивались эти тайные вторжения. За четыре года на этой границе было арестовано более трехсот человек либо при попытке покинуть Францию, либо вскоре после прибытия из Швейцарии. Не все задержанные были шпионами, но каждый из них был лицом подозрительным. Если интернирование стольких человек требовало больших расходов, то все же эти расходы были незначительными по сравнению с тем вредом, который могли нанести некоторые из них.

Одна женщина, задержанная по дороге в Берн, имела чертежи нового орудия с заводов Ле Крезе. Эти чертежи были сделаны невидимыми чернилами на нижней юбке, но юбка была сильно накрахмалена, что в 1917 г. привлекало внимание. В результате тщательного исследования в конце концов была открыта тайнопись. У одного «нейтрального» туриста был отобран схематический набросок главных противовоздушных сооружений Парижа. Набросок был сделан на тончайшей бумаге, свернут в тугую трубочку и вложен в середину синего карандаша (карандашей было несколько), но так как большую часть графита пришлось вынуть, то этот карандаш весил меньше, чем остальные. Контрразведчики проверили вес карандашей, и шпион был пойман. В таком случае, как раскрытие немецкого агента Гольцмана, контрразведка превзошла сама себя. Гольцман пребывал в течение некоторого времени во Франции необнаруженным. Он получил приказ встретиться с другим агентом, который, казалось, был в таком же безопасном положении, и поехать с ним в Швейцарию за новыми инструкциями.

Французские контрразведчики узнали о предполагавшемся свидании, и один из них, взяв на себя роль Гольцмана, сумел получить инструкции, в которых излагались подробные планы взрыва гидроэлектрических установок на юго-востоке Франции. Гольцман и его товарищ были захвачены в тот момент, когда они пытались проскользнуть через границу под видом французских дезертиров. Удалось даже захватить взрывчатые вещества, предназначенные для этих взрывов. После этого случая швейцарское правительство предложило немецким заговорщикам немедленно оставить Швейцарию и больше в нее не возвращаться.

Контрразведка в России обнаруживала агентов противника, в то время как предатели всячески ставили ей палки в колеса. Одним из этих предателей было такое важное лицо, как военный министр. Даже те, кому не знакомы русский темперамент и политическая структура империи, могут себе представить, какие нужно было проявить усилия, чтобы привести Сухомлинова к виселице. Действительно, это было настолько трудно, что смертный приговор, вынесенный судом, так и не был приведен в исполнение. Даже переход Сухомлинова от власти к тюремной камере и весь процесс были блестящим достижением контрразведки, но приходится сожалеть о том, что это не произошло раньше.

На процессе Сухомлинов выставил странное оправдание. Он сказал, что его жена молода и расточительна, поэтому он вынужден был принимать щедрые взятки, предлагаемые ему немецкими эмиссарами.

Известно, что до того как стать военным министром Сухомлинов был весьма способным офицером. Его назначение военным министром было встречено положительно русскими военными кругами. Когда Сухомлинов был командующим Киевским военным округом, он встретил жену одного учителя и решил жениться на ней. Ради формального повода для развода ее прежнему мужу предоставили отпуск и разрешили выехать за границу.

Госпожа Сухомлинова стала обожаемой женой карьериста. Сухомлинов был счастлив с ней и не обращал внимания на общественное мнение. Он уступал ей во всем, и она часто ездила за границу. Начальником пограничной охраны в Вержболове, на главной железнодорожной линии, идущей в Германию, был полковник Сергей Мясоедов. Этот жандармский офицер, агент, оплачиваемый немецкой разведкой, был более чем рад заслужить одобрение большого начальника, оказав любезность его жене.

Мясоедов пропускал через границу шпионов и оказывал услуги знатным путешественникам. Молодая жена Сухомлинова покупала за границей различные вещи, а полковник помогал ей в контрабанде.

Вскоре генерала вызвали в столицу на пост военного министра; его жена поднялась на высшую ступень, что позволило ей вести чересчур расточительную жизнь. Вскоре полковник Мясоедов был снят с занимаемого им поста в связи со скандалом, к которому привели его контрабандные проделки. Официально он был «прикомандирован в распоряжение военного министра». Как закадычный

друг, он последовал за Сухомлиновым в Санкт-Петербург и получил назначение на пост доверенного помощника генерала. Мясоедова открыто обвиняли в шпионаже; за это он вызвал на дуэль лидера октябристов Гучкова.

Гучков, знаменитый стрелок из пистолета, принял вызов, но на дуэли выстрелил в воздух. Мясоедов стрелял в Гучкова, но промахнулся. На расспросы своих приятелей Гучков ответил: «Я не хотел спасти этого мерзавца от виселицы». После этого Мясоедов подал в отставку, но после объявления войны снова появился, желая получить назначение в штаб, в чем ему отказали. Тогда полковник Мясоедов опять поступил в распоряжение военного министра, который нуждался в нем для своих темных махинаций. Подлость Сухомлинова выразилась в официальной подделке донесений по вопросам снабжения и питания огнеприпасами. В одном донесении он сообщил главнокомандующему, готовому начать наступление на Волыни, что в тылу фронта имеется достаточный запас снарядов для полевых пушек. Руководствуясь этим сообщением, артиллерия начала наступление, при чем с блестящим успехом, так как русские солдаты были в то время хорошо обучены, бесстрашны, выносливы и терпеливы. Но скоро запас снарядов иссяк, а в тылу никаких снарядов не оказалось, и победоносное наступление прекратилось.

Сухомлинов, Мясоедов и их грязная шайка подозревались многими с самого начала; однако окончательные улики были обнаружены одним молодым русским офицером. Этот офицер, известный под псевдонимом К., был взят немцами в

плен, и ему предстояла перспектива многолетнего ожидания мира в качестве военнопленного. Он никогда не соприкасался с контрразведывательной работой, но решил использовать доверие германской секретной службы. По этому поводу следует напомнить, что немцы, оплачивая услуги русского военного министра, и других влиятельных лиц, были весьма низкого мнения о патриотизме русских. Начальник германского генерального штаба на восточном фронте генерал фон-Гоффман наивно жаловался, что правительство Германии не открывает ему достаточных кредитов для покупки русских планов кампании. Поэтому, когда К. заявил о себе, как о противнике самодержавия, готовом вернуться в Россию в качестве германского агента, то его внезапная готовность продать свою родину, повидимому, никого особенно не удивила. Его повезли в разведывательный центр в Шарлоттенбурге и дали там весьма подробные инструкции. За этим последовала инсценировка его «бегства». Он добрался до Копенгагена, а затем до Стокгольма, откуда немецкие агенты переправлялись в прибалтийские провинции. В конце концов он попал в Ригу и мог раскрыть историю своего побега.

В Берлине мечтали об убийстве князя Николая. Одному ренегату (Рудзинскому) за это предложили 50 тыс. долларов. Он был слишком хорошо известен охранке, и агенты тайной полиции не спускали с него глаз, как только он появлялся вблизи Главной квартиры. В конце концов они заставили Рудзинского сказать всю правду о полученном им задании. Его признание произвело в России сенсацию, но к этому времени подоспел К. с

подробными сведениями о системе германского шпионажа в России, полученными им в период инструктажа в Шарлоттенбурге. Он был направлен для сотрудничества с агентами Мясоедова и располагал достаточными уликами, чтобы обвинить дюжину людей. Однако ему ничего не говорили об агентах немецкого происхождения из шайки Альтшуллера, Кривоша и Мюллера. Эти агенты были готовы выдать русского предателя Мясоедова, открыв его тайные махинации другому русскому. Сведения, сообщенные К., дополнили обвинительный материал против пользовавшегося сомнительной репутацией полковника и косвенным образом привели к аресту его приятеля—военного министра. Вина Сухомлинова была доказана, и его защита производила такое же жалкое впечатление, как и он сам.

Мясоедов был арестован, осужден и повешен. На суде было доказано, что он снабжал противника приказами по армии, шифрами и даже подделывал телеграфные русские приказы в пользу немцев. При одной операции в Восточной Пруссии в 1915 г. его предательское вмешательство привело к уничтожению всего левого фланга русских сил, принимавших участие в данной операции.

Офицер К. за свою контрразведывательную деятельность получил военную награду, но имя его не было сообщено в печати. Опасались, что многочисленные приверженцы Сухомлинова и Мясоедова могут отомстить ему.

Предприимчивый офицер инстинктивно действовал в соответствии с двумя основными правилами контрразведки: 1) позволить мелкому агенту, не знающему о том, что он обнаружен,

привести к более опасному агенту, 2) обнаруженный агент-посыльный должен быть использован для обнаружения других агентов, донесения которых он передает, или же для передачи ложной информации противнику.

Цензура, как средство контрразведки

Почтовая и телеграфная цензура в военное время служат, по общему мнению, для предупреждения просачивания важной информации в письмах людей, не отдающих себе отчета в значении сообщаемых ими новостей. Считается также, что цензор разрушает козни предателей и агентов противника, которые пытаются передать по назначению добытые ими сведения. Но в эпоху мировой войны почтовая цензура сыграла еще более важную роль: она в совершенно неожиданной форме дополняла деятельность контрразведки, обнаруживала агентов и помогала раскрыть их методы работы; изучая письма, отправляемые в нейтральные страны, она собрала множество мелких данных, оказавшихся весьма ценными для военной и морской разведки.

Известно, что во время похода па Азию до Александра Македонского дошли слухи о недовольстве среди союзников и наемников и что царь проверил их весьма простым способом. Он объявил, что пишет письмо домой и посоветовал своим полководцам сделать то лее самое. Когда курьеры отправились в путь, он остановил их и прочел все порученные им письма. Наполеон каждый день уделял некоторое время на чтение

частных писем; Ришелье был первым французом, который систематически нарушал неприкосновенность частной корреспонденции. Вообще мы знаем очень мало королей или командиров, которые пренебрегали этим средством получения информации.

В Лондоне, в эпоху реставрации, знаменитый изобретатель сэр Самюэль Морланд поразил своих почитателей, сконструировав прибор, который открывал письма, а затем быстро и точно их копировал. Почтовая служба в Англии была в эту эпоху частным предприятием, взятым в аренду графиней Честерфильд: ее агент и управляющий, сэр Филипп Фрауд, назначил лондонским почтмейстером ловкого Джемса Хикса. Прибор Морланда открыто стоял на почте, и однажды Карл II провел три часа, «с восторгом и большим удовлетворением» наблюдая за копированием писем, содержание которых, по всей вероятности, интересовало его меньше, чем сама машина. Снять копию с рукописного письма меньше чем в две минуты без помощи фотографии показалось бы удивительным достижением и нам. К сожалению, прибор был уничтожен пожаром.

Когда в Европе в 1914 г. вспыхнула война, только две воюющие державы—Россия и Германия—располагали готовым штатом цензоров. Французская военная и морская цензура была создана в самом начале войны без особых затруднений. По англичане, у которых была самая большая корреспонденция в Европе, признаются, что им угрожал полный хаос в первые недели августа, когда «они принялись за организацию этого отдела секретной службы. Прибывающие в

английские порты корабли доставляли огромное количество писем в новое помещение цензуры. Груда этих писем росла с ужасающей быстротой. Наскоро назначались люди, которым следовало разобраться в этом потоке писем, при чем среди них, по утверждению немцев, были три германских агента; главная опасность, которой подвергались эти агенты, заключалась в переутомлении.

За несколько дней до начала военных действий один предусмотрительный чиновник задержал всю почту, которая, как казалось ему, может иметь какой-либо интерес. Когда эта масса письменной информации была, наконец, разобрана и рассмотрена, то среди этих писем было найдено множество немецких и австрийских приказов о мобилизации. Эти приказы посылались немцам и австрийцам, находящимся за границей. Приказы передали разведывательному отделу. Исходя из этих документов, разведывательный отдел составил подробную сводку неприятельских частей, выступающих против Франции и России; все эти сведения были срочно посланы в эти страны и явились первым предупреждением относительно сил, выдвинутых против них. Ни разу в течение всей войны цензорам не удавалось собрать столько ценных сведений за такой короткий срок, как за эти две недели.

Цензорам приходится в массе вздора выискивать одну потенциально опасную строчку. В течение мировой войны в Лондоне еженедельно подвергались исследованию сотни писем, пакетов и газет. То же самое имело место и в Париже. Большая часть этого материала оказывалась совершенно невинной; когда в конце концов

специалисты, производившие эти исследования, не обнаруживали никаких следов невидимых чернил или признаков кодированных или шифрованных сообщений, то эта почта снова запечатывалась и отправлялась по назначению. Если какие-либо письма возбуждали сомнения, то их недолго задерживали, так как это могло бы послужить предостережением виновному. Но они копировались или фотографировались и сохранялись в качестве улики для контрразведки. Все письма и пакеты, казавшиеся подозрительными, по не дававшие никаких положительных данных, позволявших утверждать, что их отправитель—агент разведки, задерживались до бесконечности.

Бдительность почтовой цензуры, работавшей в контакте с контрразведкой, привела к обнаружению крупного германского разведчика по фамилии Мюллер. Однажды, в 1915 г. лондонская цензура получила газету, адресованную в Амстердам. На полях этой газеты была обнаружена тайнопись. Сообщение гласило, что «С» отправился на север и будет писать «из 201». На штемпеле было написано «Дептфорд».

Один из инспекторов Скотланд Ярда приступил к работе так, словно «С» обокрал банк или был убийцей, которого необходимо было поймать. Он обратился к полиции города Дептфорд с запросом, на каких улицах города имеются такие дома под номером 201. «Только на одной,—гласил ответ.—На Дептфорд Хай Стрит».

В этом доме английские детективы нашли некоего Петера Хаана, пекаря (английского подданного), который клялся, что никогда не делал никаких странных надписей на полях газет, никогда

не посылал газет в Голландию и вообще не знает, кто такой «С». Однако при обыске у него нашли закругленное на конце перо и невидимые чернила. Хаана арестовали.

Пекарь упорно отказывался говорить, но его соседи охоты» отвечали за него и вспомнили человека, который частенько захаживал к нему. По их описаниям, это был высокий человек, с хорошими манерами, судя по всему—русский. Детективы обратились к списку лондонских пансионеров, при чем розыски привели к Блумсбери, где одна перепуганная хозяйка признала в этом описания своего постояльца—русского, по фамилии Мюллер, и сказала, что он недавно уехал по личным делам в Ньюкестль. Действительно, «С» оказался на севере.

Располагая всеми приметам, детективы, наблюдавшие за Нортумберлендским портом, опознали Мюллера, в поезде. Он был арестован и возвращен в Лондон под стражей. Это был действительно опасный разведчик. Его система пересылки полученной информации сама по себе являлась поразительным новшеством. Она могла очень долго оставаться необнаруженной. Он давал объявления в английские провинциальные газеты, а затем отправлял эти газеты своему голландскому корреспонденту.

Код, которым пользовался Мюллер, был в конце концов раскрыт специалистами из знаменитой «комнаты 40». И после казни Мюллера офицеры разведывательного отдела продолжали посылать немцам ложные сведения, пользуясь его методом. Более того, британская разведка долгое время получала от немцев денежные переводы в качестве

вознаграждения за эти сведения. Этот случай позволил контрразведке точно установить суммы, которые немцы платили своим агентам, и сроки получения этих сумм. После дела Мюллера британская секретная служба могла предупредить цензуру о необходимости отмечать получение подобных сумм, посылаемых через регулярные промежутки времени какому-либо адресату из нейтральных государств.

Нет сомнения, что самой совершенной организацией почтовой цензуры был знаменитый «черный кабинет» царской России. Сюда поступала главным образом корреспонденция высокопоставленных лиц; специальные чиновники открывали и прочитывали эту корреспонденцию, копировали или фотографировали ее и хранили в секретном порядке. В виду относительно ограниченного числа отправителей, считавшихся достаточно важными для такого внимания, чиновники, комфортабельно устроившиеся в почтовой конторе, изучали образцы почерков до тех пор, пока не приучались распознавать их по первому взгляду. Некоторые работники цензуры знали до 20 языков. Русские называли работу «черного кабинета» перлюстрацией¹.

Граф Игнатъев, в бытность свою киевским губернатором, неизменно посылал письма через доверенных людей, словно он являлся участником тайных заговоров. Такой крупный государственный деятель, как граф Витте, немало пострадал в начале своей карьеры потому, что ему ставили в вину его мнения по различным общественным

¹ Вскрытие и чтение писем без ведома адресата.

вопросам, откровенно высказанные им в его частной переписке. Общественные дела—вот тематическая мерка, прилагаемая ко всем письмам, которые проходили через «черный кабинет». Мы можем представить себе за работой цензоров, ищущих ясных указаний на измену или туманных признаков неудовлетворенности существующим режимом. После дней и недель чтения скучных и интимных личных дел, сплетен и абсолютно благонамеренной болтовни о пустяках, наконец, попадается словечко, которое случайно высказал какой-нибудь граф или великий князь, или генерал. Даже члены императорской семьи не были свободны от этого почтового наблюдения.

«Черный кабинет» имел отделения в Москве, Киеве и Одессе. Московское отделение называлось «тайной экспедицией» и состояло из начальника и восьми чиновников; киевское отделение располагало таким же штатом и было, по всей вероятности, наиболее активным из всех, так как его неутомимые чиновники были одновременно австро-германскими агентами. Если бы не обнаружение шпионажа в русской почтовой цензуре, то нам было бы гораздо меньше известно о ее тайной деятельности. Когда в киевском отделении «черного кабинета» были обнаружены агенты противника, они были арестованы и отданы под суд, как будто трещины в старом здании были столь велики, что не стоило уже ничего скрывать от общества.

Главный ответчик, Карл Зиверт, работал в цензуре около пятидесяти лет. Он с одинаковой добросовестностью работал на двух или больше хозяев и проявлял удивительное безразличие ко

всем политическим лагерям. Трое его главных помощников—Эдуард Хардак, Макс Шульц и Конрад Гузандер—были, подобно ему, по происхождению немцами, но давно уже жили в Киеве.

«Черный кабинет» в своей работе зашел так далеко, что просматривал почту местной тайной полиции.

В 1911 году Николай II посетил Киев (во время этого посещения в театре был убит Столыпин). Охрана царской свиты была поручена генералу Курлову, который приказал «черному кабинету» не трогать писем лиц из царской свиты. Зиверт не выполнил этого приказа.

На процессе Зиверта выяснилось, что он фотографировал письма, которые вдовствующая императрица писала адмиралам и главнокомандующим. Даже члены распутинской шайки не могли защитить своей переписки от Зиверта и его приспешников.

На процессе было доказано, что русские военные тайны Зивертом посылались в Вену еще до войны. Зиверт сообщил, что специальный электрический чайник, используемый для открывания паром обыкновенных конвертов, был изготовлен немецкой фирмой. Он объяснил также, что многие письма копировались от руки; если какое-либо слово или подпись были неразборчивы, то они фотографировались, и снимок вклеивался в надлежащее место текста, при чем все фотографические аппараты тоже были получены из Германии.

Всем всегда было понятно, что некая государственная организация открывает важные письма, и так как большая их часть запечатывалась

воском, то считалось, что для этого требовалась значительная ловкость. Специалисты и лекторы по вопросам военной разведки как в Европе, так и в Америке обычно рекомендовали использование нагретого лезвия для снятия печати с конвертов; по прочтении письма печать возвращается на прежнее место. Но Зиверт, которому приходилось открывать десятки писем с множеством печатей, нашел, что нагретое лезвие или проволока недостойны его перлюстрационного «гения». Очень часто нагретый металл повреждал конверт. В виду этого он изобрел небольшое приспособление, состоявшее из тонкой круглой палочки, диаметром в вязальную спицу, и расщепленное до половины своей длины. Палочка вводилась в запечатанный конверт у самого угла и проталкивалась до противоположного угла. Письмо попадало в щель. Затем палочка быстро вращалась в руке и письмо наматывалось на палочку, после чего следовало осторожным движением вытащить его, не растягивая конверта и не повреждая печати или печатей. Прочитанное и скопированное письмо снова наматывалось, на палочку, вкладывалось осторожно в конверт и разматывалось, после чего палочка снова вытягивалась обратно, а конверт у края приглаживался рукой. Письмо затем отправлялось по назначению в столь же хорошо запечатанном конверте, в каком оно поступало в «черный кабинет».

Тайная полиция

В современной Европе тайная полиция участвует в контрразведке; можно сказать, что полицейская служба дает практическую подготовку работникам секретной службы, выдвигая ряд толковых агентов и начальников для военной работы контрразведки. Тайная полиция в той или иной форме использовалась всеми древними династиями; величайшего могущества и искусства она достигла в XVI веке в Индии. Император Акбар организовал около 1556 г. тайную разведку, которая фактически управляла государством.

Шпионы для Акбара казались самым лучшим средством управления густонаселенной империей с чрезвычайно сложными общественными и религиозными взаимоотношениями. Один из индийских философствующих политиков заметил, что шпионы «умеряют усердие» чиновников. Особое место в системе секретной службы Акбара, невидимому, занимали донесения о путешественниках. Англичанин Джон Хоукинс, путешествовавший по Востоку в качестве посланца королевы Елизаветы, был очень недружелюбно встречен в Сурате Мокарруб-ханом. Хоукинс упорно продолжал путь до Агры. Но шпионы Акбара со своими донесениями опередили его. Когда английский адмирал вступил в город, его встретили с почетом, а на частной аудиенции император упомянул о всех неприятностях, случившихся в Сурате до того, как адмирал успел ему пожаловаться. Помимо выражений сожаления, посетителю дали понять, что в Сурате уже наведен порядок. Таким образом, шпионы помогали

всевидающему и всезнающему правителю держать народ в страхе.

Вся секретная служба в Индии поручалась главным образом мусорщикам. По закону два раза в день посылали их убирать все жилища, и, убирая мусор и отбросы, они прислушивались к все возможным разговорам. Все услышанное они передавали начальникам, донесения которых шли непосредственно императору. Материал не отбирался, и самые грязные сплетни, самые ничтожные перепалки соседей или соперников, все мелкие скандалы становились известными во дворце.

Подобной организации тайной полиции не существовало больше нигде, если не считать мощной организации средневековой церкви в Европе. Известный немецкий специалист по вопросам разведки фон-Деккер однажды сказал, что тайна, которую не может открыть духовное лицо или женщина, никогда не будет открыта. А приходский священник был духовным лицом, пользовавшимся огромным влиянием на своих прихожанок; таким образом, церковь располагала прекрасными, возможностями проникновения в местные тайны, и сводки местных донесений составляли серьезный разведывательный материал для архиепископов типа Вольсея или Ришелье.

Противники церкви всегда утверждали, что исповедь являлась средством секретной службы. Оставив в стороне споры, следует отметить, что до последнего столетия церковь подготовила много блестящих тайных агентов, шпионов и начальников секретных служб. Фушэ, Талейран, Демарэ были в прошлом священниками, которые умели

организовать и использовать службу тайной полиции. Кардинал Ришелье имел в своем распоряжении ловкого отца Жозефа дю Тремблей, который с помощью смелых и неразборчивых в средствах агентов раскрыл заговор Сен-Марса, следил за Австрией и ее союзниками, за австрийской королевой во Франции и далее пошел дальше заговорщицы Марии де Роган, герцогини Люннь и Шеврез.

Во Франции по сей день живы традиции, ведущие свое начало от Фушэ и его агентов. Все методы французской тайной полиции связаны с составлением так называемых «досье»—дел. «Досье» представляют собой полные сводки данных о всех жителях республики, которые могут представить какой-либо интерес, для властей; сюда относятся сведения о всех выдающихся людях и их родственниках, о лицах, стоящих на пути к славе, об их семейных отношениях и, наконец, о всех лицах, хотя бы отдаленно связанных с тем, что называется преступным миром.

Система «досье» нашла себе многочисленных подражателей. По ученики Штибера в Берлине применили ее к гражданам других «границ для целей разведки и секретной службы в случае войны. Германским агентам, отправленным за границу до 1914 г., было поручено сообщать все частные сведения, которые можно будет добыть о выдающихся в общественном отношении иностранцах и о членах их семей. В результате получилась энциклопедия современной скандальной хроники, в которой можно встретить тысячи имен людей, пользующихся известностью на своей родине, на которых можно, в случае

надобности, оказать давление, угрожая выдать их прегрешения, проступки или же семейные тайны.

Это была просто оптовая подготовка к официальному шантажу. Вряд ли предполагалось, что все эти люди, как бы они ни были запуганы, могли быть вынуждены давать информацию противнику. Но их можно было убедить в том, чтобы они оказали косвенное содействие или скрыли деятельность германских агентов в дни неизбежного конфликта.

Пропаганда, как средство секретной службы

Мировая война усовершенствовала новый вид нападения; наряду с обычными методами разведки в огромной степени развилась пропаганда, воздействующая на моральное состояние армии и гражданского населения.

Как со средством нападения, мы встречаемся с пропагандой, еще в древности. Воинственные греки прекрасно владели этим оружием. В мировую войну систематическая пропаганда выигрывала большие сражения и разоружила флот; она деморализовала народы и превратила десяток нерешительных нейтральных стран в энергичные воюющие страны. Целые роты и батальоны людей посвятили все свое время и все свои способности научно поставленной пропаганде; эти люди должны были обладать множеством разнообразных качеств, начиная от большой находчивости и способности к распространению новостей до выдающегося дара, убеждения.

Пропаганда, подобно бомбам, обрушивалась на боевые зоны, на неукрепленные города и будила миллионы умов. Артиллерия, требовала снарядов, пропаганда—бумаги и чернил. Пропаганда, велась посредством рисунков, пьес и песен для тех, кто предпочитал слушать, а не думать. За пять лет—с 1915 г. по 1920 г.—пропаганда превзошла все выдумки, какие когда-либо преподносились избирателям или восставшим массам.

Вскоре после начала войны в Европе воюющие страны начали убеждать себя и других в том, что ответственность за войну должна быть возложена на а противника. Каждая из воюющих сторон снимала с себя обвинение и оспаривала улики, предъявляемые другой стороной. Для целей пропаганды были мобилизованы люди, одаренные логическим мышлением. Люди обычно охотно верят тому, чему им хочется верить, и военная пропаганда должна всегда стремиться воздействовать на их чувства. В современных условиях, когда в войне принимает участие весь народ, что бы ни говорилось и ни писалось о неприятеле—все это не кажется слишком невероятным.

Пропаганда также является объектом работы контрразведки. Больше всего она контролировалась и пресекалась цензурой. Однако в Великобритании, Франции, Италии и Америке строгое наблюдение за опубликованием различных известий постоянно возбуждало всеобщее негодование и вызывало беспокойство. Здесь, пожалуй, цензура причинила больше зла, чем добра. Неприятельская пропаганда использовала это обстоятельство, так как наполовину информированные лица всегда жаждут

узнать все, а это—находка для пропагандиста. Другое дело, когда люди не привыкли читать и понимать. Они сбивают с толку пропагандиста своим полнейшим незнанием с тем, на чем зиждется его план.

Этим объясняется тот факт, что во время мировой войны австро-германская пропаганда не имела большого успеха среди русских войск и гражданского населения.

На итальянском фронте австро-германская разведка в начале октября 1917 г. собирала точную информацию о серьезных гражданских беспорядках в Северной Италии. В Турине происходили волнения, войска стреляли в народ, при разгоне толпы были убитые. Через агентов удалось узнать имена убитых и другие данные, известные всем жителям Турина и его окрестностей. Пропагандисты принялись за дело. В Австрии были напечатаны специальные номера хорошо известных в Северной Италии газет с потрясающими отчетами о происшедших волнениях и кровопролитиях. Были опубликованы списки убитых и пострадавших, даны редакционные пояснения, не стесненные цензурой военного времени и не щадящие власти. В конце октября в северную часть Гориции прибыли части из Пьемонта, и этим дивизиям с самолетов были сброшены пачки газет, датированных таким числом, что, казалось, они были изданы в Италии. Пьемонтцы прочли эти газеты—эффект потрясающий. Они решили вернуться домой, в Турин, и навести там порядок; неприступные окопы сразу опустели. Это случилось 24 октября, а 25 октября произошло сражение при Капоретто. Фронт на Изонцо был прорван, несмотря на то, что

численность итальянских войск относилась к численности австрийских войск, как семь к четырем. При отступлении итальянцы потеряли около полумиллиона человек убитыми и пленными; дойдя до Пиаве, итальянцы остановили наступление, австрийцев с помощью своевременно подоспевши шести французских и пяти британских дивизий.

В последние месяцы войны, то-есть с июля по ноябрь 1918 г., осторожная и непрерывная пропаганда союзников постепенно оказала свое разъедающее влияние; заключение мира стало неизбежным. Турция, Болгария и Австро-Венгрия отошли от Германии, оставив ее в одиночестве.

Подобно всяким другим средствам, пропаганда может причинить серьезный вред тому делу, которому она призвана служить.

В начале войны французы, пытаясь оттянуть войну, задерживали мобилизацию, что привело к большому беспорядку и численному превосходству противника на левом фланге. Однако французские кавалерийские дозоры перешли границу Лотарингии, это и было использовано немецкой пропагандой для того, чтобы убедить немецкий народ, что Германия является страной обороняющейся.

Америка вступила в войну, и немцы могли бы испугаться этого, если бы не официальные уверения в том, что американцы руководствуются просто жадностью, располагая совершенно неопытной, неподготовленной и малочисленной армией. После создания большой американской армии и прибытия ее на Европейский континент, пропагандисты союзников, работавшие в

нейтральных странах, позаботились о том, чтобы немцы получили неправильные сведения о численности неприятельских сил. Узнав из донесений агентов о плохом состоянии французских железных дорог, германский штаб утверждал, что Франция может допустить десант крупных американских сил, но никогда не сможет предоставить средств а для доставки этих сил на фронт.

Американцы быстро построили собственную железную дорогу, привезли свой подвижной состав и перебросили на фронт миллионы бойцов. Таким образом, население Германии и Австрии пережило еще одно тяжелое разочарование.

Союзники поражались тому, что шестидесяти миллионам человек можно было втереть очки и давать такую фальшивую информацию. Немцы верили, что будто бы население Англии умирало от голода, а Лондон превращен в развалины цеппелинами.

Начальник британской морской разведывательной службы сэр Реджинальд Холл быстро изобрел то множество средств воздействия на общественное мнение противника. Но в одном случае Холл пустил слух, который рикошетом ударился по Англии. В декабре 1914 г. Холл распространил слух в Германии о том, что британский флот сосредоточивает силы для прикрытия десанта британских войск на севере Голландии, между Лисок и Везером. Этот слух дошел непосредственно до германского главного штаба и был принят за чистую монету. Немцы так серьезно этому поверили, что в угрожаемый район послали запасные дивизии. Эта мера встревожила

Гаагу. Весть о движении запасных дивизий перелетела через Северное море и обеспокоила англичан. Агенты разведывательного корпуса британской армии сообщали о необъяснимом присутствии немецких сил на побережье. В свою очередь британское командование тоже вынуждено было быть наготове. Только после нескольких дней большого напряжения нервов с обеих сторон Холл узнал, что результат мистификации превзошел его ожидания, и положил конец беспокойству военного штаба в Уайтхолле.

Задание по пропаганде никогда не должно поручаться агентам разведки. Талантливые разведчики, пытавшиеся заняться заодно и пропагандой, неизменно раскисались в этом, а Некоторые, наиболее безрассудные, поплатились за эту попытку жизнью. Боло Паша, который занимался изготовлением мыла и спекулировал по всей Южной Европе, был талантливым заговорщиком. Но в 1914 г. он, получив от американских банков крупные суммы, приехал во Францию и приступил к приобретению газет, с помощью которых он собирался пропагандировать идеи пораженчества; по замыслу Германии подобная пропаганда должна была разложить французские войска на фронте. Боло смог получить в свое распоряжение только незначительные, жалкие листки, не имевшие никакого влияния в стране. Когда он стал добиваться покупки крупной газеты и, наконец, получил «Ле журнал» сенатора Гумберта, то его песенка была спета. Человек, нашедший внезапно большие средства и купавший газеты в момент, когда общественное мнение играло решающую

роль, сразу же навлек на себя подозрение. Голос пораженчества, звучавший в мелкой прессе Боло, вскоре был заглушён голосом Боло, оправдывавшимся на суде. Его расстреляли.

В 1915 г. германские агенты посылались в Америку не для разведывательных целей, а для пропаганды. Им поручали распространять слухи против своих соотечественников, живущих в Германии и за границей. Они распространяли вымышленные факты, унижающие германское достоинство. Какова же была цель этой странной кампании? Немцы предполагали, что как только общественность Америки поймет, что распространяемые слухи не соответствуют действительности, она отнесет их за счет происков союзников.

Но в конце концов этот план провалился и, несомненно, был использован пропагандой союзников. Около двух третей рассказов про немецкие зверства были вымышленными. Но одна треть, как, например, разрушение Лувена, расстрел мисс Кавель и капитана Фриатт, была правдой.

„Правда“, 9, 10, 11, 12 июня 1937 г.

АЛ. ХАМАДАН. ЯПОНСКИЙ ШПИОНАЖ

Шпионаж и разведка занимают исключительное место во всех областях японской политики. «Военная разведка, политический и экономический шпионаж предшествуют, готовят почву для осуществления японских захватов на азиатском материке»,—пишет шанхайский журнал «Чайна уикли ревью».

Грандиозных размеров достигает шпионаж внутри Японии. Щупальца политической полиции проникают, присасываются к самым различным слоям населения страны. Все области жизни: труд, быт, культура—подчинены полицейскому контролю. В стране господствует система слежки и доноса. В школах, поучают детей: сообщайте в полицию все, что вам кажется подозрительным, даже если это касается ваших родителей. Детей приучают к шпионажу и доносам, рисуя им картины «гибнущей» и «спасенной» империи.

Особую ненависть культивируют правящие классы Японии среди населения по отношению к иностранцам. Каждый шаг иностранца, живущего в Японии, каждое его слово немедленно становятся известными полиции.

Дело дошло до того, что, как рассказывает в своей книге английский профессор О'Конрой¹, в одном из полицейских участков Токио было вывешено следующее официальное извещение: «Кара-беру Форбс» («караберу» означает: «тщательно следи, следуй за каждым движением и

¹ Т. О'Конрой "Японская угроза". Книга переведена на русский язык. Издана Соцэкгизом в 1934 году.

наблюдай», а Форбс—бывший американский посол в Японии). Конрой приводит в своей книге выдержку из объявления полицейского управления Токио, в котором сказано, что полицейские власти Токио «охотно будут получать тайные сообщения от граждан». Комментируя объявление, Конрой пишет, что это «означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения».

В не меньшей мере развиты японский шпионаж и разведка за пределами империи. Центральными объектами зарубежного шпионажа и разведки являются Китай, Соединенные штаты Америки, Англия, Советский Союз. Японские шпионы и разведчики действуют в этих странах под самыми разнообразными личинами: дипломатов и парикмахеров, священников и военных атташе, коммерсантов и фотографов. Огромная армия японских шпионов и разведчиков орудует почти во всех странах мира, даже в таких отдаленных от Японии, казалось бы, не представляющих для нее непосредственного военно-политического интереса, как Иран, Афганистан, Турция, Греция, страны Прибалтики.

Руководство шпионажем и разведкой за рубежом сосредоточено в генеральном штабе армии. 2-й отдел генштаба направляет, регулирует и организует всю шпионскую разведывательную деятельность ¹. Функции этого органа не

¹ Руководство военно-морской разведкой сосредоточено в морском генеральном штабе. Морская разведка совершенно независима в своих действиях от разведывательного отдела генштаба армии.

ограничиваются только военной разведкой: он занимается также политическим' и экономическим шпионажем, организацией политических диверсий в различных странах и подготовкой кадров для самых «тонких» отраслей своей деятельности.

В распоряжении генерального штаба находится обширный военно-разведывательный аппарат. Под общим руководством генштаба разведывательную работу ведут штабы воинских соединений: в первую очередь штабы квантунской (японская оккупационная армия в Манчжурии) и корейской армии, а также штаб японского гарнизона и Северном Китае, военные атташе, военные миссии и т. д.

Наряду с этим японский генштаб располагает широко разветвленной сетью подсобных разведывательных органов: всякого рода «гражданских», «патриотических» и тому подобных организаций, привлекаемых к выполнению шпионских и диверсионных заданий за границей. Такого рода организации, обычно маскирующиеся крайне шовинистическими и «патриотическими» лозунгами, представляют собой, по сути дела, не что иное, как законспирированные органы разведки: они выполняют «особо деликатные» поручения в тех случаях, когда разведчики в офицерских мундирах, по тем или иным соображениям, предпочитают оставаться в тени.

Зарубежная шпионско-диверсионная сеть, созданная этими организациями «истинно японских патриотов» по заданиям генерального штаба, насчитывает несколько тысяч агентов. Генеральный штаб широко финансирует проводимую им подготовку шпионов, разведчиков, диверсантов и

террористов. Для подготовки шпионских кадров созданы специальные курсы и школы.

Среди целого ряда вспомогательных разведывательных органов, тесно связанных с японской военщиной, наиболее характерна фашистская террористическая организация «Черный дракон» (по-японски «Кокурюкай»), «Кокурюкай» возникла в 1901 году в виде непримиримо националистской, ультрапатриотической организации, выдвигавшей программу захвата Манчжурии и русского Дальнего Востока. Эти «патриотические» задачи «Черного дракона» тесно переплетались с активной шпионско-диверсионной работой по заданиям 2-го отдела генерального штаба.

Большую роль «Черный дракон» сыграл в период русско-японской войны, организуя, по заданиям генштаба, шпионаж, разведку и диверсии в тылах царской армии.

Японское правительство расходовало колоссальные суммы на шпионаж и диверсии в царской России во время русско-японской войны. Карл Гельферих в своей книге «Золото в русско-японской войне», изданной в Берлине в 1905 году, рассказывает, что только в 1904 году японское правительство ассигновало 120 миллионов золотых иен на покрытие расходов по разведке в царской России, на организацию шпионской агентурной сети и диверсионных актов.

Материалы некоторых источников проливают свет на деятельность японской разведки в период войны с царской Россией. Небезызвестный эсеровский провокатор Азеф долгое время был агентом «Черного дракона». Знаменитый

провокатор поп Гапон занимался шпионажем в пользу Японии, получая «наградные» от японского военного атташе в Стокгольме (Швеция). У этого атташе получал субсидии и Пилсудский взамен шпионских услуг, которые он оказывал японской разведке.

О разветвленности агентуры японской разведки в царской России свидетельствует тот факт, что японское командование во время войны 1905 года знало о всех важнейших решениях высшего русского командования. Например в Токио уже 1 июня знали о секретном решении русского командования начать операцию под Вафаньгоу (Манчжурия), принятом 31 мая. Переговоры об этом важнейшем военном мероприятии велись между Куропаткиным, военным министром, царским наместником и царем путем зашифрованных телеграмм. Японские шпионы через свою агентуру нашли ключи к этим секретным шифрам. И вполне естественно, что японское командование подготовилось к наступлению русских войск. Но японская разведка активно действовала не только на территории царской России: японская агентура проводила большую работу по срыву военных заказов царского правительства за границей. Заказ на 500 тысяч шрапнельных снарядов, размещенный на австрийских, военных заводах, был выполнен вследствие деятельности японских агентов так, что в канал дистанционных трубок к этим снарядам порох насыпан не был. Естественно, ни один снаряд не мог разорваться.

Школу «Черного дракона», т. е. японской разведки, прошли и многие нынешние политические и военные деятели Японии. Бывший японский

премьер Коки Хирота начал свою политическую карьеру в 1904—1905 годах в качестве рядового агента «Черного дракона» в Корее и Манчжурии. Сам Хирота в своих воспоминаниях, опубликованных в 1935 году в японском журнале «Гендай», не только подробно описал свою деятельность в качестве агента разведки, но и призывал японскую молодежь последовать его примеру.

Незадолго до начала русско-японской войны Хирота, учившийся в университете в Токио, был вызван поздно ночью в министерство иностранных дел. Начальник разведывательного отдела этого министерства Ямадза заявил Хирота, что война между Россией и Японией неминуема. «Вы должны будете поехать в Россию для того, чтобы вести там разведывательную работу,—заявил Ямадза Хирота.—Вы поедете вдвоем. Один из вас поедет через Владивосток в Сибирь, а другой—через Корею в Манчжурию. Вас, студентов, посылают чрезвычайно удобно: вы поедете будто бы для того, чтобы использовать свой отпуск в России с целью изучения языка (русского) на практике».

«После этого разговора,—пишет Хирота,—мы получили от Ямадза необходимые денежные суммы, инструкции и наставления о необходимости соблюдать осторожность. Мой друг выехал через Владивосток в Сибирь, а я через Корею в Манчжурию. Я побывал в Дайрене, в порту Инкоу, Порт-Артуре, Наньцзяне, Мукдене и других пунктах, детально обследовал укрепленные пункты русских войск, воинские части и т. д. и вернулся в Токио...»

Арита, бывший министр иностранных дел в кабинете Хирота, прошел точно такую же школу.

Многие японские дипломаты, в том числе Мусьякодзи (нынешний посол в Германии) и Ота (бывший посол в Москве), тесно связаны с главой «Черного дракона» Мицуру Тояма.

Несмотря на то, что влияние «Черного дракона» в современной Японии значительно уменьшилось, Мицуру Тояма и поныне остается одной из наиболее авторитетных фигур в кругах реакционных, военно-фашистских террористических организаций. Японская печать именует Мицуру Тояма «диктатором за кулисами». Правый французский журнал «Ле докюман» (апрель 1936 года) следующим образом характеризует деятельность Тояма:

«Пора поговорить о Тояма. Его жизнь является цепью неслыханных авантюр...

Он вымогает огромные суммы, используя их для своей организации. Он вызывает беспорядки в Китае, Британской Индии. В Японии он свергает премьеров и министров, назначает своих сторонников. На его счету бесчисленное множество убийств. Его рука чувствуется в военном восстании в Токио 26 февраля 1936 года, которое явилось ответом на успехи умеренных в о время парламентских выборов. У него видные ученики: бывший премьер Инукаи, который был убит по его же приказу; барон Хиранума (ныне председатель тайного совета), звезда которого сейчас поднимается; теперешний премьер Хирота (в феврале 1937 года вынужден был выйти в отставку. —**Ал. Х.**); генерал Доихара и сотни других».

Японская разведка работает по строго разработанным методам, и системе. Как правило,

японская разведка проводит широкую вербовку агентов.

При подборе шпионов для Китая среди японцев вербуются в первую очередь те, кто знает китайский язык, страну и ее обычаи; преимущества получают лица, родившиеся в Китае и долго прожившие там. Среди китайцев вербуются главным образом те, кто учился или родился в Японии. Расчет в первом случае делается на глубокое знание страны, скрадывание акцента в разговорной речи, некоторую ассимиляцию, порой позволяющую агенту выдавать себя за китайца, родившегося или жившего в Японии. Во втором случае—длительная обработка во время пребывания китайцев в Японии и т. д. Наряду с этим разведывательные органы весьма охотно принимают на работу японцев—буддийских священников. Эти агенты, как правило, хорошо знают китайский язык, знакомы с историей и культурой Китая, а это значительно облегчает их шпионскую работу.

Заслуживает внимания принцип подбора агентуры для работы в странах Европы и Америки. Как правило, японская шпионская агентура, например в Англии, состоит из американцев, немцев, французов. Конечно, особое предпочтение отдается англичанам. Главная задача японских шпионских центров сводится к созданию широкой агентурной сети среди местного населения. Для шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР японская разведка наряду с белогвардейцами весьма охотно вербует троцкистов и других врагов народа.

В арсенале японских шпионов и разведчиков имеются самые различные способы «работы»:

шантаж, подкуп, террор, отравления, грабежи, убийства, взрывы, поджоги, организация крушений поездов и т. д. и т. п.

Японский шпионаж в Британской империи и Соединенных штатах Америки

Главное внимание, как мы уже отмечали, японские разведывательные органы уделяют шпионажу и подрывной деятельности в США, Китае, Британской империи и Советском Союзе. На службе японской разведки находятся иностранцы, люди самых различных национальностей и профессий: англичане (например Требич-Линкольн, бывший член английского парламента, известный под кличкой «монах Чжао Кун»), индусы (например Пратап, именуемый-японцами «оппозиционным деятелем» Индии), китайцы, американцы, немцы, поляки, русские белогвардейцы и т. д.

Деятельность агентов японской разведки, в частности «Черного дракона», в Индии и других английских колониях достигла настолько больших размеров, что, как заявляет журнал «Чайна уикли ревью», «британское правительство считает в настоящее время более полезным молчать об активности «Черного дракона» в Индии и других восточных владениях Англии, прибегая к другим средствам борьбы».

Но не только в Индии орудуют японские шпионы: в Австралии, Сингапуре, Новой Зеландии и, наконец, в самой Англии щупальца японской разведки присосались к важнейшим государственным учреждениям. Главным объектом

японской разведки в Британской империи являются военно-морской флот и военная промышленность. Токийский морской генеральный штаб регулярно получает донесения не только о выполнении тех или иных военно-строительных программ Англии, но и детальнейшие обзоры о состоянии различных отраслей военной и судостроительной промышленности.

Японское морское министерство систематически получает точные копии секретных документов британского адмиралтейства.

«Подобная информация,—пишет журнал «Чайна уикли ревью»,—стоит огромных сумм и большой энергии. Но это факт, что такая информация находится всегда в распоряжении японской разведки, обладающей широкой агентурной сетью. «Интеллидженс сервис» (английская разведка) предпринимает особые контрмеры. Несомненно, «Интеллидженс сервис» располагает не менее важными данными о японских планах.

...Поединок между английской и японской разведками приобрел обостренный характер. Японцы утверждают, что они лучше организовали разведку чем англичане, заимствуя наиболее ценное из английской и германской системы разведывательной службы... Во всяком случае, в Азии японская разведка обгоняет своего английского соперника. Японцам здесь помогает их расовая принадлежность. Как бы англичанин ни старался, ему трудно превратиться в китайца. Японцы же часто очень похожи на китайцев. Японцы и китайцы принадлежат к одной расе—это большое преимущество для японской разведки. Не м-е-нее важную роль играет и знание языка.

Изучение китайского языка трудно даже для японцев и почти недоступно англичанам.

...Японская разведка весьма прочно обосновалась в английском Гонгконге. Она неотступно следит за Малайским полуостровом, Сингапуром и Индонезией...»

Журнал приводит любопытнейшую выдержку из речи японского вице-адмирала. Имамура, прибывшего с официальным визитом в Австралию (английский доминион). На секретном собрании японских резидентов в Сиднее Имамура заявил: «Мы просим вас, наших соотечественников, посвятить всю свою энергию нашей стране; поддерживайте теснейшую связь с вашим консулом, который будет всегда благодарен вам за любую информацию, которую вы сумеете раздобыть и доставить ему».

Комментарии к этому, вполне ясному призыву к шпионажу излишни.»

* * *

Японский шпионаж в США носит еще более активный характер нежели в Британской империи. Во всех важнейших пунктах страны находятся официальные и неофициальные японские шпионы, «наблюдатели», «исследователи» и т. п. В свое время иностранная печать отмечала не лишенный интереса факт: на одной из улиц Нью-Йорка большое помещение было занято учреждением, на маленькой вывеске которого написано: «Военное министерство Японии. Исследовательское бюро в Нью-Йорке». Точно такое же бюро содержит в Сан-Франциско (США, Калифорния) военно-морское

министерство Японии. Формально эти бюро «изучают» американское народное хозяйство, фактически они являются шпионскими центрами. Иными словами, японский шпионаж и разведка располагают в США вполне легальными условиями для развертывания своей деятельности.

В 1936 году в США был раскрыт целый ряд крупных японских шпионских организаций. Объектами шпионажа всех этих организаций являлись американский военно-морской флот, кораблестроительная промышленность и военно-морские базы. Американец Гарри Томсон, бывший морской офицер, завербованный японскими официальными представителями в США, собирал сведения о состоянии отдельных военных кораблей. Он похищал судовые журналы, сигнальные коды, планы и секретные шифры. Все эти документы передавались им японскому морскому офицеру Миязаки, находившемуся в составе японского посольства в США. После ареста Томсона американскими властями Миязаки тайно покинул пределы Соединенных штатов Америки. Вскоре после разоблачения Томсона был арестован другой американец, также бывший морской офицер, Джон Фарнсуорс.

Из сообщений американской печати выясняется, что Фарнсуорс—шпион более «крупного масштаба» нежели Томсон. Он был непосредственно связан с японским морским атташе в США и его помощниками. Фарнсуорс находился на японской секретной службе в течение нескольких лет. Формула обвинения Фарнсуорса гласит, что он и японские официальные представители «сознательно, незаконно и за деньги вошли в

заговор друг с другом и с другими лицами для передачи японскому правительству документов, относящихся к национальной обороне США, в целях причинить ущерб США к выгоде Японии».

Характерно, что в обвинительном заключении по делу Фарнсуорса американские власти назвали полностью имена всех японских дипломатов, связанных с обвиняемым в шпионаже Фарнсуорсом.

Как сообщает американская печать, Фарнсуорс, используя свои связи в военно-морских кругах США, получил доступ к секретным документам. Ему удалось похитить совершенно секретные наставления по тактике морского боя американского флота и передать их японским «дипломатам». Точно таким же путем он раздобыл секретные данные о мощности артиллерии на кораблях американского флота, о мощности и состоянии морской авиации и целый ряд других исключительно важных военных сведений.

Фарнсуорс—шпион с многолетним опытом, обладающий огромной памятью и большими военными и техническими познаниями. Ему достаточно было, как сообщала иностранная печать, один раз взглянуть на ту или иную конструкцию машины или на чертежи, чтобы затем точно воспроизвести их. Эти качества Фарнсуорса высоко ценились японской разведкой, которая широко использовала этого агента. Японская разведка при помощи Фарнсуорса постоянно находилась в курсе всех военных тайн США. Это обстоятельство вынудило военно-морские власти США сейчас же после ареста Фарнсуорса пересмотреть тактику морского боя, изменить все секретные коды, шифры и т. д.

В феврале 1937 года американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила о раскрытии в Гаванне (остров Куба) японского шпионского центра во главе с японцем Осава. На допросе Осава вынужден был признаться в том, что возглавляемая им группа японских разведчиков занималась «добыванием военно-морских секретных планов Соединенных штатов Америки». На квартире Осава были обнаружены планы военно-морских гаваней Нью-Йорка и Норфолька (штат Вирджиния), американские секретные шифры и подробный план американской военно-морской базы на Кубе—Гуантанамо. Из показаний Осава выясняется, что вместе с ним шпионажем занимались официальные дипломатические представители Японии в Соединенных штатах Америки. Рядовые японские шпионы, входившие в группу Осава, выдавали себя за японских крестьян-эмигрантов.

Японские разведчики принимают самые разнообразные личины для того, чтобы обеспечить свою Деятельность на территории Соединенных штатов Америки. Члены американского конгресса (парламента) Даймонд и Сирович выступили недавно с заявлениями, в которых требовали от правительства Соединенных штатов Америки принять меры против деятельности... японских рыболовов. Оказывается, эти «рыбаки» все свое время посвящают фотографической съемке американского побережья Тихого океана и Аляски, составляют карты, зарисовки и т. д. «Япония,— заявил Даймонд,— знает о береговой линии Аляски и об Алеутских островах столько же, сколько и мы, а возможно, и значительно больше».

Исключительное внимание японская разведка уделяет Панаме. В данном случае Японию не столько интересует Панама, сколько знаменитый Панамский канал. Дело в том, что этот канал дает Соединенным штатам Америки возможность в случае японо-американской войны в кратчайший срок перебросить флот из Атлантического океана в Тихий. Японцы тщательно, самым кропотливым образом создают в зоне Панамского канала широко разветвленную сеть разведчиков, диверсантов и шпионов для того, чтобы в момент войны немедленно вывести канал из строя. Подобная операция в случае ее удачного выполнения нанесла бы тяжелый удар Соединенным штатам Америки. Последствия такой операции могут оказаться роковыми для тихоокеанской эскадры американского флота, которая осталась бы отрезанной на долгое время от атлантической эскадры Соединенных штатов Америки.

Газета «Панама-Америкэн» поместила статью, которая с тревогой отмечает растущую угрозу Панамскому каналу со стороны японских шпионов и диверсантов. Форт Рандольф—важный стратегический пункт Панамского канала—кишит японскими шпионами, выдающими себя за портных, парикмахеров, фотографов и т. д. «Эта японская оккупационная армия,—пишет газета,—будто бы вооруженная бритвами и иглами, многочисленна и подвижна. Она в состоянии разрушить канал в течение часа в любую ночь, несмотря на предосторожность наших адмиралов и генералов».

На тему о Панамском канале в последние годы в Японии написано много «повестей» и «романов». Разрушение этого канала изображается как

героический подвиг. Авторы некоторых «романов» подобного рода откровенно живописуют то, как японские шпионы и диверсанты взрывают этот канал в начале японо-американской войны, когда атлантическая эскадра Соединенных штатов Америки направляется к нему, торопясь на помощь тихоокеанской эскадре.

Китай в сетях японской разведки

Многотысячная разведывательная агентура японского генерального штаба и имеющаяся в его распоряжении обширная вспомогательная сеть шпионов и диверсантов разбросаны по всему Китаю. Зачастую японские агенты находятся в Китае на государственной службе. В связи с этим следует привести выдержку из японской газеты, которая свидетельствует о связях главы «Черного дракона» Мицуру Тояма с правительственными кругами Китая.

«Мицуру Тояма,—пишет газета «Нироку» от 12 ноября 1936 года,—озабоченный состоянием японо-китайских отношений, решил посетить Нанкин (столица Китая). Тояма имеет специальную связь с руководителями нанкинского правительства с давних времен. Среди теперешнего руководящего состава нанкинского правительства имеется еще много людей, пользующихся покровительством г-на Тояма. Министр иностранных дел Арита (подал в отставку в феврале 1937 года вместе со всем кабинетом Хирота—**Ал. Х.**) и другие выражают г-ну Тояма благодарность и возлагают большие надежды на его работу в Китае».

Один из старых агентов японской разведки—небезызвестный атаман Семенов—руководит всей шпионской и диверсионной деятельностью белогвардейцев в Манчжурии. Во Внутренней Монголии (провинции Чахар, Суйюань) шпионскую агентуру, работающую по заданиям японского генштаба, возглавляет Ясугуро Садзаки (клички: «Белобородый отшельник», «Король Монголии»), Имя этого «отшельника» тесно связано со шпионажем и диверсиями во Внутренней Монголии, провинциях Ганьсу, Нинся, Синьцзяне, Тибете и в соседних странах.

Недавно во Внутреннюю Монголию, очевидно в целях усиления деятельности шпионской агентуры, был послан известный японский разведчик «доктор» Морисима. Этот «доктор» ныне возглавляет японскую военную миссию в Калгане (главный город провинции Чахар).

Во всех без исключения городах Китая находятся японские разведчики. Формально они заняты совершенно «невинным» делом фотографов, парикмахеров, монахов, лавочников, содержателей публичных домов, опекурилен. Фактически они тщательно изучают свои районы, собирают информацию, составляют подробные военно-географические карты, фотографируют важнейшие стратегические участки, создают агентурную сеть среди местного населения. Весьма часто японские разведчики действуют в качестве представителей «культурных» обществ, торговых фирм и т. п. В конце 1936 года в крупном центре Хэнаньской провинции—в городе Чженчжоу—была раскрыта японская шпионская организация, подготовлявшая отрыв этой провинции от Китая. Шпионы

замаскировали свою деятельность, организовав «культурную ассоциацию». Как выяснилось затем, эта «культурная ассоциация» собирала сведения о китайской армии, организовала «движение за автономию Хэнани», подготавливала взрывы мостов, разрушение железных дорог и, наконец, располагала секретной радиостанцией, при помощи которой передавала всю шпионскую информацию в штаб квантунской армии.

Там, где не помогают угрозы и подкупы, японские разведчики прибегают к более «сильно действующим средствам». Японская агентура сумела прибрать к своим рукам известного князя Внутренней Монголии Де Вана. Однако дальнейшая вербовка агентов наткнулась на упорное сопротивление группы монгольских князей, пожелавших добровольно лезть в японское ярмо. Эта группа состояла из князей Со, Эрек Сечена и Шалабу Дорчжи. В октябре 1936 года, когда началась подготовка японского наступления на провинцию Суйюань, «внезапно умирает» Эрек Сечен, затем Шалабу Дорчжи. Незадолго до этого— загадочная смерть князя Со. Суйюаньская газета «Баотоужибоао» сообщает, что эта группа князей была настроена резко антияпонски. Газета добавляет, что князья были отравлены.

Секретный доклад японского разведчика

Перед нами исключительно важный документ— секретный доклад ¹ генерал-майора Мацумуро, представленный им конференции японских военных агентов в Китае, созванной штабом квантунской армии. На конференции, которая состоялась в октябре 1936 года в Чаньчуне (столица Манчжоу-Го), участвовали представители токийского генерального штаба. Для того чтобы правильно оценить значение этого доклада, необходимо сказать, что представляет собой его автор. Генерал Мацумуро—опытный японский разведчик, большую часть своей жизни уделивший «специальной работе» в странах Дальнего Востока. Проведя много лет на службе 2-го отдела генштаба, он, естественно, стал «большим знатоком Китая и Монголии», как аттестует его газета «Джапан таймс». В 1936 году Мацумуро после длительного «ознакомительного путешествия» по Монголии и Китаю был назначен начальником «специальной службы» (главный орган японской разведки в Китае) штаба квантунской армии. Он заменил на этом посту небезызвестного генерала Доихара. Последнее обстоятельство свидетельствует о той большой роли, которую играет Мацумуро в осуществлении японской внешней политики.

¹ Американский журнал „Чайна уикли ревью“, издающийся в Шанхае, опубликовал в номере от 13 февраля 1937 года значительную, наиболее важную часть „Меморандума генерал-майора Мацумуро“. Этот документ, как указывает журнал, получил большое распространение в Китае в виде отдельной брошюры.

Доклад генерала Мацумуро целиком посвящен разработке методов дальнейшего закабаления Китая.

«Совершенно очевидно,—пишет этот разведчик,—что территории, захваченные нами с целью получения сырья, должны быть тесно связаны с нашей империей. Вот почему была оккупирована Манчжурия вслед за мукденским инцидентом 1931 года (по японской версии, взрыв полотна ЮМЖД возле Мукдена в сентябре 1931 года.—**Ал. Х.**). Если наша манчжуро-монгольская политика вообще что-нибудь означает, то она направлена к тому, чтобы вслед за первой территорией (Манчжурия) захватить вторую (Монголия), исключительное стратегическое значение которой заставляет нас непрерывно действовать в этом направлении.

...В последнее время начата подготовка специальных агентов, которые, однако, неохотно едут в Монголию из-за трудных условий жизни...

Посылкой нашего авангарда—разведчиков в глубь Северного Китая—мы добиваемся того, что различные проянонские элементы действуют в разных пунктах. Этим самым мы постепенно получаем контроль над всеми военными властями в Северном Китае. Для того чтобы испытать местных чиновников, мы занимались контрабандой и подкупами...»

Откровенность японского разведчика заслуживает внимания. Он, не маскируясь (опубликование доклада, конечно, не входило в расчеты Мацумуро), описывает методы, которые японцы применяют для подготовки новых агрессивных выступлений.

Из этой части доклада Мацумуро становится ясной очередная задача японских империалистов— захват Внутренней Монголии и Северного Китая. В начале своего доклада Мацумуро усиленно подчеркивает значение этих китайских территорий как крупнейших источников сырья и рынков сбыта. «Население,—указывает он,—которое составит основу наших будущих рынков (если мы будем считать провинции Хэбей, Шаньдун, Шаньси, Чахар, Суйюапъ, Шэньси и Хенань), достигает 100 миллионов человек, т. е. втрое больше чем в Манчжурии. Кроме того Северный Китай является для всего Китая главным поставщиком сырья: угля, железа, хлопка, нефти и пшеницы».

Много внимания Мацумуро уделяет той благоприятной обстановке, которая позволяет японским шпионам и разведчикам безнаказанно орудовать в Северном Китае. И следует отдать ему должное: его замечания соответствуют действительности.

«Нашим подданным,—подчеркивает он,—занимающимся определенной деятельностью (шпионажем.—**Ал. Х.**) в Северном Китае, редко приходится быть объектами преследований. Китайские чиновники редко протестуют даже по поводу незаконной деятельности наших агентов. Японские консульства почти никогда не получают таких жалоб от китайских властей. Деятельность наших агентов сыграла очень большую роль. Она выявила податливость и неспособность китайских чиновников к сопротивлению. Это обстоятельство, однако, вызывает недовольстве широких масс. С тех пор как Манчжурия оказалась под нашим контролем, мы прекратили на ее территории

активную деятельность. Но в, Северном Китае, где наши агенты действуют гораздо смелее и более незаконно, чем это было в Манчжурии до мукденского инцидента, дело обстоит иначе. Приток этих агентов (шпионов.—**Ал. Х.**) из Манчжурии в Северный Китай принесет должный эффект».

Мацумуро—об этом говорит вторая часть его секретного доклада—прекрасно понимает, что прямой военный захват Северного Китая и Внутренней Монголии (за исключением тех территорий, которые уже контролируются японцами) создаст большие затруднения для японского империализма. Безудержная японская агрессия и проводимая китайскими властями политика уступок и непротивления вызвали в стране мощное движение за единый национальный антияпонский фронт борьбы.

Опытный разведчик не может не учитывать этого грозного фактора, могущего опрокинуть все японские захватнические планы: Вот почему Мацумуро предлагает новый подрывной план—предварительную подготовку шпионами и прояпонскими элементами за хвата Северного Китая. Японская разведка использует уже новые методы агрессии—насыщение всего аппарата власти этой части Китая японскими ставленниками.

Мацумуро без всякого стеснения говорит: «Если Японии нужен предлог для нового вторжения в Китай, то его очень легко найти. Это делает особенно смешной ту необычайную осторожность китайских властей, которые стараются избежать какого-либо оскорбления Японии». Но он сам отвергает этот излюбленный японцами метод захватов. В специальной главе своего доклада

Мацумуро подробнейшим образом излагает содержание «нового курса» японской агрессивной политики в Китае.

«Наши задачи в Китае,—читаем в этой главе,—должны базироваться на принципе номинального китайского контроля. Основой этого принципа является отказ от оккупации вооруженными силами новых территорий Китая, так как это может вызвать только новые осложнения для нас. Наиболее верный путь—поставить пользующихся влиянием китайцев во главе многочисленных автономных и независимых государств. В первой стадии это обеспечит для нас север и северозапад Китая... Север и северозапад Китая, которые образуют внешний барьер для Манчжоу-го, могут служить буферной зоной, имеющей большое военное значение.

Создание таких зон означает, во-первых, предъявление Китаю одного территориального требования за другим. Это должно проводиться до окончательного подавления стремления Китая добиться возвращения потерянных территорий. Наконец, когда север и северозапад Китая будут под нашим контролем, мы можем продвигаться в восточную и южную части Китая. Это окончательно подчинит нам Китай и постепенно разрушит его национальное правительство. Тогда можно будет создать по всему Китаю отдельные независимые государства под японским контролем. Эти планы имеют много шансов на успех в Китае. Победа без войны—вот как можно сформулировать сущность этих планов».

Заканчивая эту главу, Мацумуро приходит к следующим практическим выводам.

«Мы должны,—отмечает он,—пользоваться теперь новыми методами в нашей деятельности и добиваться следующих целей:

1. Контроль над различными местными правителями и оказание им помощи в подавлении антияпонских элементов.

2. Строго следить и мешать стремлению к объединению страны, осуществлению планов национальной самообороны, созданию единого антияпонского фронта, а также мешать образованию единого фронта между отдельными группировками, возглавляемыми генералами Фын Юй-сяном, Ян Си-шаном, Чжан Сюэ-ляном, и китайской красной армией».

Программа генерала Мацумуро, как это явствует из приведенных нами отрывков, отличается от других японских документов подобного рода целым рядом новых моментов. Японские империалисты не могут не считаться, как мы уже отмечали это, со значительными изменениями, происшедшими в политической обстановке Китая в течение последних двух лет. Новая обстановка вынуждает японцев приспособляться к ней, искать иные формы агрессии, которые облегчили бы им осуществление планов закабаления китайского народа. И эту новую форму агрессии предлагает генерал Мацумуро: **наводнение Китая шпионами, диверсантами, террористами, с тем чтобы подорвать волю китайского народа к сопротивлению.**

Генерал Доихара—„дальневосточный Лоуренс”

Среди известных современных международных шпионов и разведчиков крупное место, несомненно, занимает японский генерал Кендзи Доихара. Это один из учеников Мицуру Тояма. В короткий промежуток времени он сделал большую карьеру. Еще в младших офицерских чинах Доихара специализировался на разведывательной работе в Китае. Покровительство Тояма открыло перед ним широкие перспективы. Первое крупное «дело» Доихара—организация восстания войск китайского генерала Ши Ю-саня в Бэйпин-Тяньцзинском районе (Северный Китай). Восстание было подавлено, но Доихара успел зарекомендовать себя способным разведчиком-организатором.

В 1931 году Доихара возглавляет крупнейший центр японской разведки в Манчжурии—харбинскую военную миссию. В сентябре 1931 года Япония начинает вооруженную оккупацию Манчжурии. Доихара появляется в Тяньцзине, «похищает» бесславного потомка последней китайской династии—Генри Пу И, привозит его в Манчжурию и объявляет «императором Манчжоу-Го». Через некоторое время Доихара назначается начальником японской военной миссии в Мукдене. Начинается лихорадочная работа по формированию «правительства Манчжоу-Го», куда входят все завербованные в свое время Доихара продажные китайские чиновники. Он понимает, что в такое «правительство» следует ввести хотя бы одного популярного в Манчжурии деятеля. Доихара остановил свой выбор на генерале Ма Чжан-шане, продолжавшем еще оказывать сопротивление

японским оккупационным войскам. После длительной обработки генерал Ма получил предложение, как об этом подробно сообщала дальневосточная печать, занять в новом «правительстве» пост военного министра. Одновременно генерал Ма получил 1 миллион иен. Деньги генерал Ма взял, но в «правительство» не вошел и продолжал борьбу с японскими войсками.

Доихара был сильно скомпрометирован этим скандальным для японской разведки крахом попытки подкупа генерала Ма. Японскому генеральному штабу пришлось на время убрать Доихара из Манчжурии, дав ему чин генерал-майора и командование бригадой, расположенной в Японии.

Вскоре Доихара вновь появляется в Манчжурии, но теперь уже в качестве начальника управления «специальной службы» квантунской армии. На новом посту он широко проявляет свои способности: вся японская разведка в Китае, Манчжурии, Тибете, Монголии, Синьцзяне теперь находится под его началом. Доихара часто совершал продолжительные «путешествия» по Китаю, инспектируя работу резидентов разведки на местах, организуя новые военно-политические диверсии. Иностранная печать называет его закулисным организатором выступления отдельных китайских генералов против нанкинского правительства. После одной из его поездок в Бэйпин и Тяньцзинь в Северном Китае появился Хэбэй-Чахарский политический совет, руководимый прояпонскими элементами.

В перерывах между инспекционными поездками генерал Доихара организует отряды-диверсантов из

русских белогвардейцев и перебрасывает их на территорию СССР с заданиями взрывать железнодорожные мосты, узловые станции, устраивать крушения поездов, поджигать, убивать и грабить. Но он действует и тоньше: приказывает белобандитам осесть на советской территории и ждать войны, чтобы подрывать тылы. Точно такое же задание выполняли на территории СССР и троцкистские шпионы-диверсанты—агенты японского генерального штаба.

В конце 1935 и в начале 1936 года Доихара совершает длительную поездку в Южный Китай. Еще не высохли чернила на его докладной записке в токийский генштаб, как милитаристы Южного Китая начали генеральскую войну против Нанкина. Провоцируя эту войну, японцы намеревались отвлечь внимание от Северного Китая и тем самым облегчить захват его японскими войсками. Ныне Доихара, произведенный в чин генерал-лейтенанта, командует 14-й японской дивизией.

Доихара является крупнейшим и опытейшим японским разведчиком. Иностранная печать называет его «дальневосточным Лоуренсом». Однако несомненно, что Доихара—еще более крупный разведчик: это упорный и последовательный поджигатель «большой войны» на азиатском материке. Это опытный организатор политических интриг, провокаций и шпионажа в сложной обстановке Дальнего Востока, в особенности в Китае. Доихара в течение 5—6 лет проделал невероятную в условиях империалистической армии карьеру (от полковника до генерал-лейтенанта). Для того чтобы головокружительность его карьеры стала

очевидной, можно привести такой типичный для японской армии пример: известный военно-фашистский террорист Айдзава, убивший в 1935 году японского генерала Нагата (начальника военного отдела военного министерства Японии), прослужил в армии 25 лет, прежде чем получил чин подполковника.

Некоторые факты японского шпионажа в СССР

Доихара и его соратники по шпионско-диверсионной работе создали в Манчжурии большой налаженный аппарат разведки, огромную сеть шпионов и диверсантов. Небезызвестный белобандит атаман Семенов, царский генерал Кислицын и др. иод руководством «специалистов» по разведке: генерала Андо, майора Оноуци, капитана Судзуки—обучают в специальной харбинской школе озверелых белогвардейцев диверсионной, шпионской «грамоте». Затем отряды белобандитов перебрасываются японцами на территорию СССР.

В конце 1936 года японцы перебросили в СССР банду белогвардейских шпионов и диверсантов, деятельность которой была пресечена органами НКВД. В ноябре 1936 года эту банду судили в Хабаровске. Японские шпионы-белобандиты получили по заслугам, как и должны были получить остервенелые враги народов Советского Союза.

Японская разведка прибегает к самым разнообразным приемам вербовки новых агентов для шпионажа на территории СССР. С. Уранов в

своей глубоко поучительной статье в «Правде»¹ приводит один из примеров, характеризующих методы работы японской разведки.

«Известен также ряд других случаев,—пишет тов. Уранов,—когда враг, пользуясь распушенностью некоторых советских граждан, попавших в заграничную командировку, подставлял им женщин, затем заставлял давать удовлетворение объявившемуся «оскорбленному мужу» и под видом компенсации за то, что дело замяли, не довели до скандала, склонял легковверных и-распушенных людей к шпионажу, к измене родине. С одним советским гражданином, ранее будто бы безупречным, случилось такое бедствие, когда он был в командировке в Японии. Он стал часто посещать рестораны и другие увеселительные места, при этом он сблизился там с одной из посетительниц этих мест, с виду «аристократкой», довольно красивой женщиной. Во время одной из его встреч с этой женщиной в укромном уголке фешенебельного ресторана неожиданно появился японец в военной форме, назвался «мужем» этой женщины и набросился на советского гражданина, требуя удовлетворения за оскорбление чести его семейного очага. Дело кончилось бы скандалом, если бы тут же не появился другой человек, довольно любезный с виду, тоже японец, но в штатском, который стал уговаривать военного японца не подымать скандала и кончить дело миром. Советский гражданин, чувствовавший себя в

¹ С. Уранов "О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок". "Правда" от 4 мая 1907 года.

отчаянном положении, ухватился за «примирителя» как за якорь спасения. Дело кончилось «миром», но какой ценой? Советский гражданин дал расписку давать «примирителю» «информацию» о некоторых делах в СССР, интересных для «примирителя», оказавшегося агентом японской разведки. Но, дав расписку, он оказался в лапах у «примирителя». Боясь разоблачения со стороны «примирителя» он все больше и больше запутывался, выполняя все новые и новые шпионские поручения. Он превратился в японского шпиона и врага своей родины».

Пример, приведенный тов. Урановым, весьма примечателен, ин не только разоблачает коварные приемы японской разведки, но и показывает, на какие политически неустойчивые элементы делает ставку враг. Идиотская болезнь—беспечность, легковерие, отсутствие бдительности, пороки, склонности к выпивке, извращениям, нечестное отношение к государственным средствам—это те щели используя которые враг норовит проникнуть на нашу территорию, подорвать нашу обороноспособность, выведать государственную тайну, нанести нам удар в спину.

В городе Свободном выездная- сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР рассматривала недавно дело участников троцкистско-шпионско-террористической и диверсионной организации, действовавшей на железных дорогах Дальнего Востока под руководством японской разведки. Подсудимые признались в своих отвратительных преступлениях. Эту банду японо-троцкистских шпионов и диверсантов возглавлял резидент японской

разведки, старый шпион Авербах, пристроившийся на Амурской железной дороге. В эту гнусную банду, кроме троцкистов, входили меньшевики, колчаковцы, эсеры, правые. Они все были японскими шпионами. Диверсант Авербах показал на допросе: «Японцы требовали, чтобы мы перешли к массовым диверсиям, выводили из строя станки, оборудование, поджигали предприятия и особенно активизировали диверсии, когда во взаимоотношениях между Японией и СССР наступит известная напряженность».

Эти матерые шпионы точно выполняли задания японской разведки. Они организовывали крушения пассажирских, воинских и товарных поездов на Амурской и Дальневосточной железных дорогах, разрушали паровозное хозяйство, снабжали японцев сведениями о количестве проследовавших в Хабаровск воинских поездов и т. д. «Правда» в передовой статье от 22 мая 1937 года сообщает, к каким злодейским приемам прибегали японские шпионы, чтобы замести следы своих кровавых преступлений: «Когда парторг депо станции Куйбышевка тов. Федоркин напал на следы их преступной работы и пытался их разоблачить, троцкисты отравили его ядом, полученным от резидента японской разведки матерого шпиона Лежедко...»

44 пойманных с поличным японо-троцкистских шпиона, лютые враги народов СССР, понесли заслуженную кару: все они расстреляны по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. **«За каждую каплю пролитой рабочей крови враги СССР расплатятся пудами крови шпионов и**

диверсантов!»—в этих словах «Правды» звучит гнев десятков миллионов трудящихся Советского союза, грозный гнев великого и могучего народа.

Троцкистская агентура японского генерального Штаба

Процесс антисоветского троцкистского центра, предателей социалистического государства, заклятых врагов народов СССР, продемонстрировал перед всем миром, что троцкизм—международная шпионско-диверсионная агентура фашистских генеральных штабов. Показания подсудимых по делу антисоветского троцкистского центра, помимо всего прочего, нарисовали чудовищную картину их гнусной шпионско-разведывательной работы, проделываемой в порядке подготовки Японии к «большой войне». Готовясь к войне, японские империалисты, как это показал процесс, делали ставку на троцкистских шпионов, террористов и предателей, подрывавших оборонное могущество СССР изнутри. Гнусные «троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебряников, да и то фальшивых»¹, всячески способствовали тому, чтобы в случае войны с империалистической Японией СССР потерпел поражение.

Не случайно японский генеральный штаб, подбирая кадры шпионов и диверсантов для подрывной работы в СССР, остановил свой выбор на троцкистах. Кто другой, кроме этих, предававших и

¹ А. Вышинский. Речь на процессе антисоветского троцкистского центра, стр. 48. Партиздат. 1937.

продававших родину троцкистских подлецов, мог, стать раболепным холуем японских генералов? Только они, сжигаемые лютой ненавистью к советской власти, могли хладнокровно и расчетливо обречь народы и богатства социалистического государства на поток и разграбление японо-германских империалистов.

В своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года товарищ Сталин дал чрезвычайно глубокую характеристику современного троцкизма.

«Современный троцкизм,—сказал товарищ Сталин,—есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств»².

Японский генеральный штаб бросил свою троцкистско-шпионскую агентуру на важнейшие участки народного хозяйства Советского Союза—железнодорожный транспорт и тяжелую промышленность. Разрушению железнодорожного транспорта СССР японская разведка (точно также как и германская) придавала исключительное значение. Она исходила при этом из того, что разрыв железнодорожного сообщения между Дальневосточным краем и центральными районами СССР резко ослабит боевое питание ОКДВА и тем самым значительно уменьшит мощь сопротивления

² И. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников"; стр. 17. Партиздат. 1937 (разрядка моя.—Ал. Х.).

частей Красной армии японскому налету на советскую территорию. Наряду с этим японская разведка ставила перед своей троцкистской шпионской агентурой и другие задачи. Японский генштаб давал троцкистам задания организовать еще задолго до начала войны крушения воинских эшелонов, отправляемых на советский Дальний Восток, при чем обязательно с человеческими жертвами. Это делалось прежде всего для того, чтобы искусственно вызвать деморализацию бойцов Красной армии и населения страны. Еще более гнусные преступления подготавливались троцкистскими бандитами по заданиям токийского генерального штаба к началу войны. Японские диверсанты замыслили **бактериологическую войну** в глубоких советских тылах, с тем чтобы в ы з в а т ь в рядах Красной армии и Среди мирного населения страны острозаразные, истребительные эпидемии.

«Князев показал,—отмечает в своей речи на процессе государственный обвинитель прокурор Союза ССР тов. Вышинский,—что по соглашению с этим самым господином Х... (представитель японской разведки.—**Ал. Х.**) он давал и выполнял задания на случай войны по организации поджогов воинских складов, пунктов питания, п у н к т о в санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что **японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения острозаразными бактериями поездов под**

воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск»¹.

Это далеко еще не полный список злодеяний, замышлявшихся против народов Советского Союза японскими империалистами и их троцкистскими наемниками. Японский генеральный штаб пустил в ход свои старые, испытанные методы шпионажа и диверсии. Он не делает никакой разницы между обычными шпионами и троцкистами. Да и какая может быть между ними разница? Быть может, лишь в том, что троцкистские бандиты в своей подрывной работе шли еще дальше японских и белогвардейских профессиональных убийц, шпионов и диверсантов. И если обычный шпион мог «подвести» своих хозяев, то троцкисты действовали с собачьей преданностью. «Связь (троцкистов.—**Ал. Х.**) с японцами,—как показал на процессе японский шпион Князев,—не будет являться индивидуальным актом, а она вытекает из методов борьбы той организации, с которой я связан». Так тесно переплелись интересы троцкизма с интересами иностранных разведок, агрессивных, антисоветских сил. Шпионаж, диверсия, убийства из-за угла, холуйское прислужничество перед империалистами—вот во всей своей наготе гнусная, подлая природа троцкизма.

Процесс антисоветского троцкистского центра вскрыл, между прочим, методы, используя которые японская разведка проникла на территорию СССР и развернула свою «миролюбивую» работу. В 1930

¹ А. **Вышинский**. Речь на процессе антисоветского троцкистского центра, стр. 62. Партиздат. 1937 (разрядка моя.—**Ал. Х.**).

году в СССР была приглашена группа японских специалистов-железнодорожников для технической консультации. Эта группа «специалистов», осевшая на Казанской железной дороге, оказалась разведывательной группой японского генерального штаба. Начальником Казанской железной дороги в то время был Князев, которого токийские «специалисты» и завербовали в первую очередь в агенты японской разведки. Примерно таким же путем был завербован и другой троцкистский выродок, шпион Турок.

Вскоре, получив санкцию троцкистского центра, троцкистские шпионы Лившиц и Турок вплотную приступили к осуществлению пресловутой «японизации» железных дорог. Они точно выполняли задания представителя японской разведки «г-на X ...»: организовали крушения воинских эшелонов, разрушали паровозное и вагонное хозяйство СССР. Один только Князев, этот троцкистско-шпионский изувер, непосредственно организовал 13—15 крушений. Он заявил об этом на допросе. В результате этих крушений в течение 1935 и 1936 годов было убито 63 и ранено 154 человека.

Во время одного из крушений на станции Шумиха погибло 29 красноармейцев и 29 было тяжело искалечено. Подлые троцкистские диверсанты, выполняя приказы своих японских хозяев, стремились нанести удар в спину Красной армии, деморализовать ее бойцов. Одновременно Князев и Лившиц похищали секретнейшие государственные документы и передавали их японской разведке. Лившиц при этом цинично

заявил, что он исходил из «интересов поддержания связи с японцами».

Японцы оплачивали эту «связь». Турок и Князев получили за свою кровавую диверсионную работу 35 тысяч рублей. Получали не только они. Представитель японской разведки пресловутый «г-н Х...» говорил Князеву: **«... троцкистская организация ведет сейчас работу в Советском Союзе, пользуясь помощью Японии. Мы... взаимно помогаем друг другу, следовательно то, что мы будем просить от вас, является не чем иным, как ответом на ту помощь, которую мы оказываем троцкистской организации» (разрядка моя.—Ал. Х.)**.

Троцкистские агенты японского генерального штаба использовали все средства, для того чтобы лучше выполнить задание своих хозяев. Шпион Лившиц подробно рассказывал на суде, как он злобно саботировал снабжение промышленных центров углем, подвергая порче и умышленно задерживая вагонный порожняк. Он с горечью признался, что попытка сорвать весеннюю посевную кампанию, саботируя налив нефти на Северокавказской железной дороге, не удалась благодаря бдительности уполномоченного Совета труда и обороны.

И когда троцкистским бандитам что-либо не удавалось, их весьма своеобразно «подбадривали» японцы. Они все (и японцы и троцкисты) прибегали к взаимному шантажу и угрозам. Так, японская разведка грозила Князеву разоблачением его троцкистско-подрывной работы. И, наоборот, троцкистский бандит Турок, сам будучи японским шпионом и диверсантом, шантажировал Князева,

угрожая разоблачить его принадлежность к японской разведке. Вся эта банда пыталась свалить свои злодейские преступления па ни в чем неповинных людей: на ученицу-стрелочницу Чудинову, мастера Николаева, машиниста Федорова. Организуя крушения, они принимали всяческие меры, чтобы отвести от себя подозрения. Князев сам составлял акты о крушениях и составлял их, конечно, так, чтобы он и его банда выходили сухими из воды.

Троцкисты, поставившие перед собой задачу—восстановить капитализм в СССР, намеревавшиеся отдать советских рабочих и колхозников в кабалу помещикам и фабрикантам, распродавали нашу страну оптом и в розницу. Они отдавали германским генералам цветущую Советскую Украину, а японской военщине—Приморье и Приамурье. Глава всей этой шпионской банды Троцкий вел соответствующие переговоры с германским и японским правительствами,—это подтвердили в своих показаниях почти все обвиняемые. Обербандит Троцкий отдавал японо-германским генералам советские территории за то, чтобы они помогли ему свергнуть советскую власть и превратить СССР в колонию империалистических держав.

Широко известно, что японские империалисты лелеют планы «мировых завоеваний». Они мечтают о покорении Китая и господстве над всем тихоокеанским бассейном. Но осуществлению этих планов мешает наличие могущественной и мирной державы—Советского Союза. И троцкисты приходят японцам на помощь. Они говорят им: берите Приморье и Приамурье, захватывайте, закабаляйте

Китай. Больше того, они, разжигая японо-американскую войну, предлагали японцам то, в чем они ощущают недостаток,—нефть. Они намерены были отдать японцам сахалинскую нефть и «обещали дальнейшие поставки нефти во время японо-американской войны. Троцкистские выродки, опричники фашизма, намерены были отдать империалистам все то, что добыто и завоевано тяжелой борьбой и упорным трудом народов Советского Союза.

У генерала Доихара и Андо (начальник японской военной миссии в Харбине), как показал процесс антисоветского троцкистского центра, оказались агенты, которых не надо было обучать шпионажу, диверсиям и вредительству. Перед судом советского народа стояли троцкистские предатели—вредители, шпионы, убийцы, диверсанты. Банда гнусных троцкистских вырождков действовала по заданиям японо-германских кровавых обершпионов Гимmlера, Доихары и других, всемерно способствуя подготовке антисоветской войны и поражению СССР в этой войне. Подлые изменники расчищали японским баронам и германским фашистским генералам путь к колониальному закабалению народов Советского Союза.

Процесс антисоветского троцкистского центра в Москве показал всему миру подлинных поджигателей новой кровавой бойни и их гнусных троцкистских пособников. На этом процессе было документально установлено, кто стоял за спиной троцкистских шпионов и диверсантов. И германское и японское правительства всячески пытались отвертеться от изобличающих их неопровержимых улик. И все же несмотря на строжайшую цензуру

руководящие органы печати этих стран, одержимые антисоветским бешенством, выболтали то, от чего так тщательно пытались вначале отмежеваться их правительства.

Орган японского министерства иностранных дел «Джапан тайме» 28 января 1937 года откровенно писал в передовой статье:

«То, что обе страны, Германия и Япония, естественно, стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга, перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всякими возможными путями к обеспечению победы при столкновении. Это признанный и законный путь деятельности правительств во всех странах».

Из этого положения газет а делала тот вывод, что поскольку дело, обстоит таким образом, то «ни Япония, ни Германия не приобретут ничего особенно хорошего от того, что будут обижаться на показания, данные перед Военной коллегией Верховного суда СССР».

Это признание руководящей японской газеты нельзя не оценить по достоинству. Поджигатели войны, прижатые к стене неумолимыми фактами, подтвердили их подлинность. Они признали, что троцкистские бандиты действовали по поручению фашистских генеральных штабов Берлина и Токио.

Последняя сессия японского парламента дала новые подтверждения того, что презренная банда троцкистских выродков находилась на службе японского генерального штаба. Известная буржуазная токийская газета «Мияко» поместила в номере от 20 февраля 1937 года информацию о секретном заседании пленума бюджетной комиссии японской нижней палаты. Согласно этой информации, Асида, депутат парламента от партии сейюкай, обратился к военному министру генералу Сугияма с запросом: **«Известна ли армии провозоспособность Сибирской железной дороги?»** Сугияма ответил положительно на этот вопрос, отказавшись огласить лишь провозоспособность железной дороги. Вслед за этим Асида спросил военного министра, каким образом ему стало известно о провозоспособности Сибирской железной дороги.

«В России,—ответил генерал Сугияма,— имеются элементы, находящиеся в оппозиции к нынешнему правительству, и именно через них мы и знаем».

Номер газеты «Мияко», в котором было помещено это сообщение, конфискован японскими властями. Это только подтверждает правильность сообщения «Мияко». Член японского правительства, один из его фактических руководителей, официально признал в парламенте, что гнусные троцкистские контрреволюционеры состояли на службе у японского генерального штаба.

Всеми миру хорошо известны те кровавые диверсантские поручения, которые давал японский разведчик «г-н Х...» своей троцкистской агентуре:

взрывать фабрики, шахты, устраивать крушения воинских эшелонов, заражать эшелоны бактериями и т. д. и т. п. И троцкистская банда точно выполнила эти дьявольские задания японского генерального штаба.

Генерал Сугияма сделал весьма ценное признание. Какие бы меры теперь ни предпринимали японские власти, это признание станет известным всему трудящемуся человечеству, борющемуся против угрозы новой войны.

Гнусная, подрывная атака японо-германских агрессоров и троцкистской шайки убийц и шпионов разбилась о сплоченность народных масс Советского Союза, преданных делу социализма. Чем выше и крепче здание социализма, тем яростнее злоба врагов нашей родины. Вот почему в своем историческом докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года товарищ Сталин предостерегал всех партийных и непартийных большевиков от самоуспокоенности, от гнилой теории о том, что «большевиков много, а вредителей мало».

«Что троцкистских вредителей,—говорит товарищ Сталин,—поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей—это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов

красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построи́т^ большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни»¹.

И еще товарищ Сталин отметил:

«Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение,—будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства»².

Эти слова товарища Сталина должны стать нерушимым законом бдительности для всех партийных и непартийных большевиков Советского Союза.

Большевик № 11, 1937 г.

¹ Сталин „О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников“, стр. 34. Партиздат. 1937.

² Там же, стр. 26.

ОТТО ВИНДТ. ГЕРМАНСКАЯ ТАЙНАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Бешеная подготовка фашистской Германии к войне сопровождается небывалым усилением деятельности германской тайной (агентурной) военной разведки. Имевшие место за последние годы провалы германских шпионов показывают, что основные усилия германской разведки направлены на разведывание военной мощи СССР, Франции, Чехословакии и Англии. Одновременно идет разведывательная работа в странах Прибалтики, в Литве, Польше, Румынии, Австрии и Швейцарии. С конца 1936 года усиленное внимание обращено на разведывание британского военного флота и английской авиационной промышленности. Балканские страны и Италия также не остаются вне поля зрения германской тайной разведки.

Этим далеко не исчерпывается сфера деятельности германской военной разведки. Союз с Японией и постановка германским фашизмом вопроса о колониях, несомненно, сопровождаются организацией тайной военной германской агентуры в странах Дальнего Востока, США и в колониях основных империалистических государств.

Для охвата всех перечисленных стран сетью военного шпионажа действует мощный аппарат с большими материальными средствами. Аппарат этот представляет довольно разветвленную организацию, деятельно работающую над выполнением поставленных ему задач. Во главе его стоит III (разведывательный) отдел германского генерального штаба. Основной задачей III отдела генерального штаба является насаждение военного

шпионажа в глубоком тылу разведываемых государств с целью добывания сведений об их вооруженных силах, военной технике и промышленности, внутреннем положении и военно-географических условиях (дорогах, переправах, инженерных сооружениях, местных средствах), а также и с целью нанесения внезапных ударов по их тылу (диверсий). Для выполнения этих задач центральный орган германской разведки развертывает свою собственную шпионскую (агентурную) сеть трех видов: а) агентурную сеть мирного времени, б) сеть военного времени, в) сеть агентов для совершения диверсионных актов в начале войны и во время войны. Для проверки этой диверсионной сети уже в мирное время проводятся «репетиции» в виде отдельных диверсионных актов.

Наряду с развертыванием этой глубокой (стратегической) сети шпионажа, задачей центрального органа германской разведки является также создание сети пограничных разведывательных комендатур (существующих под разными названиями) и руководство их работой. Работа пограничных разведывательных комендатур сводится к организации тайной сети агентов в пограничной полосе разведываемых государств. Каждая комендатура получает зону деятельности, в которой она обязана создать сеть тоже трех видов: а) сеть агентов мирного времени, б) сеть агентов для работы в военное время, в) сеть агентов предмобилизационного периода. Кроме того, пограничные разведывательные комендатуры обязаны создавать так называемую резервную

агентурную сеть на своей территории (на случай ведения войны на территории самой Германии).

Таким образом, германская военная разведка организована с большим «размахом». Она стремится продвинуть свои щупальцы во все поры разведываемых ею государств и, опутав их невидимой паутиной, не только выведать их тайны, но и в подходящий момент нанести им ряд внезапных чувствительных ударов в жизненных центрах. Обе системы военной разведки Германии (центральная и окружная) работают в тесном взаимодействии друг с другом.

Для примера можно указать, что на восточной границе Германии создано четыре таких разведывательных комендатуры: в Кенигсберге, Штеттине, Берлине и Бреславле. Особо выдающееся положение занимает комендатура в Кенигсберге; она ведет разведку против СССР, Литвы и Польши. Остальные работают против Польши; комендатура в Бреславле частично работает и против Чехословакии. Против Чехословакии, главным образом, работают разведывательные комендатуры Дрездена и Мюнхена; последняя ведет также работу против Австрии и балканских стран. Против Франции и Швейцарии действует ряд пограничных разведывательных комендатур на западной границе Германии.

Все пограничные разведывательные комендатуры строго, подотчетны разведывательному отделу генштаба. Однако эти комендатуры обладают большой самостоятельностью, и на практике часто наблюдаются случаи, когда они своей деятельностью охватывают глубокие тылы

разведываемых стран, вплоть до центральных военных органов разведываемых армий. Это в значительной степени разгружает центр (разведывательный отдел генштаба) и позволяет последнему все внимание сосредоточить на проникновении в основные звенья военного и военно-экономического аппарата разведываемых стран.

Как указывалось выше, вся глубокая (стратегическая) агентура, германской разведки делится на три вида: 1) сеть агентов мирного времени, т. е. сеть, которая работает в мирных условиях, добывая документы и сведения по армии и военной промышленности разведываемых стран; 2) сеть агентов военного времени, которые рекрутируются из лиц, завербованных в разведываемой стране и предназначенных для работы только в военное время; 3) сеть агентов-диверсантов.

Так называемая сеть предмобилизационного периода создается пограничными разведывательными комендатурами и рекрутируется из лиц, проживающих в пограничной полосе. При вербовке агентов для этой сети делается упор на таких лиц, как чиновники таможенной охраны, чины пограничной жандармерии или служащие пограничных железнодорожных станций. Задача этой сети—своевременно донести о подготовке, признаках и начале мобилизации разведываемых армий.

Установлено, что германская разведка стремится поставить дело таким образом, чтобы шпионы не знали друг друга. Поэтому каждая из указанных агентурных сетей создается самостоятельно, без

какого-либо взаимного организационного контакта. Однако германская разведка предусматривает, что некоторая часть агентов, работающих в мирное время (сеть мирного времени), будет в состоянии работать и в военное время.

Для общей характеристики методов работы германской разведки необходимо более подробно остановиться на требованиях, предъявляемых ею к агентам военного времени. Установки германской разведки в этом вопросе сводятся к следующим положениям.

Агенты для сети военного времени должны быть завербованы и обучены уже в мирное время. Такая сеть должна охватить важнейшие пункты противника. Эти пункты (города, железнодорожные узлы) выбираются центром разведки (разведывательным отделом генштаба) по степени их важности как в районах сосредоточения войск, так и в глубоком тылу разведываемых стран. Например, при организации сети военного времени во Франции германская разведка стремится в первую голову охватить такие города, как Париж, Верден, Туль, Эпиналь, Нанси, Брест, Шербург, Марсель.

Таким образом, агенты сети военного времени должны находиться на важнейших железнодорожных узлах и в гарнизонных центрах, чтобы иметь возможность своевременно зафиксировать и донести о всех перебросках войсковых соединений.

Считается, что агентами военного времени могут быть только подданные страны противника, имеющие местожительство в пунктах, подлежащих разведыванию в военное время. Поэтому

германская разведка всю свою сеть на военное время рекрутирует преимущественно из граждан разведываемой страны.

Основным кадром сети военного времени германская разведка считает тех агентов, которые проживают в крупных центрах разведываемой страны и позади районов сосредоточения войск. Она ищет таких агентов, которые смогут продержаться (не «провалиться») продолжительное время работы и, обладая свободой передвижения по стране, смогут выполнять задания в непосредственном тылу армий противника.

Весьма серьезное внимание германская разведка уделяет подготовке (обучению) завербованных агентов для сети военного времени. К каждому такому агенту существует строго индивидуальный подход. Уже в мирное время определяются способности данного агента и устанавливаются возможности использования его и во время войны. Обучение агента проводится на основе той конкретной задачи, которую он будет обязан выполнять в военное время. Например, если завербованное лицо по своему общественному положению и способностям сможет в военное время выполнять функции агента-осведомителя, то ему уже сейчас отводится район наблюдения, в котором он практикуется для будущей работы, вплоть до составления донесений с применением различных способов зашифровки текста.

Во всей подготовке германской разведки к задачам военного времени центр тяжести лежит в организации системы связи с агентами военного времени. Этот вопрос считается наиболее важным и в то же время наиболее трудным. Успех агентуры

военного времени целиком зависит от тех каналов, по которым собранные агентами сведения и материалы могут быть доставлены в разведывательные органы германской армии. Поэтому вопросу германская разведка неоднократно возвращалась к опыту агентурной разведки мировой войны. Она пришла к выводу, что уже теперь, в мирных условиях, необходимо для каждого отдельного агента разработать возможный в условиях войны вариант передачи донесений, базируясь на нейтральные страны или через фронт. По мнению германской разведки, эти способы связи не гарантируют надежности и своевременности связи. Поэтому основной упор делается на внедрение в агентурную сеть военного времени радиосвязи (коротковолновые радиостанции). Известно, что германская разведка обладает несколькими типами коротковолновых радиостанций для применения в нелегальных условиях, с различным радиусом действия. Уже сейчас отдельные проверенные агенты военного времени снабжаются радиостанциями и производят передачу и прием по специальному коду. Такие радиостанции были обнаружены ириарестах некоторых агентов германской разведки в Польше и Австрии.

Основное внимание при организации сети военного времени германская разведка отводит возможностям заполучить «документальных агентов», т. е. таких шпионов, которые в военное время будут служить в различных административных органах страны, в штабах действующей армии, а также на важнейших заводах военной промышленности. Большой интерес

проявляется к железнодорожному персоналу, особенно узловых железнодорожных станций. Германская разведка считает, что один агент на узловой железнодорожной станции заменяет нескольких агентов-наблюдателей.

Таким образом, сеть германского шпионажа в военное время будет складываться из специальной сети военного времени, созданной и обученной уже в мирное время, плюс часть сети мирного времени, переключенная на работу военного времени.

К этому добавляется еще так называемая активная сеть, или сеть шпионов-диверсантов, подобранных и подготовленных для совершения диверсионных актов (взрывы важных военных объектов, поджоги промышленных предприятий, диверсии на аэродромах, убийства видных военных и государственных деятелей и т. д.). Насаждение диверсантов и их обучение производятся еще в мирное время. Вся эта сеть диверсантов содержится на особо конспиративных началах и маскируется тщательнее и глубже, чем сеть информационной агентуры.

Для более полного выявления методов работы германской разведки необходимо рассмотреть и классификацию агентов германской разведки. Мы встречаем следующие названия агентов.

Агенты-резиденты мирного или военного времени (т. е. лица, на которых возложены задачи по разведыванию войсковых частей, или военных заведений, или военно-промышленных объектов какого-либо района или крупного центра в стране противника). Они внедряются в разведываемую, страну под каким-либо прикрытием делового порядка (например, под маской коммерсантов,

специалистов, лиц свободной профессии, артистов и артисток, лиц духовного звания и т. п.). Агенты-резиденты мирного и военного времени рекрутируются как из подданных Германии, так частично из подданных разведываемых стран.

Агенты-наблюдатели. По всем данным, эта порода шпионов будет иметь самое широкое применение в военное время. Их задача—вести наблюдение за каким-либо порученным объектом или районом для разведывания, сообщать о подслушанных секретах, выболтанных кем-либо государственных тайнах и т. д.

Агенты-осведомители, агенты-источники. Это—лица, завербованные германской разведкой, изменники своей родины, использующие свое служебное положение для добывания сведений в пользу врага или занимающиеся кражей секретных документов.

Агенты-вербовщики, лица, которые по своему общественному положению и личным связям в обществе способны заниматься вербовкой новых агентов для германской разведки.

Агенты-наводчики. Непосредственной вербовкой они не занимаются, но дают указания («наводки») германской разведке на людей, которые по тем или иным причинам могут согласиться работать для фашистской Германии. Их обязанностью является сообщать германскому разведывательному центру о всех таких элементах, политически враждебно настроенных к существующей государственной власти, недовольных, имеющих тайные пороки, скрываемые проступки или преступления и боящихся разоблачений и компрометации, о всяких азартных игроках, развратниках и пьяницах,

запутавшихся в связях с порочными элементами, замешанных в темных делах, морально неустойчивых, религиозных фанатиках, любящих широко пожить, жадных до денег и легкой наживы, увлекающихся женщинами, легковверных болтунах, казнокрадах и, наконец, готовых добровольно продать свою родину или предложить себя к услугам фашистской разведки.

Как показали уроки вскрытой троцкистско-зиновьевской японо-германской организации шпионов и диверсантов, двурушники троцкисты, зиновьевцы, правые оказались находкой для германской разведки.

Агенты для связи, т. е. лица, выполняющие только определенные функции по связи с отдельными агентами или между резидентами и разведывательными органами.

Маршрутные агенты, применяемые для разведывания определенных дорог и районов разведываемой страны для выяснения вопросов дислокации вооруженных сил, установления укрепленных районов, разведывания аэродромов и т. д. Эта категория агентов работает путем внешнего наблюдения и осторожным опросом местных жителей, маскируясь под ту или иную распространенную в данной местности профессию. Эти шпионы широко используют преступную болтовню и неряшливое отношение к сохранению государственной тайны.

В данной статье мы не затрагиваем вопроса о том, каким образом германская разведка получает весь необходимый состав агентов указанных категорий для выполнения задач, поставленных ей генеральным штабом германской армии. Эта

обширная тема будет рассмотрена нами в следующей специальной статье. Вопросы вербовки — это основные вопросы, которыми ежедневно занимаются все звенья германской разведки. Работа по выявлению и вербовке новых агентов ведется непрерывно, в ней используются все те возможности, которые только представляются в разведываемых странах.

Подкуп, шантаж, обман всякого рода, угрозы, использование недостатков и промахов отдельных людей — таковы основные методы вербовочной работы германской разведки. Весьма существенную помощь германской разведке в этом отношении оказывает Гестапо (германская государственная тайная полиция), имеющая во многих странах крупную сеть своих фашистских провокаторов.

* * *

Судебные процессы контрреволюционной троцкистско-фашистской шпионской банды Зиновьева—Каменева, Пятакова—Радека показали нам те каналы, по которым иностранные разведки проникли и в СССР. Широчайшие массы граждан Советского Союза должны быть осведомлены об организации и методах работы тайной разведки, чтобы распознать шпионов под любой маской.

„Правда“, 8 апреля 1937 г.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Л. М. ЗАКОВСКОГО НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На февральском Пленуме Центрального комитета партии товарищ Сталин привел много ярких примеров работы иностранных разведок, их тактики, их взаимоотношений.

Как работает современная разведка в капиталистических армиях? Как она засылает своих шпионов на нашу советскую территорию? Разведку ведут 2-е отделы генеральных штабов. Эти отделы имеют постоянные школы, в которых шпионы и разведчики проходят определенный курс обучения. Они знакомятся с языком, с нравами, с обычаями, с географией той страны, в которой им придется работать. Они в совершенстве осваивают коварные методы разведки, начиная от применения яда и кончая всевозможной провокацией. По окончании школы разведчиков посылают на территории других стран, в частности к нам, под видом инженеров-специалистов, под видом политических эмигрантов и т. д.

В 1936 г. мы арестовали одного японского шпиона. Он в свое время, лет 10 тому назад, окончил в Японии школу разведки. Первое время он находился в Харбине, ведя разведывательную работу на Дальнем Востоке. Затем его послали в СССР в качестве делопроизводителя японского консульства. В нашей стране он играл роль светского, веселящегося молодого человека. Посещал курсы танцев, увлекался спортом, вращался среди нашей молодежи. Через некоторое

время японский шпион стал всюду рассказывать о том, что порывает с Японией, так как это—страна самураев с захватническими тенденциями и что он убедился в правильности политики Советского Союза. Шпион уходит из консульства, приезжает в Ленинград и поступает в театр Радлова, учится на актера. Этот шпион проявляет кое-какие способности и завязывает обширный круг знакомств. И так до 1932 года.

Надо сказать, что японская разведка категорически запретила ему в течение 2—3 лет заниматься какой-либо разведывательной работой. Ему было предложено вести средний образ жизни и заводить знакомства. Японский шпион ездил с театром по гарнизонам, где мог бы заниматься шпионажем, но, как уже сказано, по указанию своего генерального штаба он этого не делал. Он был предназначен для более серьезных целей — для диверсий и убийств. По заданию генерального штаба он перешел в советское гражданство и пытался проникнуть на работу в НКВД. Но шпион был пойман и разоблачен.

Очень многие товарищи говорят о роли женщин в разведке, о резидентах-женщинах.

Приведу пример. Один советский командир-летчик ехал в Сочи, в отпуск. В поезде он встретился с некоей гражданкой Г., которая оказалась женой служащего одного из советских торгпредств за границей. Они завязывают знакомство, отпуск проводят вместе, у них устанавливаются тесные и близкие взаимоотношения. После отпуска она уезжает за границу, а он—в Москву. Переписка между ними продолжается. Через некоторое время в эту

переписку ввязывается муж Г. Дружеские письма идут и в том и в другом направлениях. Через некоторое время муж приезжает в Советский Союз. Он—шпион и разведчик одного из генеральных штабов. Вступил за границей в коммунистическую партию и как коммунист поступил на работу в торгпредство. Он принял паше гражданство и переехал в Советский Союз, где быстро установил связь с командиром-летчиком. Через некоторое время в Москву приезжает и его жена. Она часто видится о командиром-летчиком. Отношения у них близкие, она заглядывает в его полевую сумку, заводит разговоры об авиации.

Однажды муж Г. встречается с командиром-летчиком и говорит ему:

—Мне известно, что моя жена получает у вас все материалы об эскадрилье. Я знаю, что эти материалы переданы через дипломатическую почту в генеральный штаб одной иностранной армии. Вы целиком находитесь в моих руках к а к вольный или невольный шпион, и будьте любезны давать мне необходимые сведения и слушать меня. Для меня не секрет и то, что вы живете с моей женой, которая, к стати, вовсе мне не жена.

Командир-летчик выдал те военные секреты, которые он знал. Больше того, он стал выполнять определенные поручения иностранной разведки и, в частности, намеревался убить одного из руководителей Красной армии.

В самых неожиданных формах ведут свою работу шпионы, диверсанты, враги нашей, страны. Приведу такой пример. В Советской стране долгое время работала одна иностранная концессия, которая изготовляла довольно невинные предметы,

часто употребляемые в быту. И вот под лойяльной коммерческой вывеской оказалась шпионская организация. Руководитель этой концессии, иностранный подданный, решил отыскать себе коммерческого директора—советского гражданина. Искал оя тщательно, перебирал десятки людей, пока не нашел подходящего человека—беспартийного гражданина Р., бывшего офицера царской армии. Пригласил он к себе Р., узнав, что у этого человека имеются обширные родственные связи и знакомства. Один из близких знакомых Р. работает на крупном строительстве в Москве. У Р. есть родственник—на чальник отдела заказов крупного ленинградского завода. У него есть другой родственник, работающий в отделе снабжения другого большого завода. У Р. имелись знакомые, работающие на военных заводах.

Бывший офицер сразу завязал близкие отношения с концессионером. По предложению концессионера он становится активным шпионом. За год-два работы в концессии Р. собрал немало важных секретных материалов.

В эту же шпионскую организацию был вовлечен начальник снабжения большого завода. Вот как этот шпион добывал секретные документы. На следствии он рассказал такой эпизод:

«На одном из очередных докладов коммерческому директору завода я заметил у него на столе производственный план по выпуску орудий. Уходя, я захватил этот документ, который передал затем шпионской организации».

Секретный документ лежит иа столе, начальник слюни распустил, а этим воспользовался шпион. А

потом, наверно, этот начальник бил себя кулаком в грудь, болтал о бдительности.

Товарищ Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б) говорил, что очень многие из нас забыли, что троцкизм уже давно перестал быть политическим течением, что это—агентура буржуазии, агентура международного капитала. Нужно сказать, что в лице троцкистов иностранная разведка приобрела сеть шпионов, диверсантов, убийц. Для иностранных разведчиков—это прямо находка. Эти злобные враги, как известно, двурушничают, врут. Они потеряли всякий моральный облик.

Отдельные товарищи думают, что для того, чтобы проявить бдительность, нужно делать что-то особенное, исключительное. Я расскажу, как иногда рядовые люди нашей страны проявляют бдительность на деле. В Ленинграде была вскрыта террористическая организация. Разоблачить ее помогли наши рабочие, нагни советские граждане. Дело было так. Прибывает в Ленинградский порт один иностранный пароход. На этом пароходе помощником капитана оказался русский. Этот помощник капитана вел антисоветскую агитацию среди грузчиков в нашем порту. Грузчики написали об этом. И вот другой факт, связанный с этой же историей. В одной из квартир в Ленинграде была получена открытка из одного иностранного порта. Адресата не оказалось дома. Сосед из любопытства прочитал открытку. Она показалась ему подозрительной. Советский гражданин отправил эту подозрительную открытку в соответствующие органы. Потом выяснилось, что открытку писал тот же помощник капитана иностранного парохода. Писал он ее укрывшемуся в нашей стране

белогвардейцу. При следующем приезде помощника капитана иностранного парохода в Ленинград было выяснено, что он по заданию белогвардейской организации создал в Ленинграде, при помощи своих знакомых, террористическую организацию.

Вот, видите, какую огромную пользу принесла бдительность отдельных товарищей рабочих, которые горячо любят свою родину, которые ненавидят врагов и готовы бороться с ними всеми силами. Таких рядовых людей немало. Они проявляют законную настороженность ко всякому, может быть, на первый взгляд мелкому, факту.

Надо учесть, что при ликвидации контрреволюционных организаций шпионов, троцкистов, не всегда удается разгромить их до конца. Нам известны случаи, когда при ликвидации той или иной организации корни оставались. И когда отдельные товарищи говорят, что они у себя уже ликвидировали вредительство,—это самообман. Это есть болезнь, которая может привести к довольно плохим последствиям. Наши партийные и хозяйственные организации должны мобилизовать лучших людей, лучшие и проверенные свои кадры, чтобы повседневно вытравлять яд, который принесли в нашу страну разведчики капиталистических держав, японо-германо-троцкистские и правые шпионы и диверсанты. Нужно обезвредить себя от этого яда. Необходимо объявить непримиримую войну тому, что называется неполадками. Надо всегда доискиваться до конца причин этих неполадок. Это—самый верный путь найти вредителя, парализовать его работу.

Мы должны врага уничтожить до конца. И мы его уничтожим! (Продолжительные аплодисменты).

“Правда”, 11 июня 1937 г.

ЗАЩИТНИКИ ТРОЦКИСТСКО-ЯПОНО- ГЕРМАНСКИХ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ

Наша дальневосточная газета «Тихоокеанская звезда» недавно сообщила, что Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда Союза ССР рассмотрено в г. Свободном дело об участниках троцкистско-шпионско-террористической и диверсантской организации, действовавшей на железных дорогах Дальнего Востока под руководством и по заданию японских разведывательных органов. Сорок четыре участника этой организации приговорены к высшей мере наказания—расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Японо-германские шпионы, троцкистские диверсанты и террористы нашли защиту на страницах английской лейбористской газеты «Дейли геральд», претендующей на звание «демократической социалистической» газеты. «Дейли геральд» заявляет: «Демократы социалисты не могут обойти это молчанием». Но вместо того, чтобы заклеить со всем негодованием преступную и кроваво-грязную деятельность японо-германских шпионов и разоблачить троцкистских провокаторов, газета берет под защиту уличенных преступников и обливает помоями Советский Союз.

Впрочем, нет ничего неожиданного в этой позиции газеты, которая профессией своей сделала обман английских рабочих. Во время процесса троцкистского центра «Дейли геральд», вопреки справедливому негодованию всего международного пролетариата, всех честных трудящихся, брала под защиту реставраторов капитализма, преступников,

шпионов, бандитов, террористов. Потерпев неудачу в защите главарей троцкистской шпионской банды, «Дейли геральд» теперь выступает непрошенным адвокатом подручных Троцкого, Пятакова, Лившица — агентов германской и японской разведок.

Трудящиеся Советской страны, рабочие Англии и всего мира должны знать, кого берет под защиту главный орган лейбористов.

Судебный процесс в г. Свободном разоблачил троцкистскую шпионскую и диверсантскую организацию, которая была филиалом японских разведывательных органов. Подсудимые признались в своих преступлениях. Организация троцкистских шпионов и диверсантов работала по заданиям резидента японской разведки, старого матерого шпиона Авербаха. Японская разведка щедро снабжала своего агента деньгами—он получил от своих хозяев до 60,000 рублей. На Амурской дороге Авербах занимал должность начальника плановой части паровозной службы.

Под его командой собрался в шпионской организации всякий контрреволюционный сброд. Помимо троцкистов, правых, меньшевиков, эс-эров, в эту организацию входили активные колчаковцы, например, зам. начальника паровозной службы Амурской ж. д. Кашеев; участник карательных колчаковских экспедиций, служащий распорядительного движения Дорошенко; уроженец Эстонии, японо-немецкий шпион Александров—быв. зам. нач. Амурской железной дороги.

Все участники этой контрреволюционной троцкистско-белогвардейской банды были одновременно членами японской шпионской организации.

Вот такое человеческое отребье, продававшееся японским разведчикам, торговавшее оптом и в розницу жизнью и кровью рабочих и красноармейцев, английская лейбористская газета берет под защиту.

Эти шпионы и диверсанты широко развернули свою кровавую работу по планам японских поджигателей войны. Авербах заявил на допросе: «Японцы требовали, чтобы мы перешли к массовым диверсиям, выводили из строя станки, оборудование, поджигали предприятия и особенно активизировали диверсии, когда во взаимоотношениях между Японией и СССР наступит известная напряженность».

Японцы требовали, троцкистские и белогвардейские агенты выполняли, получая за это плату. Они устраивали на Амурской и Дальневосточной жел. дорогах крушения пассажирских, воинских и товарных поездов, поджигали предприятия, вредительствовали в паровозном хозяйстве, создавали умышленно пробки на железных дорогах. Они снабжали японскую разведку сведениями о количестве проследовавших в Хабаровск воинских поездов, о состоянии железнодорожных узлов. Они передавали японским разведчикам схемы станций, планы депо Хабаровска и др. Словом, они делали все, чего требовала от них японская военщина, готовящая новую мировую бойню.

Чтобы искусственно создать недовольство среди рабочих, они устроили так, что стахановцы, ударники и честные рабочие получали меньше, чем лодыри, прогульщики и бракоделы. Когда парторг депо станции Куйбышевка тов. Федоркин напал на

следы их преступной работы и пытался их разоблачить, троцкисты отравили его ядом, полученным от резидента японской разведки матерого шпиона Лежедко, начальника Куйбышевского отделения Амурской ж. д.

Поставив перед собой задачу побить рекорд прославленного английского буржуазного ханжества и лицемерия, газета «Дейли геральд» делает вид, будто она ужасно поражена известием о шпионско-диверсантской организации на железных дорогах Дальнего Востока. Но присутствовавший в Москве на процессе антисоветского троцкистского центра журналист Юрий Бенеш пишет в чехословацкой газете «А-зет» по поводу расстрела 44 дальневосточных бандитов, что уже в дни московского процесса было ясно, что каждый из подсудимых троцкистов создал свою группу для организации шпионажа, вредительства и террористических актов. «Это были не только троцкисты, но и агенты Японии»,—пишет Бенеш.

Главари троцкистско-японо-германской шпионской и диверсантской организации создавали свои банды на местах. Преступления совершались не только на железных дорогах Дальнего Востока. Следствие раскрыло кровавые преступления, совершенные на Орджоникидзевской ж. д. помощниками и пособниками расстрелянного троцкистско-германского шпиона Лившица.

Здесь орудовала шайка, которая ставила своей задачей, как признал обвиняемый Бурштейн, **устраивать крушения «с наибольшим количеством человеческих жертв».**

Процесс антисоветского троцкистского центра не остановил бандитов. Они продолжали выполнять

задания Троцкого, Пятакова, Лившица. В течение одного лишь января 1937 г. было устроено на Орджоникидзеградской дороге 17 крушений и аварий. Выделяется среди них по гнусности своей крушение на станции Киян.

В организации этого крушения участвовали главари банды—начальник Северо-Кавказской ж. д. Маевский, кадровый троцкист начальник Минераловодского отделения службы движения Бурштейн, диспетчер Домбровский и др. Крушение, было обдуманно со злодейским хладнокровием. Была заблаговременно испорчена сигнализация на дороге, отменены три товарных поезда, которые должны были следовать в ночь с 26 на 27 января 1937 г., устроено так, чтобы скорый поезд № 31 наскочил на наливной состав поезда № 731. Негодяи следили за движением этих поездов. Они три раза останавливали поезд № 731, чтобы дать возможность скорому поезду налететь на наливной. Они наметили место за станцией Киян, на уклоне и на кривой. И крушение произошло точно по намеченному плану. **Сорок девять убитых, девяносто пять раненых**—вот кровавые трофеи троцкистско-германских убийц.

Веря под свою защиту диверсантов,—пусть запишет газета «Дейли геральд» жизни пострадавших честных трудящихся, жизни женщин, стариков, детей—на счет своей «демократии»! Пусть редакторы «Дейли геральд», грубо надругавшись над этими убитыми и ранеными людьми, проливают крокодиловы слезы над мерзавцами, расстрелянными или подлежащими расстрелу по суду за эти гнуснейшие убийства. Но

пусть не ищут сочувствия среди честных рабочих и трудящихся Англии!

Английские рабочие заклеят позором ханжество и вероломство руководителей «Дейли геральд», систематически защищающих реставраторов капитализма, врагов и изменников рабочего класса, поджигателей мировой войны.

Жизнь трудящихся—высшая ценность в Советском Союзе. С огромным сочувствием выслушала вся великая наша страна слов а товарища Сталина на Пленуме Центрального комитета о необходимости беспощадной расправы с врагами рабочего класса и изменниками нашей родине.

Всякий защитник шпионов и диверсантов—это враг Советского Союза, враг подлинной демократии, враг, трудящихся всего мира, союзник и пособник фашистских поджигателей войны. Пусть знают презренные лицемеры из «Дейли геральд»:

Нет и не будет пощады шпионам, диверсантам, террористам, которые поднимают руку на жизнь трудящихся Советского Союза!

Шпионов и диверсантов мы и впредь будем истреблять!

Врагам СССР мы житья не дадим!

За каждую каплю пролитой рабочей крови враги СССР расплатятся пудами крови шпионов и диверсантов!

Правда", 22 мая 1937 г.

КРИЗИС ИНОСТРАННОЙ БУРЖУАЗНОЙ РАЗВЕДКИ

Сегодня мы публикуем извещение Прокуратуры СССР о предании суду восьми пойманных с поличным шпионов. Наймиты одного иностранного государства, подлейшие изменники родине, они имели задание от своих хозяев: всеми доступными способами подорвать мощь Рабоче-Крестьянской Красной армии—любимого детища народов СССР, подорвать обороноспособность первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна—вот трижды презренные, ненавистные имена участников этого, ныне разгромленного, шпионского ядра фашистских разведчиков.

Тысячи и десятки тысяч шпионов и разведчиков засылают капиталистические государства друг к другу. На ярчайших исторических примерах товарищ Сталин в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года показал и доказал, что засылка шпионов и диверсантов является непременным атрибутом любого буржуазного государства:

«Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости»— взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстоит дело в прошлом... Таков закон

взаимоотношений между буржуазными государствами».

Есть все основания, с точки зрения марксизма, предположить, говорил в том же докладе товарищ Сталин, что в «тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства».

Восемь шпионов, которые сегодня предстанут перед Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР, были весьма важным отрядом одного иностранного государства, которое особенно активно по части засылки шпионов в СССР. Фашистские хозяева возлагали на это ядро большие надежды, и понятен поэтому тот дикий вой, который подняла буржуазная, особенно фашистская, печать по поводу ареста этой шпионской банды. Инспирированная небезызвестным по части антисоветской лжи министерством Геббельса германская печать последние дни непрерывно вопит о «смещениях Н арестах крупных военных в СССР», что-де означает чуть ли не «кризис советской власти».

Смешные потуги изобразить разоблачение восьмерки шпионов, как нечто свидетельствующее о «слабости советской власти», выдают с головой хозяев фашистской печати. **Разоблачение этой банды и суд над ней—признак силы, могущества и несокрушимости советского строя.**

Фашистские адвокаты ставят себя в смешное положение. Сами они посылают к нам своих разведчиков, а когда органы советской власти разоблачают, ловят их с поличным, тогда эти

господа вопят о бесчеловечности, якобы проявляемой к шпионам. Только наивнейшие простаки могут принять эти крики реакционной прессы за чистую монету. В действительности, как великолепно понимают все здравомыслящие люди, эти **вопли суть не что иное, как плач по потерянным шпионам, на которых возлагались столь большие надежды. Разгром последнего военно-шпионского ядра одного иностранного государства—большой удар по поджигателям войны и их планам подрыва мощи Красной армии и порабощения народов СССР.**

Этот разгром свидетельствует не о «кризисе» советской власти, а о кризисе разведки капиталистических стран.

Шпионы пойманы с поличным. Их планы и планы фашистских хозяев раскрыты диктатурой рабочего класса. Они предстают пигмеями,—ядовитыми, полными злобы и ненависти к рабочим и крестьянам,—и все же ничтожными даже в ярости своей перед великой силой победившего социализма. Все ухищрения, вся изощренность маскировки, весь вековой опыт буржуазной разведки оказываются уже теперь и окажутся в последнем счете битыми возросшей бдительностью советской разведки, бдительностью созданных великой партией Ленина—Сталина органов диктатуры рабочего класса.

Пойманных восемь шпионов, продавшихся врагу, изменивших родине, будет судить именем всего советского народа Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза ССР. В составе суда—председатель Военной коллегии тов. Ульрих и наши маршалы и командармы Блюхер, Буденный,

Алкснис, Дыбенко, Каширин, Белов, Шапошников, Горячев—цвет нашей славной Рабоче-Крестьянской Красной армии, цвет возвращенных партией Ленина —Сталина кадров обороны нашей великой родины.

Суд вскроет до конца все т е подлые пути, методы, приемы, какими военно-шпионская группа хотела, учинить разгром нашей великой Красной армии, хотела пролить реки рабоче-крестьянской крови для поражения СССР и восстановления власти помещиков и капиталистов. Не сбьются никогда этим подлым мечтам! Именем великого Союза Советских Социалистических Республик, именем всех народов нашей страны Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда воздаст шпионскому фашистскому отребью по его гнусным делам полной мерой!

Велика и священна ненависть всех трудящихся нашей родины к врагам народа—шпионам, диверсантам, вредителям, ко всем тем, кто хочет опоганить цветущую советскую землю вонючим сапогом германо-японского фашизма. Советский народ будет судить шпионскую банду в полном соответствии со статьей 133-й великой Сталинской Конституции, по которой **«измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж—караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».**

Лазутчикам капиталистического мира нет и не будет у нас никакой пощады. Эти лазутчики не уйдут от все более бдительного глаза диктатуры рабочего класса. Гадина фашистского шпионажа многоголова. Но ее головы мы отсечем, все щупальцы и жала змеиные мы обнаружим,

обезвредим, отрубим. Ибо эти щупальцы и жала отыскиваются миллионами глаз советских патриотов.

Бдительность советской разведки, бдительность органов НКВД, возглавляемых тов. Ежовым, у которого слова не расходятся с делом, оборвала подлую деятельность восьмерки фашистских шпионов. Этот разгром военно-шпионской группы, с которой у фашистов было связано много надежд,— яркий показатель кризиса, заката буржуазной разведки. Этот разгром свидетельствует, что всякая новая попытка засылки шпионов и диверсантов в СССР будет во-время пресечена. **Советская разведка крепнет, растет, усиливается. Пусть трепещут все шпионы, диверсанты и убийцы! Советская разведка покажет, на что она способна!**

“Правда”, 11 июня 1937 г.

ЗА ШПИОНАЖ И ИЗМЕНУ РОДИНЕ— РАССТРЕЛ!

Верховный Суд вынес восьми пойманым с поличным шпионам заслуженный приговор. Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза ССР в с е х подсудимых—Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. П., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. И., Примакова В. М. и Путну В. К. признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской армии, измене родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского—звания маршала Советского Союза и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания—**расстрелу**.

Острый меч социалистического правосудия обрушился на головы подлой военно-шпионской банды. Вместе с гнуснейшей гадиной Гамарником, покончившим жизнь самоубийством, чтобы уйти от разоблачения и суда,—эти восемь шпионов совершили самые тяжкие злодеяния, какие только мыслимо представить. Они, как Иуды, за фашистские серебрянники продались врагу. Эта банда, как установлено судом, совершила весь круг преступлений, которые 133-я статья Сталинской Конституции требует карать, как самые тяжкие злодеяния. Осужденные ныне шпионы,

«находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-

Крестьянской Красной армии, подготовляли на случай военного нападения на СССР поражение Красной армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Не сбыться подлым замыслам фашистской банды! Великий и священный гнев охватил миллионы трудящихся, когда узнали они о гнусной деятельности военно-шпионской шайки. Молниеносно облетела вчера наши заводы, шахты, красноармейские части весть о разоблачении восьми военных шпионов и суде над ними. По всей великой Советской стране—на собраниях и митингах рабочих, красноармейцев, интеллигенции, колхозников—несутся единодушные требования расстрела шпионов, единодушное одобрение приговора Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР.

Например, рабочие московского завода им. Орджоникидзе в своей резолюции записали:

«Мы требуем от советского правосудия самого сурового наказания—расстрелять подлейших из подлых! На советской земле нет места извергам и убийцам!»

Могучие волны народного гнева смывают с лица земли всякого предателя, изменника, шпиона, всякого, кто хочет подорвать мощь Красной армии, кто покушается на великие завоевания социалистической революции, на наши богатства, добытые трудом народов и принадлежащие народам Советского Союза.

Рабочие и работницы фабрики «Парижская Коммуна» заявляют в своей резолюции:

«Нет и не может быть никакой пощады врагам народа, изменникам и шпионам, продававшим нашу родину кровавым псам фашизма. Во имя счастья нашей страны, во имя дальнейшего расцвета нашей родины, во имя счастья всего трудового человечества мы требуем от советского суда расстрела этой банды шпионов. Стереть с лица земли изменников родине!».

Зоркий глаз диктатуры рабочего класса обнаружил это последнее военно-шпионское ядро одного иностранного государства, твердая рука диктатуры рабочего класса разрушила, разгромила это ядро и стерла его с лица земли. В этом проявились растущее могущество советского строя, сила и зоркость советской разведки. В этом проявился кризис иностранной буржуазной разведки со всем ее вековым опытом провокации, шпионажа, диверсий.

Не помогли и не помогут все ухищрения агентам фашистских разведок в нашей советской стране!
Разгромом последнего военно-шпионского ядра мы не только укрепили мощь Красной армии. Мы раскрыли карты и планы одного иностранного государства, и всякая его попытка нападения на СССР будет означать начало конца хозяйничанья господ Геббельсов!

Большие надежды возлагали правители одного из иностранных государств на ныне уничтоженную военно-шпионскую группку, торговавшую кровью десятков тысяч красноармейцев, кровью миллионов рабочих и крестьян. Бешеная ярость душит империалистов, особенно германских, когда они видят, что наша социалистическая родина растет и

крепнет, наливается соками грядущего изобилия, расцветает талантами миллионов рабочих и крестьян, завоевывает недостижимые для капитализма высоты культуры.

Все усилия фашистских главарей некоторых иностранных государств направлены к тому, чтобы поразить Красную армию, расчленив СССР, уничтожить великолепные завоевания народов Советского Союза, превратить наш парод в рабов фашистских варваров. Вот что готовило, вот каким целям служило основное военно-шпионское ядро одного иностранного государства—восемь фашистских шпионов, вчера присужденных к расстрелу приговором Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР.

Этот приговор—голос советского народа.

Требования расстрела шпионов всеобщим гулом народным раздаются и в красноармейских частях и школах, на шахтах и деленных дорогах, в колхозах и совхозах. И как бы выражая общую мысль трудящихся СССР, заявили на митинге своем рабочие завода имени Горбунова:

«Мы нанесли большой удар по поджигателям войны. Это хороший урок для фашистов. Если они попробуют совать свое свиное рыло в наш советский огород, то мы так ответим им, что они не соберут своих костей».

—Не дадим грязному фашистскому сапогу ступить на нашу священную землю!—таков единодушный ответ всех трудящихся вашей родины на происки буржуазных военных разведок, их шпионов и их фашистских хозяев. Пусть трепещут все шпионы, диверсанты и убийцы! Пусть твердо запомнят они: мы разорим до тла и уничтожим все

шпионские гнезда поджигателей войны, мы разорвем все нити шпионской паутины, как бы топко она ни плелась, мы беспощадно сотрем с лица земли всех врагов народов СССР!

Никакая сила не может сломить народа, руководимого партией Ленина—Сталина. Под руководством нашей славной партии народы СССР свергли царизм, свергли власть помещиков и капиталистов. Под руководством партии Ленина—Сталина народы СССР победоносно закончили гражданскую войну и разгромили войска германских, японских и прочих интервентов, пытавшихся завладеть советской землей. Под руководством партии Ленина—Сталина ликвидированы в нашей стране эксплуататорские классы, созданы первоклассная социалистическая промышленность и крупнейшее в мире социалистическое сельское хозяйство.

Советский строй распрявил спины многомиллионного народа, вдохнул в него новую, социалистическую, счастливую жизнь. И такой народ хотят германские империалисты победить, поработить. Презренные! Никогда не осуществиться их подлым мечтам и замыслам. Советский народ и его славная Рабоче-Крестьянская Красная армия непобедимы!

Наступил закат буржуазной разведки. Трудящиеся Советского Союза удесятятят свою бдительность, и сила нашей, советской разведки в том, что за нею стоит, ее поддерживает весь народ. Именем многомиллионного народа уничтожены восемь военных шпионов. Собакам—собачья смерть!

Неизмерима сила советского народа. Непокколебима его воля к победе. Безгранична его любовь к партии Ленина—Сталина, к советскому правительству и Сталинскому Центральному комитету. Никаким фашистским шакалам и шпионам не приостановить нашего победного шествия к коммунизму! **Великая пролетарская революция победила под знаменем партии Ленина—Сталина окончательно и бесповоротно на одной шестой части земного шара. Под этим знаменем она победит во всем мире!**

„Правда“, 12 июня 1937 г.

МОЩЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НЕСОКРУШИМА!

Как могучий утес, висится Советский Союз над беснующимся морем капиталистического окружения. Каждый год, каждый месяц, каждый день приносит миру все новые, все более яркие свидетельства роста силы нашей родины, ее богатств, ее могущества, ее обороноспособности. Одним из показателей нашей мощи является разгром и уничтожение фашистских шпионов Тухачевского, Якира, Уборевича и других—военно-шпионского ядра одного иностранного государства, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР.

Поджигатели войны возлагали на эту военно-шпионскую группу большие упования. С помощью своих наймитов генеральный штаб одного из иностранных государств рассчитывал добиться поражения Красной армии, поражения Советского Союза. В расчете на подрывную работу своих шпионов строили господа Геббельсы и иже с ними свои завоевательные планы. Эти планы раскрыты, они провалились с треском!

Растерявшиеся фашистские разведчики и их хозяева подняли дикий вой в связи с разгромом военно-шпионской банды Тухачевского, Якира и других. Плач по погибшим ценным шпионам сопровождается в германской и японской печати криками о «слабости СССР», «восстаниях в Москве», «расстройстве в рядах Красной армии» и тому подобными бреднями. **Видимо, они забывают, что Москва—не Токио, где любая группка военщины вырезывает министров**

среди белого дня. Такой дисциплины в армии, такой поддержки правительства всем населением, какое мы имеем в СССР,—не знала и не может знать ни одна страна в мире!

Вопли реакционной печати не могут прикрыть очевидного факта разоблачения и провала фашистских планов военного вторжения в СССР. Каждый здравомыслящий человек понимает, что разгром и выкорчевывание фашистских шпионов в СССР, выкуривание их изо всех нор еще выше поднимает силу нашей родины, мощь Красной армии! **Если кто и ослабел от разгрома военно-шпионской банды, то, разумеется, не СССР, а фашистские хозяева расстрелянных шпионов. Карты их генерального штаба раскрыты, их козыри биты, их стратегические замыслы стали ясны, направление их агрессии и планы войны стали известны.**

Есть от чего беситься германской печати, открывшей бешеную антисоветскую кампанию. **Растущей слабости фашистских агрессоров противостоит наша растущая сила!**

Бесславен итог пятилетнего владычества фашистов в Германии. Сами капиталисты уже не могут скрыть от мира все усаливающийся голод в Германии. Промышленность почти целиком переключена на производство орудий войны. Посевные площади сильно сокращены—земля пожирается аэродромами и огромнейшими концлагерьями для рабочих. Валюта—марка—упала почти вдвое. Цены растут, что губительно отражается на и без того голодном бюджете миллионов рабочих семей. Нищета страны резко проглядывает сквозь все маски, сквозь отчаянные попытки

приукрашивания гитлеровцами положения. Недовольство широчайших масс немецкого народа своими правителями все более отчетливо, все более резко.

Свою главную ставку фашисты ставили на завоевательную войну против СССР, на поражение и расчленение Советского Союза, на подготовку этого поражения при помощи своих шпионов. Бита теперь эта карта! Плохо придется тому, кто вздумает испытать силу Красной армии, силу советского народа, ведомого партией Ленина—Сталина. Народы СССР били всех своих врагов даже в годы гражданской войны, когда советская власть получила в наследство нищую, экономически слабую страну. Что и говорить о грядущих битвах, которые мы встретим как могучая индустриальная держава во всеоружии достигнутых всемирно-исторических побед социализма!

Страна, советская могуча первоклассной социалистической промышленностью, созданной сталинскими пятилетками. Страна советская могуча крупнейшим в мире социалистическим сельским хозяйством, год от году все более расцветающим. Страна советская могуча Рабоче-Крестьянской Красной армией, созданной партией Ленина—Сталина и верной до конца советскому правительству, партии, ее Центральному комитету.

Страна советская и власть советская могуча, она сильнее всех государств мира, ибо владеет неиссякаемыми источниками таких сил, которые недоступны буржуазному государству. Этот источник—любовь и доверие всего советского народа, к своей, родной партии Ленина—Сталина, которая сквозь неслыханные трудности и в борьбе с

сонмами врагов вела и привела страну Советов и ее народы к счастливой, социалистической жизни, какой еще не знала история.

В этом источнике народной любви, советского патриотизма, трудового энтузиазма черпает наша партия и ее Сталинский Центральный комитет все новые силы для побед социализма. Недаром поется в нашей народной песне: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Так обстоит дело на всех участках социалистического строительства, так обстоит дело и на любом участке защиты наших границ.

У нас слитны армия с народом, чего нет и не может быть ни в одном буржуазном государстве. Красная армия—авангард нашей обороны. Горячей народной любовью и повседневной заботой партии, правительства, всей страны окружены сыны народа, охраняющие его социалистический труд. Партия и советское правительство создали Красную армию, воспитали ее прекрасные кадры в духе преданности делу Ленина—Сталина. Партия и правительство, при горячей поддержке всей страны, оснастили Красную армию могучей техникой обороны. Понятна вся сила ненависти врагов нашей родины к Красной армии, желание врага прежде всего подорвать мощь Красной армии, расставить в ней своих шпионов и диверсантов, чтобы дезорганизовать нашу армию, подготовить ее поражение, пролитие крови десятков тысяч красноармейцев.

Каждый обнаруженный в Красной армии шпион—большая потеря для врага, каждый обнаруженный шпион—сохранение сотен и тысяч красноармейских жизней. Недаром написано в приказе товарища

Ворошилова: «Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны».

Наша, Красная армия неуязвима и непобедима! Вся мощь страны, ее социалистической индустрии, ее транспорта, ее колхозов и совхозов придет на помощь Красной армии, когда враги вздумают на нас напасть. На защиту священной советской родины встанет весь народ. Слова красноармейской присяги:

«Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Союза Советских Социалистических Республик от всяких опасностей и покушений со стороны всех врагов и в борьбе за Союз Советских Социалистических Республик, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил. ни самой жизни»

—слова эти относит и к себе каждый гражданин Советского Союза. **Такой народ, такая страна, такая армия не победимы!**

Мы раздавили, как ничтожнейших червей, военно-шпионскую банду Тухачевского и его сообщников. **Всей мощью Союза Советских Социалистических Республик мы раздавим и фашистских хозяев этой шпионской банды, как только они посмеют на нас напасть. Таково нерушимое слово партии Ленина— Сталина, такова воля советского народа, у которого слово никогда не расходится с делом!**

„Правда“, 14 июня 1937 г.

Ответ, по выпуску Н. Г. Пичугин.
Техн. редактор М. А. Чесноков.
Корректор А. В. Скворцова.

Сдано в набор 17-VI 1937 г. Подписано к печати 29-VI 1937 г.
Формат бумаги 62 X94 1/16- Бум. дистов 5 1/4. Печати, листов 10 ½.
Учетно-авторских листов 12,5. Знаков в бум. листе 93258. Тираж 25
200 экз. Уполн. обллита № 2946. Изд. инд. 1/П. Изд. № 121. Заказ №
2018.

Тип. изд-ва „Коммуна“, Воронеж, пр. Революции, 51.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

- 1) КОГИЗ А ВОРОНЕЖ, ПЛЕХАНОВСКАЯ УЛ., НОВЫЙ БАЗАР.
- 2) ОТДЕЛ КУЛЬТТОВАРОВ ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛПО. РЕБСОЮЗА,
3-я ПЕШЕ-СТРЕЛЕЦКАЯ, № 18.